

Пирс ЭНТОНИ

ХТОН

Annotation

Действие происходит через 15 лет после событий романа «Хтон». Главным действующим лицом на этот раз становятся сын Атона от обыкновенной женщины — Арло и его дочь — Досада. Хтон выступает в этом романе как некое божество — неорганический разум, который может оказывать большое влияние на все живое Хтона. Хтон даже пытается уничтожить всю органическую жизнь, чтобы жить одному.

И первое и второе произведение могут быть рекомендованы к прочтению как контраст с фантастикой других авторов.

Пирс Энтони

Фтор

ФТОР — происходит от греческого «phthoros» — «уничтожение, разрушение».

1. Химический элемент, символ F (лат. Fluorim).
2. Армагеддон, «Гибель богов», Рагнарек.
3. Хтонический бог.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ СЕКТОРА, § 426

«...фтор — единственный из известных элементов, который не образует соединений с кислородом».

Элиот и Сторер, «Неорганическая химия»

Пролог

Уничтожение

Единственный ответ

F

Fluorum

В соединеньи с кислородом

Phthorum

Наша сущность

Враждебная химии жизни

Парадокс:

Жизнь есть ужас

Ее нужно вычеркнуть

Однако жизнь нужно взрастить

Орудие

Уничтоженья жизни

Атон:

Наполовину миньон

История его прихода к Хиту

Шестиугольник

Прошое — Настоящее — Будущее,

Представленные половинками каждого лика

Нет выхода из этой параллельной цепи

Арло:

На четверть миньон

История его проявления в качестве Фтора,

Раздвоенная — буква Y

Прошое — Настоящее — Будущее,

Представленные ветвями дерева

Четыре выхода — и ни одного

Единственный ответ

Уничтоженье

Часть первая

Арло

§ 426

Арло остановился, когда к нему подбежал крот-светляк. Лапки крохотного зверька оканчивались острыми шипами, которые входили в камень наподобие бурильного молотка, и крот перебежал по стенам с резким цокающим звуком.

— Что с тобой, Железный Коготь? — спросил Арло. Общаться с пещерными животными он мог без слов, посредством Хтона, но Кокена велела ему почаще разговаривать вслух. Иначе, предостерегала она, он забудет язык своих предков.

Его предков? Арло знал о них лишь из рассказов Кокены про огромную вселенную вне пещер Хтона — целых планетах, населенных людьми, а не животными. В это трудно было поверить, особенно потому, что ему не разрешали посмотреть самому. Возможно, мать имела в виду ДЗЛ — большую книгу Древнеземлянской литературы, — по которой она учила его читать. Все истории — про минувшие времена, и ни одной — про пещеры...

Крот развернулся и зацокал в обратную сторону. Его блестящая шерстка мерцала голубым светом. Он был один из едоков свечения, которые выискивали на стенах питательную плесень и, объедая ее, ослабляли освещение. Почти весь Хтон освещался плесенью: не слишком ярко, но и не настолько тускло, чтобы сделать передвижение рискованным. Не считая тех временных затемнений, которые недавно выели более крупные едоки.

— Чего он хочет, Хтон? — спросил Арло, направляя внимание в то место в своем мозгу, где обычно появлялся его друг. Но на этот раз не получил ответа.

Что ж, у Хтона свои дела, а вопрос был не таким уж важным. Арло последовал за кротом.

Тот проискал до одной из узких пещерных речушек, затем поспешил вдоль берега. Арло шел за ним по воде. Этот участок был безопасен, он здесь часто бывал и знал его особенности. Маленькие китомедузы не могли на него напасть, а гусеницу он бы услышал издали.

Они продвигались вверх по речке до тех пор, пока стены не сузились и не показались многочисленные сталактиты, капель с которых подпитывала речку.

— Тупик? — пожаловался мальчик. — Ты меня дразнишь?

Он ошибался. Это был не тупик, поскольку кто-то пробил в стене отверстие, ведущее в новый туннель. По высоте отверстия Арло рассудил, что это сделала камнеедка величиной с человека. Безвредная тварь, да и живет она в одиночку — но какая сильная! Стена здесь была в палец Арло. Глупая камнеедка, вероятно, ударила по ней, рассчитывая на ее прочность, и убежала прочь, когда отвалился целый кусок стены.

— Так вот зачем ты привел меня! — воскликнул польщенный Арло. — Спасибо, дружок. Конечно, я нашел бы проход и сам, но с тобой быстрее. Новый участок для исследований?

Но крот на этом не остановился. Он процокал в отверстие и двинулся дальше.

— Что-то еще? — Теперь Арло разволновался. У него был тонкий нюх на приключения («Ты унаследовал его от отца!» — любила говорить Кокена, взъерошивая его рыжие волосы) и дар отменного хоюза. («От матери», — сказал бы, подмигивая, Атон). Странное дело, ведь Кокена прогулки не жаловала и все время отсиживалась в расслабляюще теплой пещере возле кипящего потока.

Впрочем, его родители всегда казались печальными, и не только потому, что один потерял глаз, а другая — возможность передвигаться, но и потому, вероятно, что не могли забыть своего первенца, имени которого Арло ни разу не слышал. Тот мальчик умер в младенчестве, еще до рождения Арло. Он знал о кем

лишь со слов старого доктора Бедокура. Вот почему буква «А» Первенца перешла ко второму ребенку — иначе бы его назвали по-другому. Арло знал, что он — второй сын и в глазах родителей принадлежит ко второму сорту, хотя они никогда об этом не упоминали — не было нужды.

Теперь Арло двигался осторожнее, ибо новые туннели могли быть смертоносны, пока неизвестны их особенности. Этот участок казался заурядным, но Арло не такой дурак, чтобы полагаться на внешний вид. Он принялся, изучая подозрительные запахи. Иногда на такой вот сухой территории подстерегала химера...

Его нос что-то обнаружил. Какой-то новый запах — знакомый, но непривычный. Наверняка животное — неизвестного ему по пещерам вида.

Арло продолжал бесшумно двигаться, свернув с прямой тропы крота, чтобы не попасть в засаду. Кроту-светляку можно было доверять, но животное нетрудно одурачить. А что, если кто-то послал крота, чтобы заманить мальчика в пределы своей досягаемости...

Арло оскалил зубы наподобие того, как это делал иногда Атон. У мальчика на бедре висел длинный острый сталактит, а за щекой были спрятаны два осколка железного камня. Он мог рассечь глаз нападавшему животному с расстояния в десять своих ростов. Двадцать ярдов в мерах длины Древней Земли. Эта способность была бесполезна против крупных хищников, но большинство из них он мог избежать или перехитрить. Необходимо лишь крохотное предупреждение.

Загадочный запах усилился. В пещерах всегда был слабый сквозняк, даже в тупиках, здесь же ветер дул со стороны каменоломни. Арло бесшумно ступал голыми ногами по теплому камню, нащупывая языком один из камней за щекой. Ради таких вот испытаний он и жил? Опасность, приключение, неизвестность, действие!

Затем Арло услышал завывание, доносящееся сквозь отдаленный плеск текущей воды: вероятно, вой раненого животного. Он двинулся на звук неосторожно высунул голову из-за поворота стены. Посреди чашеобразной пещеры он разглядел разочаровывающе маленькое существо.

Это был обнаженный человек.

Чтобы осознать это, Арло потребовалось какое-то время, поскольку, кроме родителей и Бедокура, он редко видел других представителей своего вида. Другие были на картинках в ДЗЛ, поэтому Арло знал, что они существуют, — но те были одеты.

Возможно, это зомби. Зомби выглядят как люди, хотя ими не являются — и не только потому, что они голые. Арло сам сбрасывал стесняющую его одежду, когда выходил из дома. У зомби не было разума. Они двигались по указанию Хтона и избегали настоящих людей. Арло никогда не видел зомби-ребенка, но пещеры полны неожиданностей.

Во всяком случае, бояться ему нечего. Зомби оказался небольшой и, очевидно, неисправный. Звуки, которые слышал Арло, были плачем. Неудивительно, что они показались ему такими странными!

Даже зомби заслуживают определенного внимания. Хтон забывает иногда о них, позволяя им кое-как прозябать поодиночке вне мест обычного пребывания, и тогда они и впрямь становятся беспомощными. Арло мог бы проводить этого зомби к его спутникам.

— Здравствуй, — сказал он, подходя к нему — но не слишком близко. От зомби всего можно ожидать.

Голова поднялась. По грязному лицу текли слезы, а за спутанными желтыми прядями сияли огромные глаза.

— Здравствуй.

Арло вздрогнул. Говорит! Зомби говорят только при непосредственном управлении Хтона. А он думал, что бог отсутствует.

— Хтон? — спросил Арло, сосредоточившись.

— Что? — произнес ребенок.

Арло взглянул в его глаза. Они были тусклыми — но Хтона там не было. Что означало...

— Ты — человек!

— Я не знаю, где нахожусь.

— Ты говоришь самостоятельно! У тебя есть разум!

— Не обижай меня!

— Как тебя сюда занесло?

— Старая тюрьма... слишком далекая прогулка, не могу найти дорогу назад...

— Тюрьма! Отсюда до нее дневной переход — для меня. Для тебя еще дальше.

Арло знал, что он хороший ходок. Он мог перегнать отца, так как был сильнее его и лучше знал пещеры, а кроме того, мог вызывать Хтона, чтобы тот придержал хищников.

— Наверное... уже несколько дней, — сказал ребенок. — Не умею здесь определять время.

Интересно. Арло определял время по ритмам больших пещер, пульсу Хтона — он автоматически переводил их в часы и дни, которые показывали родительские часы.

— Я провожу тебя туда.

Ребенок поднялся.

— Спасибо.

Теперь Арло увидел, что это девочка. По крайней мере, не мальчик. Грудь как у мужчины, но между ног не видно никакого отростка.

— Ты девочка? — спросил он с любопытством.

— Вполне.

Он пожал плечами и повернул к реке.

— Туда.

— Пожалуйста... — сказала она, уже без слез, но с прежним страданием в голосе. — Я хочу есть и устала. У тебя нет ничего съестного?

— Полным-полно свечения, — ответил он, указывая на стены.

Она недоверчиво поглядела на него.

— Вот это зеленое? Ты его ешь?

— Иногда. Или убиваю какое-нибудь животное. Или растение.

— Растения в пещерах не растут! Здесь нет солнца.

Ни одно из этих утверждений не имело смысла, и он не стал отвечать. Она задумалась.

— Значит, животное.

— Кое-какие есть в реке.

Арло повел ее туда. Она нетвердыми шажками последовала за ним. Он гадал, как она смогла забраться так далеко без пищи, если не ела свечения. И как сама не стала пищей хищника. Большинство животных держалось поодаль от тюремных туннелей (те были чересчур жаркими и сухими), но она должна была пройти и через другие места. Пока она не показала и намек на знание пещер.

Следовательно, она должна, знать, как драться. В таком случае она опасна. Атон умел драться, и Арло знал, что лучше не втягивать его в серьезное единоборство. Даже хрупкая, слабая Кокена с год назад впечатала его в стену, когда он, по ее словам, забыл, что еще носит короткие штанишки. Штаны — одежда времен ДЗЛ, надеваемая на ноги, в пещерах ими не пользовались, но Арло ее понял. Когда-нибудь и он научится боевому искусству...

Так что за этой беспомощной на вид девчушкой нужен глаз да глаз — пока он не удостоверится в ее способностях. Вероятно, найдется способ скрытно провезть их.

Арло вытащил из холодной речной воды скатомедузу. Та сопротивлялась и пыталась дотянуться до его руки жалом, но он умелым движением переломил ей псевдохребет, и она затихла. В убийстве была своего рода прелесть, но также и вина, поэтому он никогда не убивал просто так.

— Держи!

Девочка отпрянула.

— Это?

— Животное. Его едят.

— Сырое?

Он с недоумением посмотрел на нее.

— Оно же мертвое. Я его убил. Ты хотела, чтобы оно жило?

— Ты его не приготовил!

В раздражении Арло осадил ее:

— Ты хочешь его поджарить? — (Кокена поступала так с мясом и совершенно его портила.)

— Да.

— Зачем?

— Чтобы сделать съедобным!

— Оно и *так* съедобное!

Она села и прислонилась к стене, вытянув ноги. Они отличались от его ног: не такие жилистые, поокруглее. По-своему славные.

— Пожалуйста... мы можем его приготовить?

— Когда доберемся до огненного языка, — ответил Арло. Его взгляд проследовал вдоль ее гладких ног до места их соединения, где находился не детородный член, а некая складка. По какой-то причине она его заинтересовала.

— Хорошо, — согласилась девочка с легким вздохом. — До огненного языка. — Ее тон показывал, что она не понимает, о чем говорит.

Раздражение Арло боролось с любопытством.

— Дай поглядеть, — потребовал он.

— Что?

— Вот это. — Он ткнул пальцем в складку. Почти инстинктивно Арло понимал, что ведет себя неприлично, но это его лишь подстегивало. Он готов был поставить блоки отскочить, если она нападет на него. Девочка находилась в неудобном для схватки положении, он это уже отметил. Насколько она быстра и ловка? — Как ты устроена?

Девочка не возражала. Ее тело было совершенно расслаблено.

— Так же, как любая девчонка.

Он ощупывал ее до тех пор, пока не наткнулся на камень у нее под ягодицами, но так ничего и не обнаружил.

— Как ты мочишься?

— Хочешь, чтоб я сделала это тебе на руку?

— Да.

— Не могу. Пойдем лучше искать огненный язык.

Подавленный по нескольким причинам, он встал и направился к ближайшему выбросу пламени. Ощущение ее странной, мягкой, несовершенной анатомии вызвало в нем какое-то сильное чувство, но он

не мог найти ему точное название.

— Ты не спросил, как меня зовут, — сказала она, бредя следом за ним.

Ее имя, казалось, мало его интересовало.

— А ты не спросила, как зовут меня, — грубо заявил он.

— Как тебя зовут?

— Арло Пятый.

— Хвея! — воскликнул она.

Арло в удивлении остановился.

— Ты что-то знаешь о Хвее?

— Фамилии-числа. Они с планеты Хвея. Все знают о ней — это единственное место, где растут растения хвеи. Твое имя начинается на «А» значит, ты первенец. Ты — счастливый!

Он был польщен.

— Моя мать — Кокена Четвертая, третья ветвь высокородной Династии.

— Наверняка из дворянства Хвеи. Она, конечно, переживала, когда тебя осудили.

— Осудили?

— А за что же тебя отправили в Хтон, дурачок?

— Меня сюда не отправляли! Я здесь родился.

— Не ври!

— Здесь живет вся моя семья. Мы — не заключенные... мы — местные.

Девочка покачала головой:

— Я здесь недавно, но знаю, что здесь никто не рождается. В пещерах что-то этому мешает. Наверное, очень жарко.

— У реки не жарко!

Она задумалась.

— Верно! Здесь ветер, и водятся животные. Вероятно, возможно и размножение. — Она подняла голову, откинув назад светлые волосы. — Я хотела бы увидеть твою мать.

— Нельзя. Ты вернешься в тюрьму, которую покинула. — После чего в очередной раз задумался: — Что мог сделать такой ребенок, как ты, что его сослали туда? По тебе ни за что не скажешь.

— Мы никогда не говорим о своем прошлом, — робко произнесла она.

— Ты же только что спрашивала *меня* о...

— Тем не менее.

Рассердившись, Арло готов был ее ударить. Он быстро приходил в ярость.

Она не отступила, но и не напала. Вместо этого она вдруг улыбнулась — проказливой и беззаботной улыбкой, которой, как он понял, она его дразнила. Он улыбнулся в ответ, сознавая комичность ситуации, но девочка внезапно помрачнела.

Человек, размышлял Арло, намного сложнее животного. Какое-то время он рассматривал девочку, пытаясь понять ее побуждения. Но они оказались такими же неуловимыми, как и плоть, которую он тщетно искал у нее между ног.

Она из тюрьмы — это был единственный намек. Преступница, отвергнутая себе подобными. Но конечно же не из-за того, что ее настроение так быстро меняется?

Арло плохо знал тюремные пещеры по нескольким причинам. В них жарко и ветрено, так что человек

без запаса воды быстро обезвоживается. Они удалены от обычных мест его обитания. Они почти не соединяются с главными пещерами, так что до них добраться трудно. И Атон запретил их посещать. В результате Арло редко видел заключенных и относился к ним почти как к зомби: существа из иного мира, не родственные ему. Все заключенные были взрослыми, некоторые даже старыми. Мужчины — гибкие и жилистые, женщины с выпирающими или отвислыми грудями и курчавыми волосами на лобке. По сравнению с Кокеной, они были уродливы, несмотря на свою наготу. Но иногда, разглядывая их, он обнаруживал, как набухает и твердеет его член.

— У тебя пенис торчит, — сказала девочка.

Смущенный без видимого повода, Арло двинулся вниз по реке. Чтобы не отстать, девочке пришлось идти быстрее.

— Почему в тюрьме не говорят о прошлом? — кинул он через плечо.

— Не знаю. Наверное, просто условность. Я не...

— Не ступай в воду! — внезапно крикнул он.

Она замерла с занесенной ногой.

— Я не могу все время перепрыгивать, как ты! Здесь ведь неглубоко.

— В этом месте обитают присоски.

— Что за присоски?

— Сейчас покажу.

Арло окунул скатомедузу в чистую воду и помотал ей, держа руки над водой. Через мгновение возникло какое-то подвижное мерцание.

Когда он вытащил скатомедузу, с нее свисало два тонких, прозрачных хвостика. Внутри каждого уже образовалась красная полоска — кровь из мяса перекачивалась в пищеварительный тракт паразита.

— Присоски причиняют боль, — объяснил Арло.

— Ух ты! — согласилась она, отступая назад.

Ударив скатомедузу о стену, Арло сбил с нее присоски. Те упали в воду и исчезли из виду, оставив на поверхности две воронки.

— Почему ты их не убил? — спросила девочка.

— У них не очень приятный вкус, если они давно не питались.

— Не для еды! А чтобы убить.

— Зачем?

— Они же опасны!

— Не для меня.

— Ты только что показал, как они...

— Если кто-то настолько глуп, что сует ногу в воду, где они обитают...

— Ты так и не спросил, как меня зовут.

— Забыл.

Он пошел дальше, вниз по реке. Она двинулась следом, ловко перепрыгивая, где необходимо.

Огненный язык вырвался из трещины в горячем камне. Арло поднес к нему скатомедузу, чтоб поджарить жирное мясо.

— Откуда здесь огонь? — спросила девочка.

— Атон говорит, утечка из газовых пещер. Газ попадает главным образом в большие туннели над тюрьмой, но какая-то часть просачивается через трещины и вырывается в таких вот местах. Атон поджег газ, чтобы он не отравлял нам воздух.

— Как много ты знаешь! — с восхищением произнесла девочка.

— Мне уже четырнадцать. Я умею читать.

— А мне одиннадцать. Я тоже читаю.

— Что ты сделала? Кого-нибудь убила?

— Ты так и не спросил, как меня зовут.

— А если спрошу, ты расскажешь, что сделала?

— Нет. Я не должна рассказывать.

Арло пожал плечами, хотя его бесило, что его слова вновь оставили без внимания. Эта девчонка не походила на преступницу, а ведь, если верить Атону, в тюрьму Хтона попадали лишь самые злостные правонарушители. Что она *могла* сделать, чтобы заслужить такой приговор?

— Я могла бы наврать, — сказала она. — Я это здорово умею. Ты бы и не понял, верно?

— Понял бы, раз ты предупредила, что врешь!

— Но я бы сделала вид, что говорю правду.

Арло ее рассуждения показались слишком хитроумными.

— Кокена считает, что люди всегда должны говорить правду.

— А ты сам?

Он вспомнил о вынужденной лжи, которую говорил матери.

— Нет.

— Так что?

— Ладно. Как тебя зовут?

— Паллада. Это тоже вранье.

— Почему?

— Потому что настоящее имя выдало бы, что я сделала.

— Тогда почему же ты жаждала открыть мне свое имя?

— Чтобы ты лучше узнал меня.

— Мне для этого не нужно имя!

— Нужно. Имя девушки мучительно важно.

— Не для меня.

— Для краткости можешь звать меня Ада.

— Обойдусь без имени!

— Ты прелестен, когда бесишься.

— Вот твоя еда, — буркнул он и сунул ей под нос подпаленное пузырящееся мясо.

— Можно, конечно, Алла или Лада, но мне больше нравится Ада.

— Так почему ты в тюрьме?

— Здесь я не в тюрьме. Я — бывшая узница из Ада.

— Я не это имел в виду.

— Ух ты! — вздохнула она, понюхав скатомедузу. — Наверное, лучше было оставить ее сырой.

— Ты же обещала мне все рассказать, если я спрошу, как тебя зовут!

— Я обещала тебе соврать, — ответила она. — Что я и сделала.

— Вранье насчет имени не считается!

— Вранье, — сказала она вкрадчиво, — свелось бы к тому, что я сказала бы тебе, почему меня посадили в тюрьму.

На какое-то мгновение он был сбит с толку.

— Не понимаю тебя!

— А тебе нужно?

— Да!

— Зачем?

— Не знаю, — уныло признался он.

— Можешь забрать свою горелую рыбешку!

— Зачем?

— Чтобы отплатить мне за вранье. Наказание. Мсть.

— Так ведь еда пропадет.

— В таком случае можешь сделать мне больно как-нибудь иначе. Например, ударить.

Арло задумался. Предложение было весьма привлекательным, хотя не исключено, что она, опять его дразнила. Его удар не достигнет цели — или окажется поводом для смертельного ответа. Именно так дрался Атон, и даже в игре он был опасен. Зато так можно проверить, понимает ли она что-нибудь в драке. Если он нанесет сильный удар, быстро поставит блок и одновременно отпрыгнет, игра будет стоить свеч.

— Да.

— Ударь меня! — проговорила она, заложив руки за спину и подняв голову. Так она была очень мила.

Арло ударил.

Его кулак быстро и сильно поразил ее подбородок и отбросил девочку назад. Он был доволен — ему удалось предотвратить встречный удар и без вреда покинуть пределы ее досягаемости.

Ада упала, словно сломанный сталагмит. Затылок хрустнул о каменную стену. Она лежала почти так же, как и тогда, когда он нашел ее, но на этот раз не плакала.

Тотчас же Арло раскаялся в содеянном. Он не осознал, насколько он крупнее ее и сколь слабо ее сопротивление. Теперь стало очевидно, что Ада — ничтожный боец. Она взбесила его и навлекла на себя воздаяние, ожидая разве что чисто символический удар. Он был расстроен, но не собирался причинять девочке вред.

Арло сел на корточки и осмотрел ей голову. Сквозь желтые волосы сочилась кровь, окрашивая их в алый цвет. Он зачерпнул воды в реке и плеснул Аде на голову, чтобы промыть рану. Девочка была жива, но он знал, что повреждение головы способно медленно убить ее или превратить в зомби. Потеря крови тоже вредна и к тому же могла привлечь хищников.

Арло понял, что убийство дается ему намного проще, чем лечение.

— Хтон! — с болью воскликнул он, обращаясь за помощью к своему другу-богу. Но Хтон по-прежнему не отвечал.

Арло быстро прикинул свои возможности. Можно бросить ее в реку, сплавить к ближайшей китомедузе. Китомедуза средних размеров способна за несколько часов проглотить скелет. Но Ада была еще жива и, несмотря на неприятности, которые она ему доставила, он не *хотел*, чтобы она умерла. Не считая взрослых, приятелей у него никогда не было. Теперь он понял, как их ему не хватало.

Можно рассказать все родителям. Но Атон с недовольством отнесся бы к появлению в пещерах

человека, а Кокену оно бы расстроило. Родители прогнали бы Аду назад в тюремные туннели, чего Арло не хотел. Девочка произвела на него сильное впечатление, в природе которого Арло не мог разобраться. Но он не желал, чтобы она ушла, пока он в этом не разберется.

Можно отнести ее в свой сад хвей — тайное место, о котором даже родители не знают. Ада сказала, что хвей растут только на планете Хвея, но это неправда. В саду можно оказать ей помощь и накормить, пока она придет в себя — если это случится. А если нет — в реке полно китомедуз.

Так рассуждал его разум, но и чувства уже вступили в дело. Он причинил девочке боль — и обязан помочь ей. Он почти не знал ее, но она обещала заполнить возникшую в нем вдруг пустоту.

Арло поднял Аду, вновь удивившись, какая она легкая, и понес вниз по реке. Ее голые ноги свисали с его левого плеча, а запачканные кровью волосы — с правого. И опять он почувствовал непривычную боль от угрызений совести.

Никогда в жизни он не нанесет больше бездумного удара.

Арло миновал камнетеску — серое, в рост человека, животное, покрытое плотно прилегающими чешуйками, — которая, стоя на задних лапах и опираясь на хвост, соскабливала зубами съедобное свечение. Она была сильна, но безопасна. На ней можно было проехать верхом и без вмешательства Хтона. Вряд ли кто из пещерных созданий был так послушен, как камнетеска.

— Отлично! — воскликнул Арло. — Ношу повезет камнетеска.

Но тут же сообразил, что ничего у него не получится. Ехать верхом — это одно, а заставлять глупое животное везти груз — совсем другое. Только Хтон мог до такой степени управлять им. Камнетеска понимала, что Арло ей не угрожает, и поэтому игнорировала его. Тут помощи не найти.

Ноша была не очень тяжелая, однако руки были заняты ей, а это затрудняло движение. Арло мог бы перекинуть Аду через плечо, головой вниз, но боялся, что это усилит кровотечение. Он не сумел направиться в сад напрямик, поскольку не мог ни плыть, ни карабкаться. Ровных туннелей здесь почти не было. Они извивались, как ходы громадных червей (Атон называл их лавовыми каналами), образованные потоками и разломами. Самые опасные животные часто посещали нижний уровень пещер — те места, где шел сейчас Арло. Он нес Аду и потому не мог для защиты ни бросать камни, что лежали за щекой, ни орудовать дротиком-сталактитом.

Удивительно, как может все изменить одна девчонка!

Пока неприятностей у него не возникало. Пещерные животные были не так умны, как он, и не сразу улавливали его слабые места. Но положение становилось все тревожнее, поскольку весть о его странном поведении уже распространилась по Хтону. Будучи свободным, сильным и подвижным, он имел лишь несколько смертельных врагов. Сейчас их становилось гораздо больше. Химера...

Арло вздрогнул. Так рисковать он не мог!

В сад вел один короткий путь, к тому же ровный и сухой: через лабиринт дракона.

Арло не боялся дракона, но лишь потому, что тот не мог покинуть собственные туннели. Его громоздкое тело преуспевало лишь на своей территории. В больших пещерах дракон становился неловким, улизнуть от него не составляло труда. Но в пределах своих туннелей диаметром метра в три он превращался в исчадие ада — свирепое и неодолимое. Дракон был плотояден и питался большими и малыми тварями, которые по глупости или случайно забредали в его логово и не успевали вовремя выбраться оттуда.

Сейчас Арло приближался к владениям дракона. Из-за девчонки, которая, вероятно, все равно умрет. Он понимал, что действует иррационально — ведет себя, по словам Атона, как дурак, — и какая-то его часть гневалась на это. И все-таки он шел.

Туннели здесь были не естественными, а выцарапанными в цельном камне мощными когтями дракона. Впрочем, камень был довольно мягкий: Арло смог бы обтесать его своим сталактитом. Но даже на крохотный туннель потребовались бы месяцы утомительного труда — а эти были далеко не крохотные!

Арло вошел в сужающийся проход, сохранившийся с тех времен — вероятно, века тому назад, —

когда дракон был молод. Большинство туннелей он расширил, но их было так много, что некоторые на краю логова он пропустил. Вероятно, изменил свой первоначальный замысел и больше в них не нуждался, а то и оставил их намеренно — для входа добычи. Очевидно, большую часть добычи дракону удавалось поймать, иначе бы он сдох с голоду.

Арло бывал в окрестностях лабиринта и знал, что он двухмерный. Тело дракона было таким тяжелым, что при падении его бы раздавил собственный вес, поэтому он предпочитал не забираться наверх. Так говорил старик Бедокур: а он-то разбирался в повадках животных.

К тому же дракон в это время обычно спал и пробуждался с неохотой. Так что рискнуть стоило.

Узкий туннель перешел в широкий. Следы когтей выдавали работу дракона, постоянно скребущего стены, чтобы вместить свое увеличивающееся тело. Общее устройство логова было несложно. Туннели лучами отходили от центральной пещеры, как спицы колеса, описанного в ДЗЛ. Их пересекал спиралевидный туннель, который делал несколько оборотов и заканчивался тупиком. Все «спицы» выходили за пределы спирали и тоже кончались тупиком. Большинство животных, забредших в лабиринт, терялись, так как не могли понять его устройства. Преследуемые драконом, они инстинктивно бежали наружу и попадали в тупик, где и становились верной добычей.

Арло быстро шагал к центру. Слух чудовища настроен в первую очередь на звук удаления. К шуму приближения он терпим, поскольку хочет, чтобы добыча забралась в центр лабиринта и там заблудилась. Пока Арло идет твердо и без страха, дракон вряд ли проснется.

И все же Арло хотелось, чтобы, эта часть пути поскорее завершилась.

По сравнению со спиралью «спицы» были короткими, но Арло и с пустыми руками понадобилось бы минут десять, чтобы пересечь логово. Сейчас времени на это уйдет вдвое больше.

Арло добрался до центральной пещеры. Здесь, зарывшись в мощные складки кожи, спал дракон. Даже лежа он был раза в два выше Арло. Впрочем, стоя он почти такой же: лапы у него короткие, а туловище при беге удлиняется. Воняло здесь изрядно — весь, пол пещеры завален нечистотами. Храп дракона напоминал завывание в дальних туннелях-воздуходувках.

Арло обошел дракона, стараясь идти бодрым шагом, чтобы показать «приближение». Выход наружу будет потруднее. Можно воспользоваться спиральным каналом, но это займет больше времени и, пожалуй, скорее разбудит спящее чудовище. Дело не в близости или громкости звуков, а в их природе и направлении.

Ада пошевелилась. С одной стороны, это хорошо, поскольку она приходила в себя, а с другой — плохо, поскольку он не мог предостеречь ее, чтобы она молчала. Звук его голоса мог разбудить дракона!

Девочка чихнула.

Дракон вздрогнул. Его толстый хвост дернулся.

Арло продолжал идти. Любое изменение и характере движения могло стать роковым — если их положение уже не является безнадежным. Чихание, однако, не звук страха, оно могло бы сойти за...

Громадный зверь перевернулся. Показались его твердые как металл когти. Каждая лапа была величиной с грудь Арло, каждый коготь подкреплялся особым расположением костей и мышц, которые наделяли его невероятной пробивной силой. Арло подумал, что, судя по строению лапы, дракон мог приходиться дальним родственником кроту-светляку.

Арло уверенно направился в дальний туннель. Дракон больше не шевелился. Опасность миновала. У Арло по телу пробежала дрожь облегчения.

— Куда ты меня тащишь? — громко спросила Ада.

Послышалось фыркание. Не было нужды оборачиваться, чтобы понять: на этот раз дракон проснулся! Дети стояли перед ним, как на блюдечке.

— Дура! — сердито воскликнул Арло, опуская девочку на ноги. — Беги... если можешь. Прямо по этому туннелю. В самом его конце есть дыра... я пойду другим путем.

А дракон уже двигался, пока еще вяло и сонно, сотрясая камень топотом своих ног. Арло вскрикнул, будто в страхе — несложная задача! — и побежал по спиральному туннелю.

Дракон добрался до пересечения и замер, смущенный наличием двух жертв. Какую из них преследовать? Но уже через миг решил: испуганную. Он обогнул угол и ринулся вслед за Арло. Ада замерла на месте, когда мимо нее промчалось удлинившееся туловище. Арло понял это не глядя: кроме топота дракона, других звуков не было слышно.

Арло собирался отвлечь чудовище, но оказался в трудном положении. На какое-то время он мог убежать от дракона, сворачивая в пересекающиеся туннели, — вес и скорость делали дракона менее подвижным, чем Арло. Но так не могло продолжаться вечно — и это бы не спасло раненую Аду. Когда дракон отстанет от Арло, его добычей станет она — на этот раз замирание на месте его не обманет! Почему девчонка не убежала, пока у нее была такая возможность?

Пещера сотрясалась под ужасными лапами дракона, передвигающими его туловище. Дыхание с запахом падали вырывалось из пасти, словно горящий газ. Арло понял, почему попавшие в лабиринт животные вели себя глупо и быстро теряли самообладание. Дрожащий камень делал их поступь неуверенной, приводил к неверной оценке своего положения и уменьшал подвижность. Дыхание чудовища едва ли не сдувало добычу, а его жар и зловоние могли ее парализовать.

Показался поперечный туннель, и Арло свернул в него. Дракон затормозил на повороте, потеряв скорость. Отлично — Арло был необходим выигрыш времени! Пожалуй, Арло мог обхитрить дракона, пока тот сонный, а сам вернуться назад к Аде и указать ей путь бегства. Слабая надежда, но...

Изгиб туннеля — и перед Арло показалась стена. Он ошарашенно уставился на нее. По ошибке он попал в тупик! Надо было свернуть в обратную сторону, к центру, где возможностей для бегства было больше. Вместо этого он побежал из лабиринта, как обезумевшее животное, и попал в ловушку!

Стены туннеля были здесь гладкими, без следов когтей. Дракон обмазал их своей густой слюной, сделав не подверженными повсеместному зеленоватому свечению. Зачем?

Положение стало безнадежным, но Арло должен бороться. Туша чудовища перегородила туннель: мимо не проскользнуть! Два крохотных глаза сфокусировались на мальчике. Распахнув челюсти, дракон приближался к нему.

Арло выплюнул в ладонь камень, прицелился и кинул в правый глаз дракона. Но тварь успела моргнуть, и осколок лишь скользнул по кожистому веку. Арло бросил второй камень в другой глаз — дракон снова моргнул. Уловка не удалась, он даже не ослепил чудовище — теперь оно легко справится с добычей.

Не считая хитрости, оставался лишь сталактитовый дротик. Арло выставил его перед собой, ожидая, когда громадные челюсти щелкнут перед ним, а он отскочит в сторону, уклонится от пасти и поразит дракона в глаз. Веком дротик не задержать! Арло несколько раз махнул рукой, заставляя дракона моргать. Тот не знал, что камни у Арло кончились.

Дракон наклонил голову и закрыл глаза. Тогда Арло высоко подпрыгнул и оказался между горячими черными ноздрями. Он тянулся к глазам дракона, но ноги его скользнули по слизи носа, и он приземлился прямо перед сомкнутыми челюстями. До глаз было не достать!

Арло воткнул дротик в мягкую влажную перегородку носа. Дракон взвыл и отпрянул. На какой-то миг его грузное тело коснулось гладкой стены туннеля, образовав с другой стороны пустоту. Удастся ли проскользнуть в нее?

Но тут челюсти дракона далеко разошлись, обнажив на удивление маленькие зубы. Из пасти вырвался воздух вперемешку со слюной, и образовалось туманное облако.

— Яд! — воскликнул Арло, когда его окружила обжигающая дымка. Это был конец. — Хтон! Хтон! — закричал он.

«Я здесь, друг», — произнес голос у него в мозгу. Хтон вернулся!

Тело дракона обмякло. С боков всосался свежий воздух. Арло жадно его глотнул, избавляясь от боли

в легких, а слезы промыли глаза. Теперь мальчик был в безопасности, ни одна тварь в пещерах не могла одолеть управление бога.

Арло разразился благодарностями и вопросом: «Хтон меня спас, но где Хтон был до сих пор?» — Смотри, кого я нашел! — сказал он вслух, вспомнив про Аду.

Но Хтон уже покинул его. Арло стоял обескураженный и озираясь, словно мог воочию обнаружить присутствие бога. Что это — упрек? Но в чем он провинился?

Впрочем, отсутствие Хтона не было полным — дракон оставался неподвижным. Что означал отказ Хтона от общения?

Арло пожал плечами. Он подобрал на земле оружие, а затем поспешил по туннелю к тому месту, где в последний раз видел Аду. Прежде всего надо вывести ее из западни. А на досуге можно поразмыслить о том, что имел в виду Хтон.

Ада сидела, скрестив ноги, в том же туннеле. У нее и мысли не было бежать! Голова девочки склонилась, на теле блестел пот.

Нет, не пот — слизь! С дурным запахом, блестяще белая, она покрывала всю кожу. Что ее вызвало: рана на голове или яд дракона?

Нет, у чудовища не было времени выдохнуть на нее яд. Это микса — слизь Хтона. Однажды он видел ее на Атоне, когда тот хотел зайти туда, куда запретил ходить Хтон. По словам доктора Бедокура, так бог карал существо, наделенное мозгом и силой воли для сопротивления велениям пещер.

— Нет! — воскликнул Арло, прикоснувшись к девочке. Она вся горела: еще один признак. — Ведь она не враг! Я ранил ее, я привел ее сюда — я должен спасти ее!

Хтон оставил его слова без внимания. Слизь стала твердеть. Ужасная белая корка покрыла Аду так, что девочка превратилась в каменное изваяние.

Никогда прежде Арло не сопротивлялся воле Хтона. Теперь придется это сделать.

Он взял сталактит и приставил к своей груди. Обеими руками обхватил его толстый конец и напряг мышцы.

— Прекрати — или я умру! — крикнул он.

Внезапно Арло подпал под волю Хтона, принуждающего его мышцы расслабиться. Он боролся, вдавливая острие себе в кожу, но противодействующая ему сила превосходила даже силу дракона.

Девочка зашевелилась. Когда она попыталась встать, с нее упали белые хлопья. Помочь ей Арло не мог. Все его существо было отдано борьбе с богом — борьбе, которую, как он теперь понял, ему не суждено выиграть. Хтон слишком могуч, Хтон — правитель всех пещер! Кто сражается с Хтоном, тот становится зомби.

Но Арло сражался. На его коже появился белый налет — первый блеск слизи миксы. Мальчика бросило в жар — жар не страсти, но казни. Его сокрушали, медленно и неизбежно, но он не сдавался.

Вдруг все прекратилось. Еще некоторое время Арло удерживал свой меч, чтобы убедиться, что осада не перенесена на девочку, затем расслабился. Хтон опять исчез.

Зашипел дракон, шум эхом пронесся по пещерам. Хтон отпустил и его!

Арло поспешил вывести Аду из лабиринта, пока дракон не вернулся. Спустился с ней к безопасному потоку, где смыл ей отвратительную миксу с кожи и кровь с волос. После этого повел в свой сад.

Сад находился в громадной пещере, настолько высокой, что потолка не было видно. Здесь было светло и тепло, поскольку яркое свечение исходило не только от стен и пола, но и от изящных зеленых и голубых растений, которые росли в нишах. Но еще сильнее освещало пещеру ровное желтоватое пламя сверху: горящие струи газа, чудовищные огненные языки, бросавшие вниз свет и жар, когда не было дымки. В саду было шумно — не от завывания ветра, а от рева падающей воды и вырывающегося огня.

Арло принес Аду в свой любимый укромный уголок и опустил возле пенящегося водопада. Он

принялся подкладывать ей под голову мох, но, пока занимался этим, девочка села — и так живо, что он догадался: какое-то время она уже бодрствует.

— Привет, — сказала Ада.

Арло тупо уставился на нее.

— Что?

Она говорила на языке Древней Земли, а не на галактическом. Арло знал его благодаря ДЗЛ, но никак не ожидал услышать мертвый язык в живых устах.

— Ой, больно! — закричала вдруг Ада, схватившись за голову, и упала на спину.

Расстроенный Арло забыл о вопросе, который хотел задать. Он подложил ей под голову мох. Лицо девочки было искажено сильной болью. Зачем он ее ударил? Мальчик чувствовал себя беспомощным, он не знал, как ей помочь. Некоторое время Ада корчилась от боли и стонала, а его сознание вины росло. Из головы у нее вновь потекла кровь, и мох потемнел.

В ту минуту, когда Арло показалось, что она умирает. Ада затихла. Глаза были закрыты, словно она спит. Какое-то время Арло наблюдал за девочкой, но она не двигалась, и постепенно его тревога отступила.

Ее место занял очередной приступ раздражения. Почему Ада не сказала ему, что умеет говорить по-древнеземлянски? И если она пришла в себя, когда он нес ее из логова дракона, почему не дала об этом знать? Она вполне могла передвигаться по туннелю до приступа миксы, а затем снова ослабла. Или так только казалось.

Арло пришло вдруг на ум, что последний обморок был очень удобен для девочки, которой не хочется отвечать на вопросы. Но ведь она и впрямь ранена, и у него не было уверенности, что он притворяется. Чему следует верить?

Раздираемый сомнениями Арло оставил девочку и пошел через сад. Растительность здесь была высокой и пышной, с тем нежным, ароматным запахом, который присущ хвее — цветку любви. Старик Бедокур несколько лет тому назад привез ему в подарок побег молодой хвеи. Бедокур мальчику не нравился, и Арло ему не доверял, но этот сумасшедший обладал трогательным умением делать прекрасные подарки и к тому же в нужное время. Хвея — прекрасный тому пример.

Вероятно, Бедокур рассчитывал, что Арло будет носить цветок в волосах, как носят мужчины планеты Хвея. Но та самая незрелость, что позволяла хвее переходить от человека к человеку и не привязываться к нему, позволила ей вновь вернуться в почву. И хотя во всей галактике хвеи росли только на их родной планете — Арло все равно попробовал.

И добился успеха! Цветок пустил корни и разросся. Было очевидно, что условия, необходимые для его разведения, были, очевидно, в этой светлой пещере точно такими же, как и на родной почве. Один-единственный побег разделился на два, затем на четыре. Арло пересадил новые растения и вскоре собрал семена. Теперь все они лучились здоровьем — некоторые крупнее, некоторые зеленее, некоторые крепче других. Арло попробовал скрестить их с пещерным светящимся мхом, чтобы вырастить светящуюся хвею, единственное в своем роде растение во всей вселенной, и достиг определенного успеха. Неискушенность Арло мешала ему осознать, сколь замечательно его достижение и как оно отражается на способности Хтона управлять ходом жизни в пещерах.

Мальчик остановился у самой обещающей ниши, где росла новая разновидность. Эти цветы были голубыми и — да-да! — слегка светились! Первый светящийся голубой гибрид! Арло поднес к цветку ладонь, но тот отклонился. На самом деле хвея не двигалась, просто ближайшие к нему лепестки чуть поникли, обозначая отказ.

Потрясенный, Арло отступил назад. Никогда раньше ни одно из растений не отвергало его! Что случилось?

Он подошел к другой хвее — привычно зеленой. Она тоже уклонилась от него. Следовательно, дело было не в гибриде, а в чем-то между ним и хвеями. А для того, кто знал, что такое хвея, это было ужасно.

«Хтон!» — крикнул он про себя. Но и бог отверг его. Ответа не было.

Это окончательно потрясло мальчика. Для него это было слишком. Арло выбежал из сада в один из проходов, поспешил по нему до пересечения с другим туннелем и дальше — вверх по извилистому подъему. Он не понимал точно, от чего бежит.

Потом сообразил, что направляется к пещере норн. Да, они могли бы объяснить. Его подсознание верно вело его. Арло продолжал идти по запутанным туннелям, избегая ловушек и опасностей, которые истребили бы любого человека или животное, плохо знакомых с этими тропами. Петляя по каньонам и штопорам, он пересек несколько троп гусениц и лабиринт малого дракона и наконец вышел к пещере — уступу за высоким водопадом, примерно на половине высоты стены.

Река здесь была сравнительно узкой, потому что круто падала вниз, образуя плоское полупрозрачное полотно, которое завешивало уступ холодным туманом брызг. Арло знал, что по другую сторону эти брызги испаряются, способствуя образованию облаков, которые проливаются иногда дождем на растения внизу. Порой ему хотелось полетать среди этих облаков, с той же легкостью проникая в их тайны, с какой он проникал в тайны туннелей. Но его желания были не слишком сильны. И вообще он чувствовал бы себя совершенно спокойно, не будь здесь жилища пори.

Они появились из темной дыры — три человеческие фигуры. Все три зомби: две — полностью, третья — наполовину.

Полуженщина подошла к нему.

— Да, мы можем рассказать тебе, Арло, сын Атона, — сказала она. — Если захотим.

Она была довольно привлекательной — с крупными красивыми грудями, тонкой талией, гладкой кожей и длинными черными волосами. Арло понятия не имел, сколько ей лет: определить возраст зомби невозможно. Вероятно, лет пятьдесят или шестьдесят, поскольку глаза ее стали щелками, сквозь которые просвечивал древний голод.

Арло стоял на краю уступа и молча ждал. Его не удивило, да и не встревожило, что Верданди знает о цели его прихода, хотя он ничего не сказал: такова природа пори. Их знание исходит от Хтона, который конечно же знает все. Однако они не вполне принадлежали Хтону, человеческое в них сохранилось, особенно у Верданди. И внешне они различались.

Полуженщина протянула ладонь к водопаду. На Арло полетели брызги. У нее было жуткое намерение?

— Тебе ответят мои сестры, — сказала она. — Но им нужно к тебе прикоснуться.

Ибо обе были слепы. Состояние зомби каким-то образом лишило их зрения и во многом слуха, и они полагались на осязание. Вероятно, микса — довольно толстый слой клейкого вещества... уф! Арло это знал и сочувствовал их положению — но не любил, когда его трогали их морщинистые цепкие руки.

— В таком случае спрашивай у своей хвечи, — сказала Верданди, отворачиваясь.

Она в самом деле знала! И наверняка знала ответ. Придется покориться. Арло знал, что они не причинят ему вреда. Более того, он мог бы сбросить всех троих со скалы, если бы было нужно. Вот разве что рассердит этим Хтона. Кроме того, норны будут с ним осторожны, потому что больше зависят от Хтона, чем он.

Арло стоял на месте, а три женщины приблизились к нему. Урд протянула свою тощую руку и положила ее мальчику на грудь. Ее пальцы заскользили по мышцам его груди, а изо рта полился поток какой-то тарабарщины.

— Дитя злобы, — перевела Верданди. — Плод кровосмешения, но очень сильный.

— Я — дитя *Кокены*, — раздраженно проговорил Арло. — Она никогда не преступала закона.

Урд ткнула своими обломанными ногтями в его соски и издала резкий смех. Арло догадался, что его подурачили какой-то игрой слов или шуткой, смысл которой понятен только норнам.

Скульд положила свои холодные ладони на его правую ногу и тут же разразилась тарабарщиной. Вновь переводила Верданди:

— Как скоро эта плоть нас приведет всех к Рагнареку!

На этот раз Арло смолчал. Пророчество было явно бессмысленным, но ему не хотелось вызывать их безумное веселье.

Теперь дотронулась Верданди. Ее гибкие и сильные руки тронули его детородный член и стали поглаживать его и растягивать, вызывая реакцию, которая вовсе не была ему неприятной.

— Сей твердеющий уд пронзит твою сестру, — сказала Верданди.

— У меня нет сестры! — крикнул Арло, отскакивая в сторону. — Почему вы не отвечаете на мои вопросы? Почему от меня прячется Хтон? Почему отворачивается хвея? Кто эта девочка Ада?

Верданди спокойно взглянула на него. Теперь она дышала полной грудью и выглядела на редкость красивой женщиной. Но ее слова оставались словаки зомби.

— Мы ответили: о прошлом, будущем и настоящем. Твое раздраженное кровосмешение уничтожит жизнь и смерть.

Арло отшатнулся.

— Это безумие! Какова ваша цена за честный ответ? — Ибо он знал, что они *могли* бы сказать ему, если бы *захотели*.

Верданди задержала на нем взгляд.

— Тебе шестнадцать... почти, — сказала она.

Арло собрался поправить ее, но тут же сообразил, что вряд ли точно знает свой возраст. Прошло уже два года с тех пор, как он спрашивал о нем Кокену, и сейчас, вероятно, он старше.

— Вполне брачный возраст, — продолжала норна.

Теперь он наконец ее понял, и ему стало не по себе. Верданди массировала его тело, возбуждая в нем некое желание, некую тайну. Наверняка она знала об этом больше мальчика и хотела от его тела чего-то большего, чем простое прикосновение. И потому, что он угадывал в себе мощное, тревожное желание, его отвращение усилилось.

— Не надо!

Арло не знал, что он имеет в виду. Вероятно, это был страх перед посвящением в таинство, которое могло бы его самого сделать отчасти зомби.

— Какая другая цена?

Верданди указала рукой.

— Встань в воду.

Арло посмотрел на водопад. Встать в эту падающую стену было бы убийственно! Но Верданди показывала в сторону, и он увидел чуть дальше на краю уступа небольшой желобок, из которого в пропасть хлестала дугообразная струя. Там была площадка — но можно ли на ней устоять?

— Меня смое! — возразил он.

Она протянула ему ладонь, предлагая помощь. Арло было не по себе, но он решил, что это лучший компромисс, которого он мог добиться, — и шагнул к разрыву водопада.

Вблизи положение оказалось совсем сомнительными. Мальчик испытывал чувство, граничащее с ужасом. И потому продолжал идти, понимая, что норны его проверяют. Они ожидали, что он отступит, повернет назад — и тогда не будет предлога для ответов. Или для его вопросов. Но он этого не сделает.

Он погрузил одну ступню в воду. Вода была ледяной и падала с такой силой, что ногу сразу же отбросило назад. Арло потерял равновесие. Он неистово замахал руками, но Верданди ухватила его за руку и не дала упасть.

Вероятно, схватив его за руку и распоряжаясь его жизнью, она получила от него то, что хотела. Верданди легко могла бы столкнуть его в поток. Пусть так, все равно он не сдастся. Арло снова погрузил

ступню в воду, надежно поставил ее на скользкий камень и медленно перенес на нее центр тяжести.

Ошеломляющая сила передалась на его ногу сначала до пояса, а затем до груди. Казалось, что сила струи сейчас смоет его, но когда он вошел в струю целиком, эта сила уравнилась, а вода, обтекая его со всех сторон, удерживала внутри себя. Середина водопада была пустой: на голову ему почти не лило. Мальчик отпустил руку норны и остался один, в вызывающей озноб оболочке падающей воды.

Вероятно, так ощущали себя зомби под покровительством Хтона.

Вскоре его смущение и раздражение, связанное с Алой, ослабли. Она была всего-навсего маленькой девочкой, ребенком, которого ударили по голове. Вполне естественно, что она реагировала иррационально. Он будет заботиться о ней, и она поправится. Ему понравилась эта мысль: заботиться о ней. У него никогда не было товарища-человека, а тем более девушки. *Настоящей* девушки: зомби не в счет, они лишь раковины, разум которых похоронен в Хтоне. Находиться в оболочке, наверное, прекрасно — но только если остается возможность по собственной воле вырваться из нее наружу.

Теперь Арло был в силах заняться вопросом о хвее. Почему растения уклонялись от него? Может быть, рассердились на присутствие в саду еще одного человека? Однако старик Бедокур нередко заходил в сад. Арло это сердило, но он ничего не мог поделать: Бедокур был еще одним творением Хтона — как и нервы, хотя немного другим. Хвее Бедокура не любили — но это никак не влияло на отношение растений к Арло. Почему же с Адой получается по-иному?

Причина, должно быть, в самом Арло, на что, похоже, и намекали норны. Наверное, изменился каким-то образом он и стал для хвей чужим. У цветов не было разума, они не могли рассуждать, а значит, не могли и лгать. Они реагировали лишь на то, что скрывал в себе стоящий рядом человек.

Как трудно думать! Арло редко вникал в мотивы своих действий, но сейчас ему надо постараться. Придется разбираться вместе с хвеем, потому что чуткие цветы, словно в зеркале, отражали его самооценку. В каком-то смысле он пребывал в кровосмесительной связи, возможно, разрушая этим себя: его чувства обращались в пределах собственной семьи, не взаимодействуя с чувствами других людей. Слова норн стали понятными.

В чем же он изменился? Ни в чем — разве что проявил заботу о девочке. Неужели хвее любили бы его больше, если бы он оставил девочку умирать? Если бы позволил Хтону сделать из нее еще одного зомби? Нет — он поступил так, как считал правильным, потому что ему нужен товарищ.

Другой товарищ, отличный от хвей? Но хвее не ревнивы. Более того, суть этих растений в том и состоит, чтобы скреплять любовь мужчины и женщины. Стоит хвее выбрать какого-то мужчину, и она умрет в его отсутствие — если только рядом нет женщины, которая по-настоящему его любит.

Мужчина? Женщина? Любовь? Какое это имеет к нему отношение?

Но приходилось во все искренне вникать. Ада очаровывала его и одновременно раздражала. Это смущало. Возможно, его смущение передалось хвеем.

В таком случае ему придется узнать девочку получше. И тогда смущение пропадет.

Внезапно Арло испытал чувство страха. Он схватился за дротик и едва не потерял равновесие. На мгновение его лицо высунулось из водяной струи, и он увидел пропасть.

Но это не был его собственный страх. Здесь, сохраняя равновесие, он чувствовал себя в безопасности. В той безопасности, которая вообще возможна в пещерах.

Нет, что-то угрожало не ему, а кому-то другому. Его отцу Атону? Нет, не ему. Его матери Кокене? Нет.

Арло замер. Аде! Она осталась в саду одна, без всякой защиты, и что-то большое и жуткое двигалось к ней. Он почувствовал это той своей частью, которая настроена на жизнь пещер. Этой способности научил его Хтон.

Арло выбрался из-под струи. Вода с силой ударила по нему, и его нога заскользила. Мальчик со всего маху уселся на скалу, свесив ноги с края, а взгляд устремив вниз сквозь светящуюся дымку сада... и вновь рука Верданди подхватила и удержала его.

— Ты спасла меня. И к тому же ответила на мои вопросы, — сказал Арло. — Я это запомню. Но сейчас

мне нужно спешить.

Верданди кивнула. Наверняка она знала, что он вернется к ней, и могла подождать. У зомби невероятное терпение.

Арло покинул пещеру пори, увлекаемый новым порывом. Он проделал обратный путь через лабиринт туннелей, в очередной раз подумав о том, сколь непреодолимы они для того, кто не знает их особенностей и скрытых угроз. Отец здесь пройти бы не смог — по крайней мере, быстро и безопасно. А за плечами Арло годы их изучения под защитой Хтона и с его помощью.

Отсюда был только один надежный ход: туннель-штопор, размеры которого едва позволяли пройти по нему человеку. Остальные тропы вели мимо китомедуз, гусениц и прочих хищников. Арло мог ходить там, когда с ним был Хтон, но не в одиночку.

Достигнув штопора (название происходит от предмета, упомянутого в ДЗЛ: спирали из металлической проволоки, используемой для вынимания пробок из древних бутылок), он остановился. Там была саламандра.

Лучше всего от нее убежать. Обычно саламандры не покидают жаркие туннели-воздуходувки. Это наводило на мысль, что ее присутствие здесь не случайно. Саламандру вызвал Хтон, чтобы преградить ему дорогу.

Зачем?

Арло застыл на месте, по спине у него побежали мурашки. Ада одна, а ведь только его решительность спасла ее недавно от осады Хтона. Над ней нависла чудовищная опасность Кажется, волк. Сейчас...

Он должен миновать саламандру? Но тварь уже почуяла его, а одно прикосновение ее крохотных зубов означало смерть.

— Хтон? — машинально позвал он, понимая, что это бесполезно. Случай с Адой послужил ему уроком: нельзя больше полагаться на своего друга-бога. Нельзя полагаться вполне. А если ненадежным оказывается какой-то промежуток времени, то ненадежным становится и *все* время. Он полагался на защищавшего его от пещерных хищников Хтона до тех пор, пока считал пещеры безопасным местом. Какое рискованное благодушие!

Придется сражаться с саламандрой самому — причем быстро, ибо угроза Аде нарастала. Уклонившись от прямого нападения, Хтон применил теперь обходной маневр: он послал некое чудовище убить Аду, пока саламандра задерживает Арло. Задержись он у пори дольше, и все кончилось бы до его возвращения. Норны, управляемые Хтоном, ничего не сказали ему, а старались дольше отвлечь его.

Арло нахмурился. Когда-нибудь, когда ему нечем будет заняться, он заставит их пожалеть об этом.

Вдруг у него в голове возникла новая отвратительная мысль. *Хвея тоже действовала по воле Хтона!* Она послала его к норнам, сделав Аду уязвимой. Хвеи растут в пещерах лишь в присутствии Хтона. Все происходит благодаря Хтону. Хтон захотел, чтобы Арло был счастлив, и потому доставил ему посредством доктора Бедокура величайшую радость: удачную хвею. Но выходит, что хвея — еще один зомби или, на худой конец, частичный зомби, вроде Верданди и Бедокура. Она кажется независимой, но это вовсе не так.

Арло понимал, что невероятно усложнил себе жизнь, противопоставив свою волю воле бога.

«Но выбрось из головы теоретические выводы перед лицом конкретного и вспомни о саламандре». Арло не отваживался поднять на нее руку. Тварь была размером с его ладонь, но ее смертельный яд мог убить за несколько минут. Мальчик не рисковал перепрыгнуть через нее, потому что она прыгала не хуже его. Можно отбросить саламандру в сторону палкой, но у него не было ни палки, ни камня, да и времени, чтобы их найти.

Оставался сталактитовый дротик, по-прежнему висевший на бедре. Если бы он смог заколоть эту тварь...

Времени на раздумье не оставалось. Саламандра двинулась к нему, ибо эти существа всегда нападают и никогда не отступают. Надо сражаться или бежать. При обычных обстоятельствах Арло убежал бы, но здесь не было обходного туннеля, который позволил бы обойти ее и продолжить путь.

Мальчик прыгнул навстречу саламандре, целясь в нее острием. Тварь раскрыла пасть, чтобы укусить оружие — и острие дротика воткнулось ей прямо в глотку. Удачный удар!

Арло отбросил дротик в сторону. Саламандра еще не мертва, но ей не избавиться от пронзившего ее тяжелого каменного дротика, а с ним передвигаться она не может. Путь свободен.

Тут Арло задумался. Дротик ему еще пригодится. Даже наверняка — чтобы отвести опасность, приближающуюся к Аде. Он осторожно взял его за конец, подняв саламандру в воздух. Ее глазки-бусинки злобно пожирали мальчика, и это Арло как-то странно взволновало. Ему *нравилась* ненависть этого маленького чудовища!

Арло двинулся дальше, держа дротик горизонтально и чуть сбоку, чтобы яд не попал ему на руку, стекая вниз по дротику, или не был сдут ветром. Можно сбросить саламандру с помощью камня, а затем тщательно отмыть дротик в проточной воде. Если бы было время. Вот и приходится нести дротик так неуклюже.

Штопор добавлял проблем. Если наклонить дротик вниз перед собой, яд стечет на камень, которого потом коснется нога. Если же держать его над собой, капли упадут прямо на него. Но оказывается, можно нести дротик сзади так, что он ни разу не окажется над ним. Ядовитые капли падали на камень, и Арло понимал, что пройдет немало времени, прежде чем он отважится пройти по этой тропе. Ну что ж, норны подождут!

Он уже бежал по широким туннелям. Скоро он вернется в сад — и встретится с опасностью. Приближаясь к саду, мальчик знал, что животное очень крупное. Ему приходилось выбирать туннели, по которым оно могло пройти, потому оно и двигалось круглым путем и медленно.

— Арло?

На его пути стоял человек. Он был ниже и худощавее Арло. И стар: насколько знал мальчик, шестьдесят с лишним лет. Доктор Бедокур.

Арло понял, что этот человек здесь не к добру. В сущности, еще одна преграда, поставленная Хтоном, — более внушительная, чем норны и саламандра. Ибо Бедокур был не только сумасшедшим, но и умным.

Все-таки Арло удастся, наверное, с помощью хитрости пройти дальше.

— Я заколол бродячую саламандру. Теперь надо от нее избавиться. Осторожно — яд, — и он нарочно направил дротик на Бедокура.

— Так-так, встреча с саламандрой, — проговорил Бедокур, не уступая прохода, и глаза его так и засверкали среди желтоватых морщин. — Знал бы тогда твой отец...

— Ее убил я *сам*, а не отец, — сказал Арло.

Как бы сдвинуть этого человека? Волк все ближе приближался к спящей девочке, Арло ощущал сейчас как ее невинность, так и его злобу.

Злоба... как там сказали норны?

На это нет времени! Арло надо прорваться, но он не может оттолкнуть старика. У Бедокура своя собственная, особая мощь, как у самого хитрого из миньонов Хтона. Нередко он говорил, в сущности, от имени Хтона. Нападение на него стало бы выпадом против Хтона: несмотря ни на что, это невозможно.

— Физически Атона задержала саламандра, — сказал Бедокур. — А душевно — миньонетка. Его смерть вторит его жизни, но он не сумел вовремя разобраться с подобиями.

— Миньонетка? Смерть? Мой отец *жив*, — произнес сбитый с толку Арло.

— Все люди, отправленные в тюрьму Хтона, юридически считаются мертвыми, — сказал Бедокур. — Пещеры заменяют высшую меру наказания. Из них не выпускают, так что они напоминают мифическую преисподнюю. В этом смысле я умер в § 394, Атон — в § 400. Меня приговорили к Хтону за то, что я сумасшедший, его — за то, что он любил миньонетку. Почти одно и то же.

В Арло росло отчаяние из-за маячившего приближения пещерной опасности, однако желание

получить сведения об отце вынуждало его довести разговор до конца. Он знал, что Бедокур удерживает его здесь, подобно саламандре и норнам. Но жажда, которую вызвал в нем старик, была неотразимее той, которую возбудили норны, и бороться с ней было труднее, чем с угрозой саламандры. Мальчик понимал, что Бедокур будет говорить только то, что хочет, как и норны, которых он напоминал.

Ох?.. Но волк, кажется, временно потерял запах добычи. Хтон не мог вести его всю дорогу, ибо это явно нарушило бы соглашение, которое они, недавно установили. Волк должен был найти Аду сам. Таким образом возникло дополнительное время. Арло пришлось бы отложить или, вернее, навсегда потерять возможность получить это знание. Для него, привязанного к пещерам, источники информации извне были неоценимы. Поэтому он внимательно слушал, хотя одновременно и сердился, что попал в ловушку.

— Кто такая миньонетка? — спросил он.

— Женщина модифицированной человеческой природы с планеты Миньон. Твоя бабушка была миньонеткой, ты — на четверть миньон.

— Но вы сказали, что моего отца посадили в тюрьму за любовь к миньонетке! А моя мать...

— Кокена — человек или близка к этому. Она родом с Хвеи. Миньонетка — это смерть.

— *Саламандра* — это смерть! — проговорил Арло, разглядывая тварь на дротике. Она по-прежнему была жива и боролась.

— Верно! Атон искал несметное сокровище, голубой гранат, а нашел саламандру. Точно так же он всю жизнь искал прелестную сирену — или, скажем, валькирию — миньонетку, но поиски привели его сюда, в подземный мир. Сирена, валькирия, миньонетка: все это дороги к смерти. Такова вся его жизнь.

— Все вторит смерти? Это бессмыслица...

— Его жизнь вторит его смерти, а смерть — жизни. Ему достаточно истолковать подобия, и он узнает свое будущее.

Арло оставался недоверчивым.

— Миньонетка похожа на саламандру? У нее есть ядовитые клыки?

— В своем роде. В твоей жизни тоже имеются подобия — надо только суметь разобраться с ними. Намеки вокруг тебя.

Арло улыбнулся и снова взглянул на саламандру.

— Если я встречу миньонетку, я проткну ей живот дротиком.

— Конечно. Это самое правильное.

Когда Бедокур с ним соглашается, то, как знал Арло, лучше обдумать все заново. Но внезапно в нем возникло невыносимо сильное чувство. Волк обнаружил запах, напал на Аду и терзает ее?

Арло выставил перед собой саламандру и бросился бежать. На этот раз Бедокур, зная об опасности, отошел с дороги. С какой радостью Арло зацепил бы его саламандрой?

Через несколько секунд он ворвался в сад. Но его приближение вспугнуло чудовище — Арло увидел лишь огромное туловище убегающего зверя. Он бросил вслед дротик, надеясь задеть его отравленным концом, но расстояние было слишком велико.

Ада лежала на камне вся в крови. Тело разодрано, словно у распотрошенной камнетески, так что видны даже внутренности — однако жива. Арло бросил один испуганный взгляд и понял, что сам ничего не сделает. Ему нужна помощь.

Чья? Несомненно, не Хтона! К кому еще обратиться?

Он едва помнил, как домчался до дома. Как-то вдруг оказался там, тяжело дыша и натягивая трусы. Кокена с удивлением смотрела на него.

На ней было платье, очень похожее на изображенные в ДЗЛ. Она всегда одевалась, несмотря на удушливую жару. Одежда стала частью ее пещерно-домашнего ритуала, и Арло никогда не приходило на ум, что может быть иначе. Кокене было около пятидесяти, а красива она или уродлива — какая разница?

Она его мать.

Арло с трудом перевел дыхание. В этой духовке пот, казалось, так и брызнул из его кожи. Но Кокена не покидала своего обиталища возле горячей стены, обогреваемой кипящим потоком. Разве что на минутку.

— Девочка, — закричал Арло, — умирает. Чудовище!

Кокена не теряла времени на расспросы.

— Атон в наветренном лесу. Найди его. Возьми Слейпнира.

— Я не умею ездить верхом на Слейпнире! — возразил Арло.

— Ухватись ему за хвост и беги следом. Он быстро найдет Атона и привезет вас обоих назад.

Она права: это самый быстрый способ передвижения.

— Спасибо, мать!

Новость об Аде не вызвала у нее ни малейшего удивления!

Арло покинул пещеру-духовку и поспешил на пастбище. Это была небольшая сеть туннелей, предоставленная животному и огороженная со всех сторон. Преграды препятствовали не его побегу, а вторжению опасных хищников. Мальчик обнаружил Слейпнира по звуку: непрерывное «шур-шур-шур». Слейпнир был из числа едоков свечения: он обтесывал своими крупными резцами камень и добывал таким образом покрывающий стены лишайник. Утомительное занятие, отнимающее массу времени и усилий, — но у этой твари были и время, и сила, и почти отсутствовало воображение. Атон приходилось то и дело перегонять Слейпнира на новый участок, иначе тому пришлось бы обтесывать камень без свечения и умереть с голоду.

У Слейпнира была вытянутая голова, тело, состоящее из сегментов, и восемь мощных ног. Он был длинным и приземистым, способным не останавливаясь мчаться по очень узким туннелям. Что и делало его хорошим скакуном — для Атона. У Слейпнира разума почти не было, зато он знал своего хозяина и не терпел на себе никого, кроме него, хотя мог бы увести несколько человек сразу.

— Пойдем, глупыш, — позвал Арло.

Никакой реакции.

— Слейпнир! — громко крикнул Арло.

Тот, услышав свое имя, оживился, но когда увидел, что это Арло, вернулся к трапезе. «ШУР! ШУР!».

Арло ухватил его за жалообразный хвост.

— Ищи Атона! — заорал он, стараясь по возможности подражать голосу отца. — Атон! АТОН!

Имя подействовало. Слейпнир огляделся в поисках хозяина. Не увидев его, обнюхал землю.

— Атон! Наветренный лес! — крикнул Арло, дергая Слейпнира за хвост. Ада умирает, а ему приходится возиться с этим слабоумным зверем!

Слейпнир не понимал слов, но теперь его желание найти хозяина нарастало, и он двинулся с места. Мозг крохотный, зато нюх отменный. Через мгновение он взял свежий след и потрусил по нему.

Действительно ли так велика разница между человеком и животным, гадал Арло. Норны, саламандра и доктор Бедокур вызывали у Арло определенные реакции подобно тому, как Арло вызвал сейчас реакцию у псевдокося. Одного разума мало, чтобы перехитрить эти реакции, иначе он сумел бы спасти Аду, проигнорировав все отвлекающие обстоятельства на своем пути.

Когда Слейпнир бежал, он бежал. Арло вцепился обеими руками в хвост и помчался, но скакун оказался для него слишком резвым. Вскоре Арло перестал двигать ногами: соединив ступня, он запрыгал, как камешек, пущенный по поверхности воды, — стремительный аллюр животного увлекал его вперед. Суровое упражнение — но оно доставит его туда, куда нужно!

Пещеры приняли неясные очертания. Одни были темные, другие — светлые; те — маленькие, эти —

огромные. Некоторые тянулись прямо, и по ним сквозил ветер; некоторые замысловато извивались. Постороннего человека удивило бы здесь разнообразие форм и расцветок, для Арло же это само собой разумелось.

Наконец они добрались до наветренного леса. Повсюду с потолка свисали сталактиты, соединяясь со сталагмитами, вздымавшимися вверх, как колонны. Многие из них вертикальными не были: постоянный ветер отклонял капающую жидкость, наклонными получались и каменные изваяния. Порой, спустя века, природные силы меняли направление ветра, вынуждая эти сооружения изгибаться в другую сторону, а возросшее число наветренных колонн тормозило воздушные течения, что сказывалось на форме колонн подветренных. Медленный рост уступал место выветриванию. В итоге у сталактитов отрастали беспорядочно свисающие ветви, а у сталагмитов — причудливо закрученные корни. Цвета были самые разные: светящиеся голубые и розовые полосы, выросший зеленый мох. Арло видел перед собой своеобразную летопись пещер: свечение не всегда было здесь зеленым, и в разрастающихся колоннах сохранились его древние разновидности.

— Отец! — крикнул Арло. Руки и ноги у него онемели, тело ныло от болезненной гонки, но это было неважно.

Атон обернулся. Ему было пятьдесят два года. Он был темнорылый, сильный, с выражением решительности, а то и беспощадности на лице. Он ткнул Слейпнира кулаком в нос — так он ласкал животное. Оно было настолько могучим, что не почувствовало бы легкого прикосновения. Единственный глаз Атона вопросительно смотрел на Арло.

— Девочка. Ранена. Умирает. Кровь. Помоги, — проговорил Арло между глотками воздуха.

Атон уперся ладонью в спину Снейпнира и вспрыгнул на него. Его энергичность не показалась Арло странной: отец всегда был деятельным человеком. Лишь недавно Арло обогнал его в росте. Атон наклонился, подхватил сына и усадил на задний сегмент скакуна. Слейпнир даже не обратил на это внимания: его интересовало лишь то, что на нем сидит Атон.

В этой области пещер не было других людей, кроме Атона, Кокены, Арло, доктора Бедокура да нескольких зомби! Однако Атон ни секунды не колебался.

— Где? — спросил он.

— В моем саду.

Атон знал, где расположен сад, но ни разу там не бывал, поскольку путь в сад был сопряжен с многими опасностями. На этой тропе Хтон Атону не помогал, как будто бог хотел, чтобы там бывал один Арло. Само собой Арло исследовал все туннели и отыскал туда безопасный путь, который не зависел от ноши Хтона.

Атон направлял Слейпнира по указаниям Арло, и они быстро неслись к саду. Даже на таком резвом скакуне путешествие заняло много времени — безопасная дорога, вела в обход. Отгоняя страшную мысль о том, что их там ожидает, Арло заговорил с отцом, а это бывало крайне редко. Отношения у них были не то чтобы плохие, но какие-то неполные. В сущности, Арло плохо знал отца.

— Кто такая миньонетка? — Он уже задавал этот вопрос Бедокуру, но не получил удовлетворительного ответа. Конечно же миньонетка — женщина с планеты Миньон. Почему это должно иметь значение? Почему ее сравнивают с сиренами, валькириями и смертью?

Спина у Атона напряглась, и Арло понял, что допустил ошибку. Он был вторым сыном, заменившим любимого первенца, и не смел позволять себе такое. Просто Арло решил, что сегодня особый случай.

— Кто говорил с тобой об этом?

— Старик Бедокур.

Атон презрительно хмыкнул, но чуть расслабился.

— Что он тебе рассказал?

— Что я на четверть миньон. Моя бабушка...

— Довольно!

Арло рад был оставить этот предмет. Атон — человек необузданного нрава, у него имелись садистские черты. Очевидно, хитрый Бедокур пытался посеять раздор. Пора сменить тему разговора.

— Откуда у тебя Слейпнир?

Атон вновь расслабился.

— От Бедокура, — он всегда называл доктора Бедокура именно так. — В старые времена мы с ним исследовали пещеры и по неосторожности попались гусенице. Бедокур пытался отвлечь ее, пока я пробивал дыру в стене, но она проткнула его хвостом и включила в себя.

Арло знал, как это бывает. Длинная гусеница таранит хвостом-пикой свою добычу посередине тела. Через мгновение в жертву проникают особые вещества или нервы, и та не умирает, а продолжает жить в виде сегмента этой твари, шагающего в унисон с другими сегментами. В обычном состоянии сегменты у хвоста медленно лишались жизненных соков, перекачиваемых в переднюю часть гусеницы, и усыхали до тех пор, пока не превращались в ходячие обрубки. Гусеница ела не пастью: ее лицо было огромным фасадом, предназначенным для того, чтобы испугать возможную жертву и отогнать ее к хвосту. Лучшей защитой от гусеницы, как, впрочем, и от других хтонических опасностей, было бегство. Но действуя с должной осторожностью, гусеницу легко было избежать. При случае Арло вскарабкивался ей на середину туловища, поскольку опасен был только хвост.

Наконец до Арло дошел смысл слов Атона.

— Бедокур был включен? Но он ведь жив!

— Кажется, дошло, сынок, — усмехнулся Атон. — Бедокур жив лишь наполовину. Он — создание Хтона, сумасшедший доктор, голем, живой чурбан. Хотя, особенно когда ему помогает Хтон, *отличный* доктор. Тебе нужно было бы обратиться к нему.

— Я не мог. Хтон хочет, чтобы девочка умерла.

— Так я и думал, — сказал Атон. — Похоже, Хтон не участвовал в данном замысле. Ты начинаешь понимать, что бог пещер не обязательно благодетелен.

— Да!

Тяжелый урок, как и большинство пещерных уроков. Однако Арло почувствовал, что отец доволен. Атон ненавидит Хтона, но остается здесь, во владениях Хтона, и Хтон терпит его. Почему? Арло не смел спросить — пока.

— Обычный человек пропал бы, — продолжал Атон. — Но Бедокур принадлежит Хтону, а Хтон управляет всей жизнью в пещерах. За исключением нас троих. Человеческий мозг слишком сложен, и чтобы управлять им, нужны особые усилия и специальные средства.

— Микса! — воскликнул Арло.

— Верно. А те из нас, в чьих жилах течет кровь миньона, способны противостоять даже миксе. И если все-таки Хтон побеждает, результатом его победы оказывается не управляемый человеческий мозг, а зомби. То, что ему не надо. И все же у неорганического разума есть способы достичь свою цель. Хтон мог бы остановить гусеницу — но, видно, он хотел преподать нам урок. И потому позволил гусенице поймать Бедокура. Я убежал — Хтон дал мне такую возможность, — а вот Бедокур целую неделю прошагал в гусенице. Позади него было включено еще несколько сегментов. Я думал, что больше никогда его не увижу, но не очень жалел об этом.

Атон потрянул головой, его темные волосы развевались при движении.

— До этого случая я не знал по-настоящему, насколько Хтон могуч. Возможно, и сейчас еще не знаю. И Хтон показал мне свое могущество! На эту гусеницу напал хищник — что-то вроде огромного волка — и...

— Волк! — вскрикнул Арло. Но тут же закрыл рот, ибо отец замолчал. Мальчик хотел дослушать его

до конца.

— Волк разодрал ее как раз перед Бедокуром. Главная гусеница убежала, а Бедокур выжил в качестве независимого сегмента. Он не стал настоящей гусеницей, потому что не мог использовать хвост для включения новых сегментов, — всего-навсего бродячий обрывок с десятью ногами. Но теперь им управлял Хтон. Уверен, что сам я в таком положении умер бы. Через некоторое время хищник напал снова и на этот раз откусил последние четыре сегмента. Бедокур снова остался жив. Он стал почти обычным — если можно так выразиться, как-никак, он наполовину сумасшедший, наполовину Хтон, — а остаток его бывшего тела стал существовать сам по себе. Он тоже не умер. Новая голова приняла на себя управление и питание. Этот остаток из последних сегментов был очень сильным, поэтому существо получилось могучим, но глупым. Бедокур отдал его мне, чтоб я о нем заботился, и назвал Слейпниром в честь восьминогого коня из скандинавской мифологии. Ты можешь прочесть об этом в ДЗЛ.

Атон замолчал, а Арло больше не спрашивал. Невероятная история, но ей приходилось верить! Хтон был могуществен, а у доктора Бедокура на теле имелись огромные шрамы, происхождение которых мгновенно прояснилось. Ну, разве не поразительно, что сумасшедший доктор почти в буквальном смысле породил прекрасного пещерного коня — четыре сегмента гусеницы! Где еще такое возможно?

Они въехали в сад. Атон с любопытством огляделся, моргая из-за необычного желтого освещения — бывать здесь раньше ему не приходилось.

— Прекрасно, — сказал он с пониманием. — Кажется, я смутно припоминаю что-то похожее. Когда впервые Хтон вел меня через пещеры, используя полуженщину...

— Черноволосую? — спросил Арло.

— Да. Полузомби. Не знаешь, она еще жива?

— Да. Она — одна из пори.

— Одна из пори! — Атон разразился смехом. — У Хтона в его каменных электрических контурах, кажется, неплохое чувство юмора. Когда я знал ее, она была сукой из Нижней Пещеры.

Сука. Женская особь древнеземлянской собаки, явно оскорбление. Но они оказались уже в саду Арло возле водопада, где находилась девочка.

Ада лежала в прежнем положении. Арло боялся на нее посмотреть. Его волновал не вид ее ран и крови, а то, что он совсем недавно узнал эту девочку и, в сущности, виноват в случившемся.

— Ее распотрошили, но она жива, — сказал Атон. — Удивительно! Ты уверен, что это не зомби?

— Она — *человек*! Сначала Хтон пытался овладеть ею, а потом послал волка.

Атон поднял голову.

— Волка? — резко спросил он, явно подразумевая ту же связь, что и Арло. Бедокура от гусеницы освободил волк...

— Это существо напоминает волка. Своим нравом. Бедокур задержал меня, я пришел слишком поздно и едва увидел его. Огромное... огромное, как волк!

— Ты никогда не видел волка!

— Зато видел рисунки в ДЗЛ. Но я имею в виду свое *ощущение*. Злоба. Неважно, как он *выглядит*. Это волк.

— Волк, — повторил Атон. — Ты прав: в пещерах чутье важнее внешнего облика. — Тут он вздрогнул. — Так девочку привел ты! Она наверняка из тюрьмы.

— Да. Она так сказала.

Но теперь Арло почувствовал некоторую неискренность отца и догадался, что тот что-то от него скрывает. Атон должен был удивиться, возможно, рассердиться, но не сделал ни того, ни другого. Вряд ли отец находился в сговоре с Хтоном. Так что же ему было известно?

— Нам ее не спасти, — с сожалением сказал Атон. — Видишь — кишки у нее наружу. Не понимаю,

почему она еще живая.

Временами отцу доставало такта. Однако он был прав. Непонятно было, почему Ада еще дышит.

— Надо попытаться, — сказал Арло.

— Попробуем сшить ее и посмотрим, что из этого получится. А спасти ее может только Хтон.

— Ко Хтон *не будет* ее спасать!

На него глянул глаз отца, и Арло понял, что его последующий вопрос был чисто риторическим.

— Почему?

— Потому что Хтон послал волка убить ее!

Атон кивнул. Он обдирает прочное лыко с естественной растительности сада.

— А тебе не кажется, что Хтон мог бы сразу убить ее, а не оставлять на волоске от гибели?

— Я... — Но его появление и впрямь мало что изменило: волк уже убегал. — Она *нужна* Хтону... вот такая?

— С Хтоном можно заключить сделку. Так я спас твою мать.

Арло раздирали надежда и недоверие.

— Ты?..

— У нее был озноб.

— Озноб?

— Ах да, об этом нет в ДЗЛ, — вздохнул Атон. — Как мне все это не нравится! Похоже, что твоя девочка умирает, вот я и говорю о другом. А вдруг поможет. — Он замолчал, стараясь обрести душевное спокойствие, а руки его продолжали работать, подготавливая лыко. — Многое из того, что мне известно об ознобе, я узнал от толстяка Цветика. Первоцвет или Цветик — мой собрат-заключенный, четверть века уже прошло. Цветик, Влом, Старшой, Гранатка, черноволосая сука... я так и не узнал ее имени.

— Верданди.

Атон фыркнул, но продолжал:

— Двести сорок один обитатель нижних пещер и еще больше в верхней тюрьме. Но Цветик был особым. Он знал все, за исключением того, как находить гранаты. Он застрял в протоке, и Старшой разрубил его топором. Пришлось сделать это, потому что появилась китомедуза... — Он помолчал. — Цветик устроил замечательное представление. Он описал тайну озноба в виде пародии на древние теории света, говорил о корпускулярной и волновой теориях и рассказал, как первая была подорвана, а вторая опровергнута. Он забавно играл словами! А также насмеялся над тупостью военврачей, по мнению которых человек без температуры больным быть не может, даже если умирает. И над схоластической системой «печатайся или пропадай», которая вечно заставляет профессионалов заниматься не своим делом.

Арло замотал головой:

— Не понимаю.

— Естественно. Заключенные тоже не улавливали всех тонкостей. Но суть такова: у озноба циклы в девяносто восемь лет — его волны распространяются из центра галактики. В пораженных ознобом местах умирает больше половины населения. Заболевший становится все холоднее и холоднее — и не может поддерживать в своем теле необходимые для жизни процессы. От озноба нет лекарств.

Кокена заболела ознобом, когда он в последний раз прошел над планетой Хвея — в § 403. Я знал, что она умрет. Она осталась на пути озноба, чтобы ухаживать за мной, доведенным до безумия, и этим показала мне, что такое настоящая любовь. Я знал, что тоже люблю ее. Поэтому я сделал то, что когда-то поклялся не делать: заключил с Хтоном сделку и согласился поселиться здесь при условии, что Хтон сохранит ей жизнь. Пока Хтон свое слово держит, я держу свое. Можно назвать это честью и

благородством двух врагов. Кокена обитает в жаркой пещере, и температура ее тела не падает, а присутствие Хтона поддерживает ее силы и здоровье. Так и живет. Жизнь не совсем для нее, но если она когда-нибудь покинет эту жару или Хтон, она умрет.

Арло был ошеломлен. В несколько слов отец прояснил тайны всей жизни — но сколько новых тайн возникло после его рассказа! Какова истинная причина озноба, и как Хтон мог свести его на нет, словно Кокена — еще одна хвеля, существующая по воле бога, но не зомби? Что довело Атона, как он сам в этом признался, до безумия? Как с этим связана миньонетка? Почему Хтон *захотел*, чтобы Атон жил здесь? Арло понимал, что лучше вообще ничего не спрашивать: как и Бедокур, отец сообщал информацию только тогда, когда считал нужным. Это была непредвиденная удача, но на ней все и кончилось.

Атон обматывал лыко вокруг туловища Ады, соединяя края огромной раны и засовывая кишки внутрь — осторожно, по обороту за раз. Даже Арло видел, что это крайне грубая, а главное, бесполезная хирургия, но делать было нечего.

— В пещерах, по крайней мере, нет вредных микробов, — пробормотал Атон. — Раны не гноятся, а заразных болезней нет. Снаружи может убить крохотная царапина, даже воздух, выдохнутый больным...

— Царапина саламандры убивает, — сказал Арло. — И дыхание дракона тоже.

— Нечто подобное, — согласился Атон с мрачной улыбкой.

— Я заключил с Хтоном сделку, — отважился Арло. — Пригрозил убить себя, если он не прекратит миксу.

Глаз Атона расширился.

— Ты испытал миксу?

— Хтон пытался овладеть Адой, и она покрылась белой коркой, поэтому я приставил к себе дротик и...

— Я заключил таким образом сделку с подземным богом, потому что ему пришлось бы или превратить тебя в зомби, или позволить умереть. Ты победил!

— По-моему, да. Но когда я оставил Аду, на нее напал волк...

Атон положил руку на плечо Арло.

— Сынок, ты — настоящий мужчина. Чтобы спасти свою девушку, ты, как и я, боролся с самим Хтоном. Но ты остановился на полпути.

Арло был польщен словами отца. Потом бросил взгляд на перевязанное тело Ады, все еще медленно истекающее кровью, и понял, что потерял то, за что боролся.

— По-моему, нет.

— Ты помешал Хтону применить миму. Но пока он управляет пещерными животными, он может убить девочку. Тебе не спасти ее, не заключив с Хтоном договор.

Арло задрожал, хотя в саду было тепла.

— Я должен снова попытаться себя убить?

Атон прикрыл глаз.

— Сынок, я недооценивал тебя. Моим первенцем был Ас, и после его смерти детей у меня как бы не стало. Ты родился позднее, но не был для меня настоящим. Ту же самую ошибку я совершил, когда цеплялся за миньонетку, предпочитая ее твоей матери. Но теперь ты — настоящий мужчина, и я знаю, что, хотя ты родился вторым, ты мой, мой до последней клеточки, как и Кокена. Второй, но не хуже первого! Я не хочу, чтобы ты умер.

Арло снова изумился. Столь сильного выражения родственных чувств он от отца еще не слышал. Кроме того он узнал имя своего погибшего брата: Ас. И получил от Атона признание, что он любил миньонетку. Но голос Арло не дрогнул:

— Благодарю тебя. Но как мне защитить Аду от Хтона?

— Точно так же, как я защитил Кокену. Скажи Хтону, что не будешь противиться ему, пока девочка жива. Жива *по-настоящему*, а не как зомби! Хтону нужна твоя помощь, так же как нужна и моя. Более того... — Атон на мгновение смолк, и на лице его возникло какое-то неясное выражение. — Более того, я подозреваю, что я был нужен Хтону в пещерах лишь для того, чтобы родить ребенка. Человек, зачатый, рожденный и обитающий в подземном мире. Наверняка Хтон убил Аса, который не годился для каких-то его целей. Теперь здесь ты, и ты нужен Хтону целиком, только не знаю, зачем. Думаю, ты можешь заключить с ним сделку. Потребуется годы, чтобы произвести на свет другого ребенка, и вряд ли Хтон захочет ждать так долго.

— Я нужен Хтону... — эхом отозвался Арло. — Наверное, так оно и есть. Хтон всегда был мне другом. Пока не появилась Ада.

Атон улыбнулся:

— Значит, Хтону не нужен ребенок от тебя! И не нужно воздействие на твою душу постороннего человека. Пожалуй, это козыри в твоей сделке. Пообещай Хтону, что у вас с Адой не будет детей и что ты продолжишь сотрудничать с ним, как и прежде, что бы она тебе ни говорила, если, конечно, Хтон не будет вам вредить. И пусть исправит причиненный им ущерб.

— Но я не знаю, будут ли у нас дети... и откуда они вообще берутся! — возразил Арло.

— Ничего, узнаешь. Хтон в силах предотвратить зачатие, пока вы оба остаетесь здесь. По-моему, это честная сделка. Взгляни, согласен ли Хтон.

Арло обратился внутрь, и там был Хтон — его друг, как и прежде.

— Хтон согласен, — сказал мальчик с удивлением.

Атон поднял бровь над здоровым глазом.

— Вот видишь! — У него не было прямой связи с Хтоном, да он в ней и не нуждался.

Арло взглянул на Аду, которая, казалось, спокойно отдыхала.

— Что такое зачатие? — спросил он, догадываясь, что оно имеет какое-то отношение к любопытной складке между ее ног.

Атон повернулся к Слейпниру.

— Девочка еще маленькая. Не принуждай ее ни к чему. Дай прийти в себя, дай два-три года подрасти. Узнай ее лучше. Если она добрая, она наполнит твою жизнь так же, как Кокена наполнила мою. Она превратит животное в человека. — Атон забрался на своего скакуна.

Арло пришло на ум, что отцу что-то известно о появлении Ады: подруги для мальчишки, не создававшим, как он одинок. Но Хтону это не понравилось, и вот результат: нападение волка.

— Ты спрашивал о миньонетке, — сказал Атон. — Когда вернешься домой, спроси у матери. Она расскажет тебе все, что ты хочешь узнать. — Он обратился к Слейпниру: — Любой дорогой — домой! Уверен, что на этот раз Хтон нас защитит. — И ускакал.

Арло чувствовал согласие Хтона. Бог знал, что Атон скажет и сделает, и разрешил ему посетить сад. Один-единственный раз.

Мальчик долго сидел возле Ады, размышляя над словами отца и наблюдая, не станет ли девочке лучше.

Наконец явился доктор Бедокур.

— Так ты заключил с Хтоном мир, — сказал он. — Позволь осмотреть ребенка.

Все шло как надо. Арло позволил старику снять лыко и листья и исследовать огромную рану.

— Потрясающая живучесть! — заметил Бедокур. — И удивительное везение. Ни один внутренний орган не поврежден, кровотечение сравнительно слабое. Подозреваю, что несколько швов и благодеяние Хтона поставят ее на ноги.

— Почему Хтон хотел ее убить? — спросил Арло.

Атон высказал свое предположение, но сейчас мысль о принесении Ады в жертву, чтобы помешать ей стать его подругой, показалась мальчику маловероятной. Наверняка были менее сложные причины!

— Пути Хтона неисповедимы. Но теперь ты заключил сделку, и Хтон будет соблюдать ее условия. Ни одна пещерная тварь не причинит девочке вреда, пока ты и Хтон будете заодно.

— Чего хочет от меня Хтон? — воскликнул Арло.

Бедокур посмотрел на него своим беспокойным взглядом.

— Я — сумасшедший. То есть не соответствую нормам вашего общества, хотя могу, в случае необходимости, соответствовать. Твой отец сумасшедший наполовину. А вот ты душевно здоров. Ты избран Хтоном. Тебя ждет великая судьба.

— *Избран для чего?*

Но Бедокур лишь улыбнулся.

Ада выздоравливала на изумление быстро, если учесть опасность ее ран. Все же на выздоровление требовалось время. Арло приносил ей еду, которую готовила Кокена: хлеб из свечения, перебродивший сок, вяленое мясо камнетесок. Он то и дело относил ее к узкой глубокой расщелине над водным потоком, где она справляла нужду. Поддерживал ее, когда она начала ходить. Разговаривал с ней.

Арло все рассказал девочке о пещерах: о реках, китомедузах, ледяных туннелях, гусеницах, сталагмитовых лесах, химере и Хтоне. Рассказал, как его отец добывает золото, гранаты и другие драгоценные камни и делает из них прекрасные кольца, которые доктор Бедокур переправляет наружу в обмен на одежду, орудия и книги.

Ада, в свою очередь, рассказала ему о великом мире снаружи. О том, как чудесные §-корабли путешествуют с Земли по всему человеческому сектору галактики и даже торгуют с разумными иномирянами: ксестами, лфэ и ЕеоО. (Девочке пришлось произнести это необычное имя несколько раз: ударение на первом и последнем слоге, а все в целом напоминает скорее восклицание, чем имя.) Как человек разделен на планетные подвиды: каждый из них сложным образом приспособлен к своему миру, хотя внешне все выглядят как люди и могут даже скрещиваться. (Скрещиваться? Арло с любопытством спросил: «Как это делается?» Но, кажется, она его не расслышала.) Как ночью появляются звезды, точно такие же, что описаны в ДЗЛ: бесчисленные светящиеся точки, которых особенно много в области «Млечного пути». Как по орбитам вокруг некоторых звезд вращаются скалы, называемые «планетоидами», — порой всего в несколько километров в поперечнике, и путешественник почти не притягивается к их поверхности.

— Превосходное место для добычи редких руд, — добавила она. — Глубокие пласты выходят здесь наружу и легко достижимы. Золото, иридий... все, что угодно, и почти не требуется энергии, чтобы отправить добычу в космос. Рудные челноки — выгодное космическое занятие.

— Наверное, — согласился Арло, замороженный этим зрелищем. В ДЗЛ об этом ничего не было!

— А некоторые из планетоидов превращены в туристские гостиницы. Космотели. Закрытые, совершенно уединенные, со всеми домашними удобствами. — Она доверительно подмигнула. — Меня зачали в космотеле!

— Но как?..

— Мой отец умер. Мать тоже. Наверняка какая-то любовная история!

Так были обойдены дальнейшие расспросы о природе размножения людей. Но в воображении Арло одно переплеталось с другим: добыча руды на планетоиде и любовная история.

Они не только разговаривали, но и играли во всевозможные игры — от пятнашек до шахмат. Ада была искусна во всех играх — она обладала отличной физической и умственной координацией. Для девочки она знала на удивление много.

Пока Ада выздоравливала, с ней произошла удивительная вещь. Ее измученное болезнью тело стало

крупнее, чем было. Ноги округлились, особенно в бедрах. Грудь набухла двумя бугорками. Под мышками и между ног выросли волосы, скрыв ту складку, которая так заинтересовала Арло. Ее тело стало отчасти напоминать тело норны Верданди. И лицо слегка изменилось, стало не таким детским. Короче, она превратилась в златовласую маленькую красавицу.

Но особенно изменилось ее поведение. Очень многое в Аде по-прежнему раздражало, но многое на что-то намекало. И, странное дело, чем сильнее она его бесила, тем привлекательнее становилась!

— Куда они ведут? — спросила Ада, указывая на беспорядочные проемы в стене. Ей стало намного лучше, и она горела желанием всюду побывать.

— К большой газовой расщелине, — сказал Арло. — Ее не обойти. Это самое длинное ущелье в пещерах — оно тянется на сотни километров.

— Давай посмотрим! — крикнула она и побежала к ближайшему проему.

— Подожди! — воскликнул Арло, устремившись за ее мелькающими бедрами. Какая-то часть его мозга отметила, насколько пополнили ее ягодицы. Вероятно, потому что, выздоравливая, она слишком долго сидела. — Там небезопасно!

Но Ада уже забралась внутрь, пригнувшись под низким потолком туннеля. При этом она оттопырила попку, которая вновь заинтересовала Арло, хотя он уже знал, что в сущности там ничего нет. Тем не менее непосредственная опасность встревожила его.

— Там обрыв! — крикнул он. — Туда нет безопасного спуска... к тому же ты задохнешься от газа.

Ада завернула за поворот. Арло последовал за ней. Еще один поворот, и туннель сузился настолько, что ее бедра застряли. Арло знал, что впереди обрыв, и, как сумел, схватил девочку. Одна его ладонь оказалась между ног, поймав ее за бедро, и пальцы погрузились в мягкую плоть.

— Стой! — крикнул он.

— Вот ты как! — слышалось в ответ. — Заводишь меня! — хихикнув, она скользнула в дыру.

Арло пытался удержать девочку, но ее бедра, которые только что плотно сжимали его ладонь, раздвинулись, и пальцы выскользнули. Вновь он испытал возбуждение и тревогу — ему хотелось удержать бедро, которое так его возбуждало, и одновременно защитить Аду от опасности — и все-таки он упустил ее.

Арло нырнул за девочкой, но теперь сам застрял в узком месте. Он рванул и ободрал с боков кожу — камень здесь был очень тверд. Раздраженный острой болью и ее бегством, Арло вновь ринулся за ней.

— Ой! — крикнула Ада, и на мгновение он испугался, что девочка упала в пропасть. Но она вовремя остановилась и теперь сидела на кромке скалы, свесив ноги вниз.

— Почему ты не подождала? — сердито спросил он. — Ты ведь могла убиться! Я *говорил* тебе, что здесь опасно!

Ада всматривалась в дымку перед ними, словно ничего не случилось.

— Что это, Арло? Я никогда не видела ничего подобного!

— Газовая расщелина, я же говорил, — сдержанно объяснил он. — Оттуда, с потолка, спускаются газовые пары. — Он указал на далекий и высокий потолок, который отсюда не было видно. — Они скапливаются на дне в километре отсюда, а может, больше — не знаю точно, какая здесь глубина, — и всасываются в каменные трубы. На другом конце, по ту сторону пещер, горит огонь. Он вдувается в проходы и раскаляет туннели как раз там, где тюрьма. Потом воздух охлаждается, расширяется, успокаивается и возвращается сюда, чтобы повторить цикл.

Ада глядела вниз.

— Ничего не вижу.

— И не увидишь. Внизу нет свечения.

— Откуда же ты знаешь про газ?

— Отец рассказал.

Тот редкий случай, когда Атон разговорился. Он вообще больше любил рассказывать о вещах, чем о людях.

— А откуда он знает?

— Ему, наверное, рассказал толстяк Цветик во время Тяжелого Похода.

Девочка фыркнула:

— Но это же миф!

— Что?

— Тяжелый Поход. Тюремная байка. Никакого Тяжелого Похода не было.

— Мой отец проделал *его*! — горячо возразил Арло. — Им нечего было есть, и они ели мертвецов. Их преследовала химера, и микса, и...

— Очень милая байка, — сказала Ада. — И ты тоже очень милый. — Она наклонилась к нему, сидящему на корточках, и поцеловала его в губы.

Она никогда не целовала его прежде. Результат был потрясающий. Казалось, Арло, как в воронку, всосало в соединение их губ, и он почувствовал, что его крутит и вертит. Умопомрачительное блаженство! В ДЗЛ много раз описывались поцелуи, зачастую очень бегло и перед фигурами умолчания, которые, к его досаде, скрывали механику размножения, — но действительность превзошла все ожидания!

После чего падение и вращение стали буквальными. Ада соскользнула с выступа и едва не увлекла его за собой. В следующий момент Арло обнаружил, что цепляется одной рукой за неровный край, обняв Аду другой, а ноги его болтаются в поисках опоры.

Через мгновение его опытные ступни нащупали опору и страх перед возможным падением ослаб.

— Что ты *сделала*! — гневно крикнул он.

— Я поскользнулась. — У нее был довольно жизнерадостный вид.

— Нет. Ты не...

Ада вскарабкалась наверх, угостив его еще одним видом своих по-новому таинственных ягодич, и побежала по примыкающему туннелю. Разгневанный, он поспешил следом.

Этот туннель был уже предыдущего. Ада пробиралась по нему чуть впереди Арло и наконец выскочила в главный проход А преследовавший ее Арло, ослепленный желанием и яростью, снова застрял. На этот раз его заклинило по-настоящему: бедра так плотно придавило к камню, что, не причинив себе острой боли, он не мог ни двинуться вперед, ни отступить назад. Он стоял, вытянувшись, лицом к туннелю.

Обнаружив, что Арло ее не преследует. Ада вернулась назад.

— Что случилось?

— Я застрял. Не могу двинуться, — с жаром сказал он.

— В самом деле? — в ее голосе прозвучала радость.

— Похоже на это!

Она наклонилась, чтобы получше разглядеть его промежность. Юные груди Ады стали в этом положении более выпуклыми. Когда-нибудь, догадался он, они будут напоминать груди Верданди — большие и пухлые. Потом, вероятно, отвиснут, как у двух других пори, и станут менее возбуждающими. Но только потом, а сейчас...

— Кажется, он поднимается, — сказала она.

— У меня *бедра* застряли! — сказал он. — Помоги мне!

— И к тому же становится больше.

— Заткнись! — воскликнул он в смущении и ярости. Хотя в отношении пола особого стыда у него не было и он гордился эрекцией, в данном положении она была ему ни к чему. Скорее она демонстрировала его невежество и напоминала о прикосновении и любопытстве пори. Как они сказали? «Сей уд пронзит...»? Он не владел уже собой.

Ада приплясывала вплотную к нему, вращая бедрами и выставив свой зад так, что он почти терся об Арло.

— Почему ты не...

Внезапно Арло прозрел смысл своего возбуждения. Теперь он знал, куда вставить восставший орган! Он ринулся было к ней, не понимая, готов ли он доставить ей удовольствие, или нанести боль, или то и другое вместе. Но камни держали его крепко, и бедра обожгла сильная боль. От ярости он едва видел Аду, однако желал ее с такой силой, о существовании которой и не подозревал. Да, теперь он знал, что делать, — когда ему подвернется случай.

— У-тю-тю! — пропела Ада и на этот раз действительно коснулась его члена.

Арло исхитрился. Он не стал лезть вперед, а резко крутанулся. Кожа содралась с обеих сторон, и казалось, даже кости сжались, но он все-таки вырвался, выскользнул из узкого места!

Зато Ада исчезла. Теперь она была такой же быстроногой, как и он, и знала пещеры достаточно хорошо, чтобы спрятаться. Он не смог ее поймать.

Вероятно, к лучшему. Арло заключил с Хтоном сделку, дабы сохранить девочке жизнь, но в тот момент с радостью готов был убить ее сам.

— Миньонетка? — переспросила Кокена, и на лице ее появились морщины, делавшие ее старше.

— Отец велел спросить у тебя, — сказал Арло, и тело его нервно напряглось. На этот раз он был рад, что одежда помогает скрыть напряжение. — Бедокур сказал, что миньонетка, как и саламандра, означает смерть... что это подобия, как жизнь и смерть Атона. Он...

— Доктор Бедокур — сумасшедший, — сказала Кокена.

— Да. Он говорит, что он сумасшедший полностью, а отец — наполовину. Только, кажется, он имеет в виду совсем не то, что мы. Но Бедокур всегда говорит мне правду, хотя и по-своему, а он сказал, что отца посадили в тюрьму за любовь к миньонетке. И еще он сказал, что моя бабушка была миньонеткой, и я — четверть-миньон. Разве можно посадить человека в тюрьму за то, что он любит свою мать? Я люблю тебя...

Чтобы удержаться. Кокена уперлась о горячую стену. Арло подхватил ее под другую руку, боясь, что она упадет.

— Что с тобой?

Мать овладела собой.

— Как твои дела с Адой?

Кокена встречалась с Адой лишь однажды. Это было ужасно — Кокена не выказала ни малейшей ревности и радушно протянула навстречу девочке руки — Ада же убежала. Арло отреагировал обычной вспышкой гнева, но не смог поймать Аду, чтобы вернуть ее или объяснить. Она обращалась с Арло, Атоном и Бедокуром, понемногу раздражая всех, — но Кокена, которая не имела к ней ничего, кроме любви, была отвергнута. Одна из тех вещей, что огорчали Арло, — и все же его влекла к Аде возрастающая страсть. словно ему *нравилась* извращенность, словно что-то в нем хотело причинять боль и испытывать ее — и это вызывало отвращение. Подозревая, что дело в его наследственности, он и собрался наконец спросить об этом у матери.

— Она чертовски невыносима, — сказал он. — Но порой страшно мила. Мне то хочется убить ее, то... — Арло осекся, неуверенный, много ли он может себе позволить. Например, вряд ли Кокену обрадует случай в газовой расщелине. Ничего, собственно, не произошло, но будь он чуть проворнее...

— Она юная женщина, а ты юный мужчина, — сказала Кокена. — Тебе естественно желать ее. Это не стыдно.

В таком случае почему мать никогда не рассказывала ему про половой акт? Очевидно, где-то *таилась* стыд.

— Но я больше всего хочу ее тогда, когда больше всего ненавижу! — воскликнул он.

Кокена села в кресло-качалку. Оно было из камня и передавало ее телу тепло от стен и пола. Арло исходил от жары потом, но его мать совершенно не потела. У нее явно был нарушен механизм теплообмена организма.

— Да, тебе пора узнать. Но должна предупредить: в этом боль — для твоего отца, для меня, да и для тебя тоже.

— Потому что я на четверть миньон! — догадался он.

— Да. Я надеялась, что миньонская составляющая будет в тебе подавлена, но, кажется, этого не произошло. Поэтому тебе лучше узнать правду, чтобы уметь с этим справляться, как твой отец.

— Он любит и ненавидит *тебя*? — ужаснулся Арло. Никто не смел ненавидеть Кокену!

Она слабо улыбнулась:

— Нет. Он никогда не причинял мне боли. Но пока он не победил свою химеру, было очень плохо. На его руках много крови, большую часть его злых поступков нужно выбросить из головы, потому что он не знал. Я молюсь, чтобы на твоих руках ее не было.

— Чего он не знал? — сокрушенно воскликнул Арло. Порой его родители были хуже Бедокура и нора и изводили его туманными ответами.

— Все началось с твоего дедушки Аврелия Пятого, отца Атона. Аврелий женился на дочери Десятого, во всех отношениях замечательной женщине, которую любили хвеи. Но через два года она умерла при родах, ибо в некоторых отношениях планета Хвея весьма первобытна. С горя Аврелий отправился в космос и там попал под власть миньонетки. Ее привлекла к Аврелию его страшная печаль, а также чувство вины из-за того, что он ее любит.

— Не понимаю, почему он на ней не женился?

— Миньон — запретная планета. Аврелий нарушил галактический закон, сперва тем, что отправился туда, а потом тем, что привез Злобу к себе домой. Так что...

— Злоба! — Это слово упоминали норны. — Что за имя?

Кокена коснулась его плеча.

— Тебе нелегко, сынок. Потерпи вместе со мной.

— Извини.

Кокена говорила об очень важном, и он не имел права ее перебивать. Можно было отложить свои вопросы.

— У всех миньонеток такие имена. Ярость, Агония, Боль, Жуть, Невзгода...

Арло снова едва не перебил ее, но сделал вид, что поперхнулся. Он должен не спорить, а слушать.

Кокена улыбнулась, и он увидел в ее улыбке то, за что отец полюбил ее.

— Да, поначалу это кажется странным. Но они верны своей природе, как мы верны своей. Дело в том, что чувства у миньонеток перевернуты. Наша любовь, красота, радость воспринимаются ими как ненависть, уродство, отвращение, и наоборот. Они — чувственные телепатки и потому воспринимают эти чувства непосредственно. Ненависть мужчины для них божественная любовь, но любовь эта может быть смертельной. В сущности, миньонетки бессмертны, их почти ничто не может убить, и они веками остаются красивыми и молодыми. К тому же они похожи друг на друга, пока ты не узнаешь их лучше. Так они и живут, пока их не настигнет чья-то любовь — и тогда они умирают. Их имена, собственно, выражают их привязанности.

Она перевела дыхание, как бы собираясь с силами.

— Мужчины планеты Миньон близки к норме, но им приходится учиться ненавидеть тех, кого они любят. Они бьют своих жен и даже пытаются убить, зная, что только так сохраняют их. В результате у мужчин с Миньона сильно развиты садистские черты, связанные с любовью. Вот почему эта планета под запретом. Такого рода любовь уже принесла в истории Древней Земли слишком много бед и привела бы к уничтожению цивилизованных культур галактики.

Злоба оставалась с Аврелием один год и родила ему Атона. К этому времени Аврелий смирился со смертью дочери Десятого и начал любить Злобу без чувства вины. Он не понимал — вероятно, не позволял себе понять, — что она бежала от его любви. Поэтому Атон рос без матери...

В культуре Миньона есть одна особенность. Женщины живут веками, а мужчины обычно умирают в пятьдесят лет. Очевидно, за этот срок их ненависть обращается в любовь, садизм ослабевает, и когда это происходит, их казнят другие мужчины. Эта печальная, но почетная кончина известна под эвфемизмом «неосторожность». Но миньонетка не становится вдовой: она выходит замуж за своего сына.

— *Что?* — воскликнул Арло. Все его знания о человеческой культуре убеждали его в запретности кровосмешения.

— Это естественный для них порядок, — продолжала Кокена, хотя он видел, что она страдает от дурных предчувствий. Кокена, дочь Четвертого с планеты Хвея, была исконно консервативной, истинным ребенком своего мира. Однако она сумела приспособиться к своему чрезвычайному положению — к любви полуминьона Атона. Она была терпима. — Миньонетка становится женой своего сына, а после него — своего внука, который является ее сыном, а после него — следующих своих потомков мужчин, хотя каждому из них она мать. Она рождает одних мальчиков до тех пор, пока наконец не состарится. Тогда она рождает девочку, которая и занимает ее место.

— Но если моя бабушка... — Подразумеваемое ошеломило Арло.

— Аврелий был человек, а не миньон. Он не мог принять законов Миньона. Тогда Злоба отправилась на поиски своего сына Атона. — Кокена умолкла, словно собираясь с новыми силами, и на этот раз Арло отлично понял, почему. — Ты должен понять. Она была с виду молодой красивой женщиной, она появилась как возлюбленная, а не как мать, и он не знал...

Молодая и красивая. Это как-то сразу ослабило его отвращение. Но второй вопрос вряд ли можно было обойти так просто.

— Мой отец Атон... женился на своей... *матери*?

— Да. Свадебного обряда не было, поскольку ей приходилось скрывать свою личность от властей. Официально он был помолвлен со мной, но...

— Я убью ее! — крикнул Арло, исполненный каким-то новым гневом.

— Нет. Она давным-давно умерла... к тому же она была не такая уж плохая. Я встречалась с ней. Знала ее. То, кем она была, что она делала, определялось ее генами, ее культурой. Все мы — плоды своей наследственности! С объективной точки зрения нет истинного и ложного.

— *Должно* быть, — сказал Арло.

— Я никогда не встречала более умной, обаятельной, умелой и любящей женщины, если не считать парадоксальной перевернутости ее чувств. Сейчас я вижу, что миньонетка владеет в Атоне лишь его половиной, и я люблю его за это не меньше, чем за его человеческую сторону, которая превосходна. — Кокена вновь умолкла. — Но я любила бы его и без того...

— Атон не женился бы на тебе, будь она жива! — воскликнул Арло. — Как ты можешь...

— Быть второй любовью не так уж плохо, — сказала Кокена. Арло заколотило, когда он вспомнил, что то же самое сказал отец. Атон и Кокена, такие разные на поверхности, обладали одинаковой природой и прекрасно подходили друг другу. — Первая любовь может быть буйной, безрассудной, тяжелой; вторая же опирается на опыт. Я жалею только о том, что миньонетке пришлось умереть, чтобы наш брак стал возможным.

— Неужели он не женился бы на тебе, пока не умерла его мать? Я убью его! — воскликнул Арло, содрогаясь от гнева, но понимая, что это пустое бахвальство. У него не было ни сил, ни желания убивать отца, просто ему хотелось выразить свою поддержку Кокене. Собственно, он стал уже повторяться — но мысль о необходимости смерти матери для женитьбы жутким образом засела в его голове.

— Ты — на четверть миньон, — сказала Кокена. — Убить отца... это тоже путь миньона. Мужчин, которые живут слишком долго, убивают их сыновья, которым не терпится исполнить свои супружеские обязанности.

От этих слов Арло похолодел. Все его недавние страсти и безумия свелись к одному: кровь миньона жаждала в нем садистской любви. Неудивительно, что его роман с Алой протекает так бурно! Придется все изменить.

— Надеюсь, во мне больше от Аврелия, чем от миньонетки, — сказал Арло. — Как я хотел бы познакомиться с этим отважным стариком!

— Его брат Вениамин еще жив — у доктора Бедекера время от времени с ним какие-то дела. Вениамин очень похож на Аврелия.

— Да? — «Это очень интересно!» — Сумею ли я когда-нибудь встретиться с Вениамином?

— Для этого тебе придется покинуть пещеры или ему спуститься в них. И то и другое маловероятно.

Все верно. Очень интригующее начало, а в конце — тупик. Арло вернулся к исходной теме:

— И все-таки ты должна быть *первым* выбором Атона, а не вторым!

— Нет. Это был брак по расчету: Первый сын Старшего Пятого, Третья дочь Старшего Четвертого. Очень выгодный с общественной точки зрения — но мы ни разу не встречались и познакомились лишь после романа Атона с миньонеткой. Он знал ее с самого детства. Она его первая женщина... а я готова была быть хоть сотой, только бы последней. Познав ее, он выбрал меня — это величайший подарок в моей жизни.

«Кокена и словом не обмолвилась против миньонетки!» — Кто убил ее?

— Атон.

Арло вновь опешил.

— Он убил свою жену... свою мать? Почему? Как?

— Своей любовью.

Арло искал Аду, желая объясниться, извиниться. Но она избегала его. Ее золотые пряди развевались, когда она проносилась по пещерным туннелям. Наверняка она думала, что он хочет вновь ее ударить. После заключения договора с Хтоном она боялась не пещерных тварей, а самого Арло.

— Подожди! Подожди! — звал он. Но она не слушала.

Преследуя девочку, он далеко ушел от сада, пересек реку, в которой обитали рыбообразные хищники, разрывающие на куски всех несведущих, и попал в прогибающиеся ознобом ледяные пещеры. Он редко забредал сюда, поскольку здесь было очень скользко и к тому же холодно. Но он не мог отступить, пока не заставит себя выслушать.

Ада кружилась вокруг сталагмита.

— Ой! — крикнула она, когда тепло ее руки растопило сверкающий лед и она лишилась опоры. Ноги у девочки заскользили, и она без всякого вреда для себя изящно упала. — Ой! — повторила она и покатилась вниз по извилистой ледяной реке на голой заднице, подняв ноги и руки и медленно вращаясь.

Арло плюхнулся на живот и последовал за ней. Тончайший слой воды на льду сводил трение на нет. Жар погони делал соприкосновение со льдом весьма возбуждающим. Вид Ады, вращающейся с привлекательно раскинутыми конечностями, возбуждал его по-иному. Первое бы он объяснил. Тогда как...

Ледяная река, покинув ущелье, впадала в ледяное озеро. Волосатые пещерные птицы тут же упорхнули, едва на середине озера появилось двое людей. Поверхность была покрыта обломками ледяных сталактитов. Арло сметал их со своего пути руками и ногами и наблюдал, как они катятся и со звоном разбиваются об отвесную обледеневшую скалу берега. Забавное зрелище, но он попал сюда не за этим.

Скольжение Ады замедлилось. Более тяжелый Арло продолжал катиться. Он вытянул руку и, оказавшись рядом с Алой, поймал ее за ногу и подтянул к себе.

— Я хочу рассказать тебе о миньонетке, — выдохнул он.

Челюсть у нее очень мило опустилась.

— Ты *знаешь*?

— Да. Я — на четверть миньон. Моей бабушкой была миньонетка Злоба. От нее я унаследовал садистские склонности. Но их можно подавить. Мой отец подавляет... и я тоже буду. Я люблю тебя.

На мгновение Арло показалось, что Ада не так его поняла. Ее лицо перекосилось от притворной боли.

— Что с тобой? — спросил он, и в нем вспыхнуло прежнее раздражение. — Я сказал, что люблю тебя! — А внутри он гадал, правда ли это, или же замечание Кокены о буйстве первой любви служило предупреждением. Никогда раньше он не испытывал такого рода любви...

Вдруг Ада улыбнулась. Она протянула руку и ущипнула его за самое нескромное место.

— Докажи!

И тут же уперлась в него ногами и с силой оттолкнулась.

Девочка покатилась по льду в одну сторону, он — в другую. Ее поступок был по-своему забавен и однако же приводил Арло в ярость. В любом случае, это вызов. Он непреклонно будет доказывать свою любовь — зная, что не в шутку угрожает своей четвертинке миньона, он, тем не менее, решился.

Арло достиг каменной стены, уперся в нее ногами и оттолкнулся. Его понесло в обратную сторону, к Аде. Но она успела оттолкнуться от противоположной стены и проскочила мимо него.

— Ку-ку, глупышка! — крикнула она, весело махнув рукой.

Арло становилось все жарче, а его ягодицам — холоднее. Он достиг стены и оттолкнулся под таким углом, чтобы попасть прямо на нее. Но девочка вновь миновала его, приведя Арло в бешенство.

— Плохо стараешься! — воскликнула она.

Полный решимости, он придумал стратегию получше. До того, как оттолкнуться от стены, он посмотрел, в каком направлении движется она, и выбрал угол так, чтобы пересечь линию ее движения. Ада была не в силах изменить его, так как скользила по инерции, и когда они наконец поравнялись, Арло схватил ее за длинные волосы.

Он безжалостно дернул, и ее волосы погасили их инерцию. Когда она с разинутым ртом и вытаращенными глазами закружилась вокруг него, он об этом пожалел. Но Ада лишь рассмеялась, а он опять разъярился.

Арло подтащил девочку к себе. Она охотно позволила это сделать: ноги у нее были раздвинуты, с пяток капала холодная вода, ягодицы белели в тех местах, где их охладил лед.

Ада поцеловала его, мгновенно пробудив в нем жажду ее тела, затем уперлась ступнями ему в живот и снова отпихнулась.

Но дважды на одну уловку он не попадет! Арло по-прежнему держал девочку за волосы. Она взбрыкнула, но никуда деться от него не смогла. Арло подтянул ее обратно, пытаясь обхватить распростертые руки и манящие ноги.

Но сцепления со льдом не было. Ада рассмеялась, глядя на его попытки прижаться к ней. Все равно, что на материнском уроке держать лист бумаги на весу и писать на нем по-древнеземлянски. Без твердой опоры — тщетные усилия. Ада же была далеко не твердой, а извивалась как пещерный червь. Его

неумелость казалась ей забавной, и она то и дело дразнила его, мельком показывая цель. От смеха она вся дрожала вплоть до лобка.

— Ну и любовник! — весело кричала она.

Они продолжали скользить по льду и наконец стукнулись о стену. У Арло возникла новая мысль. Вот где его опора!

Он сманеврировал так, чтобы она оказалась спиной к стене, а ее руки и ноги не могли его снова оттолкнуть. Нащупал в скале неровности и трещины и плотно прижался к ним ладонями, чтобы растаял тонкий слой льда. Это позволит ему ухватиться понадежнее. Его руки и ноги образовали у стены замкнутое пространство, и она оказалась пойманной.

«Теперь, — подумал он, — решающий маневр». Словно он — космолет, о котором она рассказывала: челнок, доставивший иридиевую руду с поверхности планетоида. Он находился на орбите, нацеливаясь кронштейном — устройством для хранения руды. Надо точно состыковаться, выкинуть спускной желоб и перекачать свой груз в закрытый бункер. Насос включится автоматически, как только произойдет соединение; человеческие руки для управления не нужны. Такие корабли не нуждаются в герметичности, системе жизнеобеспечения и защите от радиации. Они очень производительны.

Но данный челнок страдал от одной неполадки и никак не мог состыковаться с приемным механизмом. Чтобы добиться соединения, Арло приходилось упираться краями кронштейна и разворачиваться. С определенной осторожностью и расчетом все должно было получиться. Транспортер-гидрант уже наполнен для немедленной отгрузки. Он нацелен в трубу бункера. Измельченная руда поднимается по внутреннему транспортеру, создавая необходимое для сброса давление. Медленно, медленно к цели...

Цель отклонилась: необходимо внести поправку. Легкий толчок в сторону — слишком сильно, назад! *Теперь* точно по центру. Время для решительного движения вперед...

Контакт! Гидрант включился, руда пошла...

И в тот же момент что-то отбрасывает спускное отверстие в сторону. Для поправок слишком поздно! Ценный груз не попадает в бункер и извергается в космос — пропавший, невозстановимый.

Арло очнулся от грез в высшей точке боли-наслаждения. Ада смеялась так громко, что стала задыхаться.

Руки у Арло заняты — цепляются за скалу позади Ады. Он и забыл, что у нее-то руки свободны! Она воспользовалась ими в решающий момент и все испортила.

Руки Арло отпустили скалу и сомкнулись у Алы на шее. Он сжал девочку и стукнул ее головой о стену. Из-за слабого сцепления удар получился не очень сильным. Они снова откатились на середину озера.

— Извини, — сказала с раскаянием Ада.

— *Извини!* Ты...

— Я тебе докажу. Дай мне хвеву.

С сомнением и полным разочарования, Арло привел Аду в сад. Там сорвал прекрасный цветок светящейся голубой хвевы и держал его в руке до тех пор, пока тот не сориентировался на него. После чего подарил цветок Аде, зная, что сейчас он завянет и умрет, ибо ее любовь не могла быть искренней. Во всякая-то часть в нем надеялась, что этого не случится, — жаль было не только их отношений, но и небывалую голубую хвеву.

Ада воткнула растение себе в волосы — хвеву продолжала цвести. Ее свечение даже усилилось. Ада молча смотрела на Арло, не нуждаясь более в словах и внезапно превратившись из дразнившего его подростка в прекрасную девушку.

Она действительно *любила* Арло — хвеву доказала это своим сиянием. Сияние хвевы означало их помолвку в духе его предков.

Часть вторая

Смерть

§ 460

В пассажирской каюте СС-корабля сидело двое мужчин. Они разглядывали смоделированную панораму звезд: в действительности, при Сверхсветовом путешествии звезды *видеть* невозможно, но модель была точной и, пожалуй, производила более сильное впечатление, чем реальность.

Один мужчина был стар. К его основным органам были присоединены стимуляторы и ритмоводители, заставлявшие их хоть как-то работать, а искусственное легкое подавало кислород для дыхания. Похоже, что он готовился к смерти, поскольку все его тело было поражено какой-то ужасной болезнью.

Другой был миньон: невысокий, неопределенного возраста, угрюмый на вид мужчина с бородой, облаченный в обычную для его культуры набедренную повязку.

— Не выпить ли нам вина в честь юбилея, Утренний Туман? — спросил старик, доставая старинную бутылку.

— А позволит ли это твое здоровье, Вениамин? — спросил в свою очередь Утренний Туман.

— Естественно, нет!

— Тогда пожалуйста! А что за юбилей?

— Сегодня мне исполняется сто восемь лет, — сказал Вениамин.

— Отлично! По этому поводу мы должны устроить пирушку и пригласить нашего кормчего.

— Да. И... твою жену?

— Еще рано, — многозначительно произнес Утренний Туман.

— Прошу прощения. При моей немощи я иногда забываю...

— Всем прекрасно известна причина этой немощи! Обойдемся без извинений, — человек с Миньона улыбнулся и отправился за кормчим.

Вениамин налил слегка трясущейся рукой два бокала вина, затем расслабил напрягшиеся мышцы.

Через минуту всунулся Утренний Туман с кормчим. Им оказался ксест: восьминогое существо с шаровидным телом, похожим на центр плотной галактики. Тяготение на корабле поддерживалось в четверть нормального земного из почтения к привычкам паукообразного существа — этот уровень не вредил и старику Вениамину.

У ксеста не было голосовых связок, поэтому люди сопровождали свой разговор знаками галактического языка.

— Сегодня в § 460 мы отмечаем сто восьмой день моего рождения, — сказал Вениамин.

— Тебя высиживали сто восемь раз? — спросил ксест, двигая двумя ногами по-галактически куда изящнее, чем мог бы ухитриться человек. Он сотрудничал с Вениамином свыше тридцати земных лет, но по-прежнему имел очень смутное представление о размножении людей и о их возрасте.

Вениамин засмеялся настолько громко, насколько позволяло ему искусственное легкое.

— Так мы измеряем время. Я — Второй сын Старшего Пятого — родился в § 352. Мой брат Аврелий родился на четыре года раньше и забрал букву «А» себе. Таким образом, я — Пятый не первого ранга и никогда не старался жениться. Кажется, к счастью. Я, несомненно, самый старший из оставшихся в живых Пятых. *Единственный* живой Пятый, как известно моему старому другу и соратнику Утреннему Туману. А поскольку вся эта скромная суета сует скоро прекратится, я устраиваю юбилей. Ты усвоив?

— Это праздник? — спросил ксест.

— Вполне. Веселись, ибо завтра не наступит.

У ксеста синкопированно задрожали четыре ноги, демонстрируя проявление у иномирянина каких-то чувств. Он постигал предназначение каждого из них, но до сих пор не понимал, что истину следует признавать в открытую.

— В таком случае позвольте, чтобы некто пригласил тафиса?

— Тафиса? — спросил Утренний Туман.

— Очень уместно? — воскликнул Вениамин с таким пылом, что на его искусственном легком загорелась красная лампочка. — Я с вином, ты с женой, ксест с тафисом. Самая великолепная пирушка всех времен и народов!

Ксест принес небольшую коробку и приподнял крышку. Та была покрыта инеем: содержимое заморожено. Затем ксест продолжил:

— Вам обоим известен смысл тафиса?

— Нет, — сказал Утренний Туман.

— Не совсем, — подтвердил Вениамин. — Но поверьте мне, по такому случаю все позволительно, если тебе так угодно. Все, кроме намеренной бестактности. Тому пример мой алкогольный напиток: он наверняка меня убьет.

— Смерть мы понимаем, — просигналил ксест. — Но существуют разные ее виды. Почему миньонетка остается одна в своей каюте?

— Ее присутствие не сделает наш праздник веселее, — ответил Утренний Туман. — В должное время я пойду к ней и устрою семейный праздник, дабы избежать публичного показа того, что может оскорбить общество.

Вениамин выпил бокал вина.

— Возможно, это не совсем уместно, но, полагаю, без малейшей сознательной неучтивости, что она *должна* быть с нами. Сомневаюсь, что этим кому-либо будет нанесено оскорбление — в данном случае. Разве что наш друг просветится — а мест сейчас просветит нас.

Миньон просигналил песету:

— Ты осознаешь, что, хотя наше определение красоты отличается от вашего, она может оказаться для тебя неприятной?

— Тафис — неприятен, по вашему определению. Более того, для вас возникнет определенная опасность.

— Не дурачьтесь — вы оба, — сказал Вениамин с улыбкой. — Я обладаю не телепатическими способностями, как вы, а лишь крохами информации, — и заявляю следующее: дадим себе волю, каждый в своем вкусе и, возможно, во вкусе своего спутника. Ни у кого из нас не будет больше такой возможности?

— Прекрасно, — согласился Утренний Туман, дотрагиваясь до кнопки у себя на браслете. — Я открыл замок. Скоро к нам присоединится Невзгода. — Он перегнулся через стол и подобрал богато украшенную плеть.

Вениамин налил себе еще, хотя бокал миньона оставался нетронутым.

— Удивительно, не правда ли, сколь разнообразные механизмы мы привлекаем ради собственной смерти, — сказал он. — Я принимаю сладостный яд, миньон — миньонетку, ксест — тафиса. Разве это не доказывает, насколько, в сущности, мы похожи?

— Все мы — разумные формы жизни, потому и похожи, — заметил Утренний Туман, для проверки сгибая плетку. Очевидно, это орудие было ему хорошо знакомо. — Человек, ксест, лфэ, ЕеоО — как мы обнаружили, в Рагнарек отличия чисто внешние.

Ксест вынул замороженный кубик. Теплый воздух корабля коснулся его поверхности, и от нее пошел

пар.

— У нас, вероятно, половина вашей единицы времени. Этого достаточно?

Вениамин посмотрел на часы, встроенные в пульт управления пищеварительным регулятором.

— Полчаса... При теперешней скорости и азимуте контакт — через сорок две минуты. Считаю, что граница удовлетворительная.

— Вполне удовлетворительная, — согласился Утренний Туман. — Если один из вас будет настолько любезен и подскажет мне, когда останется пять минут...

— Я, вероятно, буду слишком пьян, чтобы говорить, если, конечно, к этому времени не откажет моя печень, — с сожалением сказал Вениамин. — Я закоротил у себя обезвреживатель алкоголя, чтобы эта стихия добралась до моего мозга в чистом виде.

— Некто тоже не будет способен, — просигналил ксест.

— Я тебе подскажу, — произнесла с порога миньонетка.

Утренний Туман взглянул на нее поверх плети.

— Благодарю тебя, дорогая. — Он поднял оружие. — Подойди, пожалуйста, сюда.

Невзгода шагнула в комнату: высокая фигура в просторном плаще с капюшоном и вуалью. Однако ее походка наводила на мысль о небывалой красоте.

— Позволь мне увидеть твои волосы, — сказал Утренний Туман.

Невзгода остановилась.

— Они совсем поблекли.

— Потому что я пренебрегал тобой, любовь моя, — сказал Утренний Туман. Громко хлестнула плеть. Вуаль слетела с лица Невзгоды. Капюшон упал, открыв тускло-каштановые пряди. На щеке — там, куда попала плеть, — остался след. Но она лучезарно улыбалась.

— Невзгода, познакомься с моим старым другом Вениамином, — сказал миньон. — И еще с одним моим другом, ксестом, который по обычаю их рода безымянен. Улыбнись же им, сука.

Миньонетка покорно улыбнулась каждому из них и сделала это с такой непринужденностью, что Вениамин замешкался и не улыбнулся в ответ, тогда как конечности ксеста судорожно соединились.

— Вы совершите сейчас слияние? — поинтересовался ксест. — Извините, если некто настолько любопытен, что нарушает приличия. Наш вид никогда не понимал природу вашего вида вполне.

— И никогда не поймет, — согласился Вениамин. — В этот час не существует приличий. — Он нетвердо поднялся, покачивая стимуляторами на теле, словно украшениями. — Друг-миньон, мой брат умер в § 402 из-за миньонетки. Кажется, ее звали Злоба. Десятилетиями я пестовал коварное желание, которому все возрастающее опьянение позволяет наконец дать выход. Позволь?

Утренний Туман вручил ему плеть.

— Друг мой, доставь мне удовольствие. Кто имеет на это большее право, чем ты?

Вениамин поднял плеть.

— Понимаешь, — объяснил он ксесту как мог, одной свободной рукой, — чувства у миньонетки перевернуты. Наша боль для нее — радость. Мне очень жаль, что это так, и поэтому...

Он неумело хлестнул плетью. Плеть задела женщину по плечу — более или менее безвредно.

— Проклятый Хтон! — выругался Вениамин, когда искусственное легкое качнулось и ударило его в бок. В сущности, наказан был он, а не миньонетка.

Невзгода улыбнулась.

— Тебе не хватает практики, — сказал миньон, тоже улыбаясь, и теперь миньонетка выглядела удрученной. — Я обращаюсь не к тебе? — бросил ей Утренний Туман, и ее лицо осветилось улыбкой.

— Очень любопытно, — просигналил ксест. — Есть определенное сходство с тафисами. Некто начинает понимать.

Вениамин схватил левой рукой бокал, глотнул еще вина, встал поустойчивей, удостоверился, что стимуляторы ему не мешают, и вновь занес плеть.

— Когда я попадаю по ней, я причиняю ей боль, и она счастлива. Но воздействует на нее моя вина из-за причинения ей боли, а не сам удар, который она вполне может перенести. Когда же я промахиваюсь, я сержусь на себя за неловкость, и она вновь счастлива. В этом-то и заключается красота. Я век не знал такой возможности выплеснуть свои подавленные антагонизмы!

— Не считая Рагнарек, — пробормотал Утренний Туман.

— О да. Хтон...

— Тем не менее, это, похоже, оказывает тонизирующее воздействие, — добавил Утренний Туман. — Ты гораздо подвижнее, чем прежде.

— Да! Таким проявлением враждебности можно было бы продлить мою жизнь на неопределенный срок, если бы она не заканчивалась через час.

— Некто хотел бы понять, — просигналил ксест. — Это понятие неизбежной гибели... оно относится к нашей общей судьбе. — Кубик перед ним таял.

— Поскольку это вполне подходящий случай для описания несчастий, — сказал миньон, — я объясню про Рагнарек, пока мой друг бьет мою мать.

— Мать? — спросил ксест. — Некто предполагал, что она твоя супруга. Некто именно так понял выражение.

— Она и *есть* супруга. Супруга и к тому же мать, а для более удачливых миньонов — бабушка и так далее по восходящей линии. При обычном ходе событий она станет моей невесткой, то есть супругой моего сына, и так далее. После моей кончины, естественно. Так заведено на нашей планете.

— Следовательно, вы размножаетесь делением, — просигналил ксест, будто его осенило. — Ваше отдельное бытие продолжается из поколения в поколение, как и наше.

— Мои поздравления, — с трудом произнес Вениамин, сбившийся с дыхания из-за неумелого обращения с плетью. — Посланец с Миньона, ты прояснил наконец загадку веков: Природу Размножения Людей. — Он откашлялся и сплюнул: — Деление!

Ксест молчал, созерцая уменьшающийся кубик.

— Но зачем вам в таком случае две ипостаси?

— Два пола, — терпеливо произнес Утренний Туман.

— Два вида?

— Две разновидности, женщина и мужчина. Они соединяются, чтобы образовать новую особь.

— Да, — согласился ксест, вновь что-то поняв. — Как ЕеоО! Только у вас женская ипостась непрерывна — родительница, супруга, младшее поколение. Деление наряду со слиянием.

— Отлично изложено, — сказал Вениамин.

Миньон покачал головой:

— Конечно, виды, наделенные полом, не раз сталкивались на этой почве с вашим бесполом видом! Вероятно, будет полезно, если ты объяснишь вашу систему воспроизводства — и при чем тут тафисы.

— С радостью. Мы делимся непроизвольно, когда случайно отрывается отросток. Ксест, естественно, восстанавливается, но и отросток воспроизводит нового ксеста. Получается двое там, где был один. Поскольку у нас перенаселение, возникает долг обществу. Мы же долги не одобряем. Поэтому и используем тафисов.

Вениамин, несмотря на свою дряхлость и усиливающееся опьянение, освоился наконец с плетью.

Одежда лоскутьями спадала с миньонетки, открывая взору великолепное тело. Волосы ее заалели, словно в них заиграло пламя.

— Трудно поверить, что тебе больше восьмидесяти лет! — пробормотал Вениамин.

— Я старше тебя, — сказала Невзгода. — До Розового Утеса я родила трех сыновей. Он разорвал цепочку, превратившись в чудовище до того, как я зачала от него, и моему племени пришлось покончить с ним из-за его неосторожности. Так я стала вдовой. Не появись в это время Каменное Сердце...

— Изумительно! — выдохнул Вениамин. — У тебя такое лицо, грудь... человеческая девушка в твоём состоянии была бы на целый век моложе.

— Не забывай о плети, — напомнила она.

— Извини. — Он вновь хлестнул, еще слегка обнажив тело, которым так восхищался. — Какое преступление я совершаю: садист и созерцатель! Я зашел слишком далеко, чтобы хоть как-то ею воспользоваться, будь мне это позволено.

— Насколько нам известно, — говорил между тем Утренний Туман ксесту, — тафисы все едят. Пластмассу, мясо, дерево — все, что хоть отдаленно съедобно. А какое употребление находите им вы?

— То же самое, — ответил ксест. — Тафисы — самые замечательные едоки, которых мы обнаружили, — лучшие, чем кто-либо из обитателей наших собственных планет. Поэтому они пользуются огромным спросом, и на них приходится большая часть нашей торговли с другими галактическими видами. — Он вновь проверил кубик, проведя по нему одной из ног. — Скоро появятся личинки.

— Не расточайте себя чрезмерно, сударь, — сказал миньон Вениамину. — Мы хотим быть в финале вместе.

— Вероятно, так будет лучше, — согласился старик, отдавая плеть. — Чудесное укрепляющее, но все же есть предел. Большинство моих стимуляторов зашкаливает.

Утренний Туман взмахнул плетью и умело сорвал с миньонетки остатки одежды. У нее была изумительная фигура, от которой захватывало дух (условно говоря, поскольку ксест не дышал); ни худощавая, ни полная, но словно бы вылепленная великим скульптором как образец идеальной женщины.

Вениамин наблюдал, потягивая вино.

— Я начинаю понимать, почему мой брат связался со Злойбой, — сказал он. — Будь я предметом ее соблазна, я бы не остался холостяком. Даже если бы *знал* о судьбе тех, кого искушают ей подобные?

— Судьба всех миньонов, — сказал Утренний Туман. — Кроме вот *этого*, по небывалой галактической причине. Дайте подумать... как бы довести ее до высшей точки самым унижительным образом?

— Для этого не нужно особенно думать, — сказал Вениамин. — Вспомни моего племянника.

— Как бы я мог забыть? Ведь я и есть твой племянник.

Вениамин вздохнул.

— И впрямь настало время для сбрасывания покровов со старинных тайн! О да, откроем истину хотя бы перед самым концом! Ты — мой родственник, ты — наследник Старшего Пятого.

Миньонетка застонала.

Вениамин улыбнулся:

— Смотри-ка, наша радость причиняет ей боль! Разве мы не садисты?

— Некто хочет спросить, — просигналил ксест, — в каком родстве находитесь вы двое? Некто вновь сбит с толку.

— У людей существует дурацкое понятие чести, — объяснил Вениамин. — Когда мы нарушаем законы общества, мы стараемся это скрыть, чтобы защитить доброе имя своих династий. Неверность своим законным супругам — одно из таких нарушений.

Утренний Туман бросил косой взгляд.

— Миньонетка никаких законов не нарушает, — заявил он. — Она сохраняет верность унаследованному ею супругу — любого поколения. Даже порку, которую ты ей задал, она выносит лишь по моему указанию и лишь в моем присутствии.

— Верно, племянник, верно! Хотя временами я гадаю, что произойдет, если одна из миньонеток решит, что ее супруг мертв, и выйдет за другого. А затем узнает, что первый жив. Как она справится с этим нечаянным нарушением.

— Первый супруг предпочтительнее. Посягатель обязан уйти.

— Даже если он законным, галактическим образом женился на ней или связан с ней родственными узами?

— В этом случае оба супруга должны встретиться в смертельном поединке...

— Но обычные люди не так сильны. Мой племянник Атон, по-своему помолвленный со Злой или женатый на ней, в поисках необходимых ему сведений посетил в § 401 планету Миньон. Там он жил с только что овдовевшей местной девушкой...

— Каменное Сердце! — воскликнула Невзгода, лучезарно улыбаясь.

— Кажется, он называл себя именно так, — согласился Вениамин. — Он оплодотворил тебя, Невзгода, и покинул планету. В должное время ты родила Утреннего Тумана, который, повзрослев, стал твоим мужем. Итак, он — мой внучатый племянник, и его на четверть человеческая кровь — это кровь великой Династии Пярых. Вот тайная причина, по которой я разыскал его — и содействовал его вхождению в галактическую культуру, хотя, делая это, я нарушил наш закон. Я не разочаровался!

— Насколько удачлив был твой племянник Атон, если оплодотворил ее так легко, — просигналил ксест, хотя, используя это понятие, смутно его себе представлял и вряд ли полагал такое легкое копирование удачливым.

— Не удача, — сказала Невзгода. — Мы зачинаем, когда любовь очень сильна. Любовь Каменного Сердца была сильнее любой другой любви.

— Даже моей? — с перекошенным лицом спросил Утренний Туман. — Не забывай, что я — твой кровный родственник, а мой отец — нет.

— У него были невероятные чувства, — настаивала Невзгода. — Он едва не убил меня неистовством своей страсти. Если бы он остался...

Утренний Туман ударил ее кулаком в лицо.

— Я бы убил его, чтоб завладеть тобой, сука!

— О, теперь твоя любовь почти достигает его, — радостно пробормотала она.

Вениамин обернулся к ксесту:

— Так у вашего рода проблемы с излишком продовольствия?

— Нет. Скорее с его хронической нехваткой.

— Зачем же тогда вам эти пожиратели-тафисы?

— Вы должны усвоить наше понятие долга. Каждое существо обязано достичь благодного равновесия, возвращая виду ровно столько, сколько оно потребило, или даже больше. Если оно безрассудно делится, оно лишь увеличивает свой долг.

— Даже если деление произвольно? Когда, скажем, нога воспроизводит новое существо?

— Правильно. Такие случаи бедственны. Мы не вправе допускать беспорядочного размножения под каким бы то ни было предлогом. Поэтому — тафисы.

Вениамин затряс головой:

— Я пьян, и голова у меня плохо соображает. Почему-то мне кажется, что обжорство тафисов способно лишь усугубить вашу проблему.

— Не совсем так. Главное то, что осуществляется контроль за делением.

Вениамин вновь затряс головой:

— Надеюсь, что со временем все прояснится.

— Вспомните свое собственное положение, — вежливо обратился ксест. — Как вы его достигли? Вы, похоже, на пути к полному погашению долга.

Вениамин уставился в бокал. Большинство лампочек на стимуляторах показывали норму, но сам он был далеко не в идеальном состоянии.

— Воистину галактическая ситуация. Моя причастность к ней была определена моим братом Аврелием, родившим сына от миньонетки, о чем мы уже говорили. — Он приподнял голову. — Мы об этом *говорили*? Мой старческий мозг в тумане...

— Понятно, — дипломатично произнес ксест.

— Когда его сын Атон сблизился со своей матерью — наши летописи называют это комплексом Эдипа, в отличие от комплекса Электры, при котором дочь сближается со своим отцом, — его через некоторое время поймали и посадили в пожизненную тюрьму Хтона. Он сбежал оттуда и тогда же открыл пещерное существо Хтон — неорганический разум, испытывающий постоянное отвращение ко всему живому. Выяснилось, что это хтоническое существо замышляет уничтожить всю жизнь в галактике. Чтобы предотвратить его замысел, мы предприняли упреждающее нападение на Хтон, воспользовавшись нашей базой на поверхности планеты Хтона, называемой Идиллией. Прелестная символика: сверху — Рай, снизу — Ад, и оба согреваются одними и теми же яростными ветрами. Словно нет никакой разницы... но я сбился. О чем это я?

— Упреждающее нападение, — отозвался Утренний Туман.

— Благодарю, племянник. Я оказался, так сказать, на передовой. По крайней мере, я побывал на поверхности этой планеты, где имел наилучшую возможность добраться до моего племянника Атона и перетянуть его на нашу сторону. И поскольку правительство далекой Земли воспринимало эту угрозу не слишком серьезно, пришлось действовать самостоятельно. Я был уверен, что добьюсь успеха, и добился бы... но оказался вовлечен в смертельное единоборство с сумасшедшим доктором Бедокуром.

— Наверное, дело не только в нем! — возразил Утренний Туман. Он устал хлестать Невзгоду и теперь, ухватив ее за роскошные волосы, бил лицом о стенку. Она выглядела еще прекраснее, чем раньше, и, казалось, излучала из себя счастье. Опьяневший Вениамин был заморожен ее мазохизмом: никогда еще с такой красавицей не обращались при нем так жестоко?

— Конечно. Я не сознавал, что это важно. — Вениамин посмотрел на жестикулирующего места и увидел, что из оттаявшей коробки вылезают личинки. Он быстро перевел взгляд на обнаженную женщину и обратил внимание, что, когда голова у нее откидывалась назад, груди двигались вверх-вниз. Невзгода не оказывала ни малейшего сопротивления. — Мой племянник Атон, полуминьон, убил свою мать, а затем сблизился со своей невестой, дочерью Четвертого, по имени Кокена. Раковина Кокена. Прелестная девушка... прелестная. — Но перед глазами его была не девушка с Хвеи, а миньонетка Невзгода. — Однако Кокена заболела ознобом, и Атону пришлось перебраться с ней в пещеры Хтона, где контролируемая среда могла сохранить ей жизнь. — Он вновь умолк. — Должно быть, не только это. Во время первых эпидемий озноба пробовали обогреваемые камеры, но они не помогали. Я... погодите, на этот раз я сам! Я... я присутствовал, когда доктор Бедокур заключал с Атоном договор. «Я буду молиться вашему богу, — сказал Атон, — если она выживет». И они увезли Кокену.

Вениамин закрыл глаза.

— Я ничего не мог поделать. Но я видел, что мой племянник — человек неисчислимых возможностей и несокрушимой воли, который смог воспротивиться самой хтонической мощи, — я видел, что он сдался. Бедокур победил. Эта ужасная победа сделала меня его врагом, и я поклялся убить его. Но я не имел возможности добраться до него, а если бы и имел, все равно Атон и Когана оставались заложниками. И с того дня в § 403 до войны в § 426 меня пожирала ненависть к разрушителю великой Династии Пярых. Однако сведения поставлял мне не кто иной, как мой враг Бедокур, поскольку только он имел свободный

доступ в Хтон. Я не выдавал его властям, ибо потерял бы в этом случае связь со своим племянником и его женой. Я узнал, что у Атона родилось двое сыновей — Ас и Арло. Первый умер в детстве, второму было около пятнадцати лет, когда настал Рагнарек и вся жизнь на планете и внутри нее была истреблена. Я бежал, в сущности, один. Если можно назвать это бегством.

Вениамин прервался, чтобы выпить еще.

— Все не так забавно, как я предполагал, — сказал он, отодвигая пустой бокал. — Я не могу опьянеть настолько, чтобы забыть то, что помню! Так вот, это случилось тридцать четыре года тому назад. Мне было тогда семьдесят четыре. Бедокуру лет на десять меньше. На границе нижних пещер произошла фантазмагорическая битва. Там были чудовища, совершенно неизвестные человеку. Каким-то образом я понял, что, если убью Бедокура, меня никто не тронет.

— И я убил его. Но, умирая, он ранил меня и заразил какой-то хтонической болезнью, вроде ботулизма, незнакомой нашей медицинской науке. Болезнь разрушила мою нервную систему и бог знает что еще. Взгляните на меня! У меня был самый лучший медицинский уход — и все-таки Хтон победил, мою жизнь могли продлевать лишь искусственно. Так себе удовольствие... и я рад со всем этим покончить.

— Прости мою назойливость, — сказал Утренний Туман, выворачивая Невзгоде руку в локте. Обычной женщине такое давление сломало бы сустав, но на нее не оказывало заметного воздействия. — Кажется, к этому можно кое-что добавить, и я намерен раскрыть все тайны. Когда ты упомянул о сыновьях Атона, в твоих словах послышался некий душевный надрыв. Я не так чувствителен, как моя жена, и тем не менее...

— Да, — согласилась миньонетка. — Он еще не выразил всю свою любовь. Она глубока и огромна, но, как огромное озеро в котловине, питается крохотным ручейком.

Вениамин с сочувствием рассмеялся:

— Под «любовью» ты имеешь в виду «ненависть». Именно так. Очаровательный образ — наполняемая ручейком котловина, — наводящий на мысль о древнем извержении вулкана. Пришла пора искренних исповедей. Так вот. Бедокур рассказал мне о двух сыновьях Атона. Первый, Ас, получил имя из скандинавской мифологии. Асы были богами... но это неважно. По словам безумного доктора Ас был очаровательным парнишкой. Видимо, Бедокур говорил правду, ибо он получал наслаждение, мучая меня, и знал, что истина — самое могучее оружие. Как я его ненавидел!

Он рассказал мне, как Ас — смывленный, дружелюбный мальчуган — еще грудным младенцем пленил все пещеры. Он стал, если можно так выразиться, любимцем Хтона. Ни одна тварь не причиняла ему вреда — даже демоническая саламандра, чей яд вызывает мгновенную смерть. До тех пор только Бедекер, благодаря своим связям с подземным разумом Хтона, избегал пещерные опасности. Не считая тех, кого он называл зомби — лишенных рассудка женщин. Я так и не понял их роли в общем замысле. Как бы там ни было. Бедокур оказался безумно ревнив — это не игра слов? — и задумал уничтожить ребенка. О да — он рассказал мне об этом, и я ему поверил. *До сих пор верю...*

Он не мог прямо убить Аса, ибо мальчик был избранным орудием Хтона, предназначенным для того, чего не мог делать Бедокур. В отличие от Бедокура, Ас был совершенно здоров. Единственное здоровое разумное существо, способное общаться непосредственно с Хтоном, чтобы, обладая волей, исполнять волю пещерного разума. Бедокур полностью зависел от этого неорганического создания. Если бы он сам воспротивился Хтону, он был умер. Поэтому он замыслил следующее...

Не знаю, как ему удалось обмануть и Хтона, и родителей мальчика, но Бедокур убил Аса. Все решили, что это несчастный случай. Мне же он все рассказал, потому что должен был кому-нибудь похвастаться. Я один знал эту жуткую тайну, которую не знал никто, кроме Бедокура. У меня одного была причина для мести. Но я был слишком ограничен.

И тогда я замкнул его в глубинах пещер. Я использовал определенные связи и по всей галактике преградил ему ко всему доступ. Он не мог совершить ни одной покупки, не мог получить ни одной ссуды, не вызвав тут же тревогу и не попав под арест. Как следствие, его кодовый космолет стал ему бесполезен. В сущности, он был изгнан из космоса.

Вениамин улыбнулся, и миньонетка улыбнулась вместе с ним.

— Бедокур был, как он говорил, наполовину сумасшедшим, но его нормальная или, скажем так, человеческая часть тосковала по галактическому сообществу. Он привык путешествовать на Землю, чтобы поклоняться там по планетной библиотеке или полюбоваться древними океанами. Он был образованным человеком, в своем роде ученым. Он разбирался в искусстве: вероятно, чтобы обрести такую способность, надо стать сумасшедшим! Я лишил его всего этого. Из пещер он мог выбираться только при моем содействии и только в указанное время и в указанном месте. Он должен был приносить мне красивые браслеты и кольца, изготовленные моим племянником, получая взамен подарки Атону и Кокене. Он стал моим посыльным, моим слугой! Так я отомстил за Аса, хотя никогда не знал мальчика лично.

— Прекрасно! — сказала Невзгода. — Такая любовь...

Миньон оторвался от своего занятия. Он пытался выдавить миньонетке глаза, но она сохраняла невозмутимость.

— Так вот, в самом деле, в чем смысл нашей встречи! А я-то полагал, что вы просто набирали умелый личный состав для военной кампании против неорганического разума...

— Да, да! — согласился Вениамин.

— Я стал командующим сил поддержки. Но вы вернулись, сообщили мне, что битва проиграна, и тут же удалились... поскольку начинался свержозноб. Лишь ваше своевременное предупреждение спасло меня и мои войска: мы бежали от той волны...

— А теперь к ней возвращаемся, — просигналил ксест. — Я был кормчим вашего корабля и теперь тоже понимаю.

— Рагнарек, — повторил Утренний Туман. — Великий поединок между силами добра и зла, в котором добро проиграло, как и было предопределено.

— Однако для Хтона злом была *жизнь*, — просигналил ксест. — Возможно, по-своему он был прав. Жизнь он знал, в основном, через доктора Бедокура. Разве мы не объединены сейчас поисками смерти?

Вениамин смотрел на ксеста, чтобы разобрать знаки. Он зажмурился, а потом открыл глаза снова, на время протрезвев.

— Миньон? — прошептал он.

Утренний Туман замолчал, и Невзгода тоже посмотрела. Все трое были изумлены.

Личинки тафисов пробудились от спячки в холоде и теперь копошились вокруг ксеста, с трудом удерживавшего равновесие на палубе. На каждой его ноге гроздьями повисли блестящие белые тельца, а наждачные языки жадно скрежетали. *Тафисы пожирали ноги ксеста.*

— Вы просили сообщить вам время, — просигналил ксест культей. — На несколько секунд раньше, но некто не был способен...

— Ничего, — ответил Утренний Туман. — Нет нужды беспокоиться, моя жена согласилась мне напомнить. Тем не менее, благодарю вас, — его глаза были по-прежнему прикованы к ксесту. — Вам известно?..

— Некто пожирается, — сказал ксест. — После чего тафисы перейдут на вас. Однако...

— Вы ввозите тафисов за огромные деньги, чтобы они пожирали *вас*? — спросил Вениамин.

Теперь к нему обратилась миньонетка:

— Обычная смерть для этого существа невозможна. Если разрезать его пополам, обе части вновь породят целых существ, удвоив общественный долг. Если взорвать его, каждый кусочек, каждая клеточка возродится, увеличив долг в сотни и тысячи раз. Единственный способ покончить с возможным долгом — отдать себя на полное пожирание.

Утренний Туман затряс головой:

— Сука, откуда ты знаешь?

— Она... телепатка, как и некто, — с трудом просигналил ксест. — Воспринимает... боль разрушения...

правильно понимает...

Вениамин обошелся на этот раз без бокала и поднес бутылку прямо ко рту. Он закашлялся, но сделал хороший глоток.

— Ты... убиваешь себя, — указал ксест. — Ты... начинаешь... понимать...

— Да, — согласился Вениамин. — Наконец-то я понял.

— Давай, любимая, — сказал миньон. — Самое время.

Он поцеловал ее.

Миньонетка скорчилась вдруг от боли.

— Нет! — крикнула она.

— Я пятьдесят восемь лет ждал минуты, когда буду любить тебя, — сказал Утренний Туман. — Сейчас, когда мы все умрем, какая тебе разница? — Он вновь поцеловал ее и провел ладонью по плечу и груди — не грубо, а нежно. — Само твое присутствие вызывает во мне трепет. Матушка моя, ты неопишима. Никогда не знал создания столь прелестного...

— Вызывает боль... — просигналил ксест. — Она... пощада!

— Позволь воистину овладеть тобой, — сказал миньон, ни на кого не обращая внимания. — Не с садизмом, но с предельной радостью и благодарностью. Я люблю тебя!

Миньонетка заорала. Она неистово извивалась, пытаясь вырваться из его объятий.

— Ксест, помоги! — кричала она, словно одержимая.

Тафисы добрались уже до шарообразного тела ксеста. Но он сумел сделать несколько знаков коротким обрубком последней ноги:

— Некто передает... тебе... агонию.

Миньонетка расслабилась.

— Какое блаженство ты послал! Теперь я смогу пережить...

Прожорливость тафисов, казалось, возрастала по мере уменьшения тела ксеста. Последняя культия исчезла, и шар его тела упал в пучину прожорливых личинок. Все же перед лицом неизбежной смерти ксест предпочел использовать для погашения всех возможных долгов привычный механизм.

Утренний Туман прижал к себе Невзгоду с такой страстью, которая при других обстоятельствах наверняка стала бы для нее убийственной. Но на лице миньонетки застыла блаженная улыбка: тафисы выедали внутренности места, и он умирал, передавая ей изысканную агонию.

— Никогда не ожидал увидеть ничего подобного! — сказал Вениамин. Его голова поворачивалась от одного события к другому. — Ровно через тридцать секунд... — Тут он схватился за грудь. — О-о... одна из моих безделушек, кажется, забарахлила...

Вениамин качнулся вперед, споткнулся о кишащее тафисами туловище места и упал. Он приземлился на отчаянно вывернутую руку, и хрупкая кость враз сломалась. Но это было еще не самое страшное. Тафисы нетерпеливо облепили и его. Они действовали столь возбуждающе, что Вениамин сумел обойтись без вышедшего из строя стимулятора. Он рванулся, но бежать уже не смог.

Старик пополз на трех конечностях, вяло отбиваясь висящей как плеть рукой от скрежещущих личинок. Он потерял шаткое равновесие и наткнулся на трепещущую миньонетку. Тафисы набросились на новую лакомую добычу...

— А-а-а-а! — застонала миньонетка в возобновившемся восторге. Тем временем предсмертные муки Вениамина соединились с агонией ксеста, а оргазм миньонетки умножился опустошающим аппетитом тафисов. Ее откиннутая рука согнулась, притянув к груди лицо Вениамина с вытаращенными глазами. Тафисы, извиваясь, выпали из его выеденных глаз и приступили к уничтожению ее молочных желез. Наконец-то миньонетка обрела рай.

После чего настал сверхозноб. Мгновенного воздействия на металлические и керамические части корабля не было, но все живое или органического происхождения принялось разлагаться. Деревянная обшивка рухнула и рассыпалась в пыль, пластмассовое оборудование расплавилось.

Вся жизнь постепенно исчезала. Люди, ксест и тафисы превратились в общую кашу: их жидкости текли по палубе, газы выходили пузырями. Когда распались белки, делавшие жизнь возможной, над вязкой кучей вспыхнул тусклый огонь.

Оставалась скорлупка корабля, поистине мертвая, — какой была и вся галактика там, где прошла волна сверхозноба. Остатки галактики со скоростью света разделяли эту участь. Последствия вынужденного взаимодействия между фтором и кислородом сделали процесс неизбежным.

Хтон победил.

Часть третья

Война

§ 426

Арло внезапно проснулся. Рядом с ним поднялась и Ада. Она была красивее, чем когда-либо, несмотря на садистские оттенки, которые принимала их любовь. Он то и дело бил ее и оскорблял, не в силах подавить в себе четверть миньонского садизма. Но она относилась к этому довольно благосклонно, из-за чего он стыдился и сердился на самого себя.

— Что такое? — спросила она, томно потягиваясь.

— Я видел сон...

— Наверное, хороший... — сказала она. — Про меня?

— Кошмар! — Пришлось отпихнуть ее — она ткнула его зажатый в кулак мхом. — Но я проснулся не поэтому. В пещерах что-то происходит. — Он осмотрелся, устремив взгляд куда-то за пределы светлого сада. — Я чувствую ужасное столкновение.

Арло рассказал Аде о миньонской крови, делавшей его отчасти телепатом. Сейчас он сообразил, что именно эта способность и позволяла ему общаться с Хтоном. Пещерный бог был всемогущ в своих пределах, но обычный человеческий разум оставался к его мощи глухим. Кокена вообще не воспринимала Хтона, а Атон этого *не хотел*. Но Арло был связан с Хтоном с момента зачатия и развивал телепатическую способность одновременно с человеческой речью.

В сущности, Хтон его и разбудил.

— Останься здесь, Ада, — велел Арло. — Я должен сходить на разведку.

— Не уходи, — сказала она, схватив его за руку и прижимая ее к своему телу.

Арло раздирали сомнения. Ада предлагала радостное сотрудничество, желанную близость. Как от нее отказаться? Но Хтон звал, а Арло обещал сотрудничать с ним. Что делать?

Зов стал настойчивее. Хтон действительно озабочен! Ада раздвинула ноги, усиливая его желание и прекрасно зная, как этого добиться. Такое приглашение способно обезоружить кого угодно.

От Хтона исходило предупреждающее настроение. У Арло мелькнуло видение Ады, страдающей от миксы или раздираемой огромным волкообразным зверем, и он решил: нельзя рисковать разрывом договора.

— Хтон зовет, я должен идти.

— Если уйдешь, ты у меня пожалеешь, — предупредила Ада.

— У Хтона я пожалею еще сильнее, — возразил он. Лучше несколько дней ее стервозности, чем гнев Хтона! И ушел.

Он легко бежал по пещерам, следуя зову Хтона. Путь был длинным. Арло покинул прохладные, благоуханные проходы, прилегающие к саду, и вступил в просторные покатые туннели, по которым в газовую расщелину поступал воздух. Арло двигался против ветра, удаляясь от расщелины. Хотя туннели шли на спуск, ветер постепенно крепчал, требуя все большего расхода сил. Он замедлил бы шаг, но Хтон вливал в него силы, снимая усталость. Воздух становился все горячее, и, вспотев от ходьбы, Арло захотел пить. Пришлось сделать небольшой крюк, чтобы разыскать речку. В ней водились присоски, но пока Арло пил, Хтон попридержал пиявок. И снова вперед.

Добравшись до тюремной области, Арло, предупрежденный своим другом, стал осторожнее. Сначала он замедлил шаг, а затем и вообще спрятался в какой-то щели.

Долго ждать не пришлось. По туннелю навстречу сильному горячему ветру строем шли люди. Сначала

Арло решил, что это заключенные, — у них были мешки с водой. Затем увидел, что они одеты.

Оказалось, что это женщины, и странным в них было не только облачение. Все они были молоды, привлекательны и волнующе знакомы. Они несли то, что он опознал как оружие: дротик, дубинки, остальное он узнал по описаниям ДЗЛ: мечи и луки. Назначение многих вещей было ему непонятно.

Это были легендарные воительницы-амазонки. Зачем они пришли? На его памяти люди снаружи никогда не вторгались в пещеры. Заключенными они быть не могли, это была армия.

Хтон наверняка знал, в чем дело, но не мог передать свое знание непосредственно. Арло подождал, пока войско пройдет, а затем крадучись двинулся следом. Он мог бы разыскать доктора Бедокура и расспросить его, но Бедокур находился далеко, и к тому же Арло предпочитал разведать все сам. Если бы взять в плен одну из незваных гостей!..

Арло последовал за отрядом по проходу-воздуходувке. Пещеры он знал лучше, чем они. Часть этих женщин наверняка заблудится. Начать с того, что проход упирается в реку, в нижнем течении которой обитает китомедуза. Большая. Она-то разредит скоро их строй!

Действительно, через час они вышли к реке и двинулись вниз по течению.

А дойдя до озера китомедузы, разбрелись, как набитые дуры, чтобы поплавать. Арло поднялся в шахту над куполом, расположился у трещины в полу и сверху уставился на озеро.

Женщины разделились, аккуратно сложили форму, оружие и мешки с водой на каменный выступ и выставили напоказ свои изумительные тела. В результате — эта реакция становилась столь частой, что даже смущала Арло, — его член поднялся. Женское тело вообще тревожило его, но эти тела действовали исключительно возбуждающе!

Естественно, всплыла китомедуза и занялась амазонками. Ее туша заполнила все озеро — китомедуза веками расширяла его, согласуя со своим медленным ростом, — ее похожий на канат язык обвивался вокруг купальщиц и затягивал их в утробу. Безвозвратная потеря красоты!

Амазонки бросились защищаться, но в воде оказались в невыгодном положении. Тем не менее, действовали они верно. Они проткнули дротиками тушу китомедузы и отрубили ей язык. Немного спустя китомедузу это доконало. Она погрузилась в воду.

Одна из амазонок убежала в запутанный туннель-петлю. Или, пожалуй, пошла его исследовать, потому что не очень спешила. Она держалась как царица и, очевидно, имела в отряде какую-то власть. Вероятно, отправилась разыскивать новые ловушки, чтобы женщины в них не попались. Очень благоразумно. Арло уже слышал размеренную поступь местной гусеницы и знал, что вскоре появятся и другие хищники.

Между тем у него появилась возможность. Арло тихо вошел в туннель и отрезал амазонке отступление, держа дротик наготове. Он не сомневался, что сумеет одолеть ее, ведь он как-никак мужчина, а она — женщина.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он вслух по-галактически.

Она обернулась и в зеленом свечении камня увидела его.

— Здравствуй, Арло, — сказала она.

Он в испуге застыл на месте. Откуда эта амазонка, только что оказавшаяся в пещерах, знает его?

— Конечно, знаем, — сказала она. — Ты — единственный в Хтоне независимый пещерный мальчик. Я заметила тебя в туннеле, когда мы шли, и поняла, что ты преследуешь нас, а потом разглядела твое лицо в трещине на потолке. Я решила, что встречу с тобой, если пойду в одиночку. Я не хотела тебя пугать.

— Я не испуган, — с негодованием проговорил Арло.

— Верно. Извини, я выбрала не то слово. Мы надеемся, что ты поможешь нам. Как ты видел, мы отчаянно нуждаемся в помощи, поскольку не знаем пещерных опасностей.

— Ты — телепатка! — воскликнул Арло.

— Я — миньонетка, — сказала она, распрямившись.

Миньонетка! Это слово вызвало сонм перепутанных образов — раздражающих и соблазняющих. Теперь он видел, что несмотря на одежду, она прекрасна: прекраснее Ады, Кокены и Верданди, прекраснее своих нагих соратниц-амазонок. Волосы ее живым пламенем полыхали вокруг лица, а глаза напоминали глубокие садовые пруды.

Перед ним стояла живая полутелепатка-миньонетка, как в его сегодняшнем сне. Теперь он понял, почему его дедушка-человек и наполовину человек отец полюбили миньонетку. Ее красота была столь безусловна, что он с трудом мог глядеть на нее.

Арло почувствовал привкус вины: ведь он был помолвлен с Алой и думал, что оставит без внимания этот случайный соблазн. Но теперь понял: ничего подобного!

— Ты и сам очень красив, — сказала она. — Твоя вина доставляет мне удовольствие.

Верно! Она не только улавливала его чувства, но и воспринимала их в перевернутом виде. Этой суке *нравилось* его самоосуждение!

— Да, — согласилась она. — Вот почему до сих пор планета Миньон находится под запретом. Нормальные люди отвергли нас, хотя мы сами, в сущности, те же люди.

— Как тебя зовут? — это все, что он мог пока придумать.

— Боль. Когда-то я встречалась, с твоим отцом Атоном. Какой он удивительный любовник!

Арло обуяла сбивающая с толку ярость.

— Мой отец никогда тебя не любил!

— Верно. Он любил мою сестру, Невзгоду, но все мы ощущали это безудержное излучение. Как прекрасно!

— Он любил *Злобу*! — крикнул Арло. — Свою... мать.

— Он любил всех нас.

Ох! Арло позволил смутить себя. Она имела в виду, что Атон их всех *ненавидел*. Но кто эта Невзгода, которую она упомянула? Как будто он ее уже знает... из своего сна?

— Ты владеешь тайнами Хтона, — сказала Боль. — Хтон — чудесен, Хтон любит нас всех. Помоги нам победить Хтона.

Перевод: Хтон ненавидит их всех лютой ненавистью. Как следствие, они становились веселыми и красивыми и стремились приблизиться к пещерному богу. Какая опустошительная армия!

«Хтон! — крикнул он внутрь себя. — *Что мне делать?*» И Хтон ответил: «*Оставь ее*».

Арло подскочил. Он понял его слова как слова! Прежде это было некое обобщенное, бессловесное понимание. Его связь с Хтоном намного усилилась.

— Так ты состоишь в непосредственном общении с пещерным существом? — сказала Боль. — Превосходно. Приведи нас к нему.

— Чтобы вы его уничтожили? — раздраженно проговорил Арло. — Убирайтесь отсюда!

Она безбоязненно глянула на него.

— Арло, ты — *наш*. Ты — человек... и миньон. Хтон из всех сил стремится убить нас — и тебя тоже, когда ты ему будешь не нужен. Его обещания ничего не стоят, ибо он — наш смертельный враг. Хтон собирается истребить всю жизнь в галактике.

— Хтон — мой друг! — крикнул Арло и сделал выпад дротиком. Если в красоте есть зло, или красота в зле, то их олицетворяла собой миньонетка. Наверняка Хтон привел его сюда, чтобы это показать!

Боль легко, с улыбкой отразила удар.

— Научись сначала сражаться, молодой человек.

В ярости Арло бросился на нее с кулаками. Она приняла удар плечом — не дрогнув, не отступив.

— Неплохо, Арло. Ты силен. Но ты затянул удар и не попал в жизненно важную точку. Попробуй еще раз.

Стерва была права. Несчастный случай с Адой, которую он едва не убил, прежде чем по-настоящему узнал, сделал его осторожным. Но сейчас заботиться не о чем. Он изо всех сил ударил Боль по щеке.

Удар откинул ее к стене. Но, по-прежнему неуязвимая. Боль ослепительно улыбалась.

— Ты не таков, как твой отец, но у тебя хорошие данные.

Арло снова ударил. На этот раз она поймала его руку, вывернула ее и бросила мальчика через бедро. Но он не шлепнулся с размаху на каменный пол, потому что она его удержала. Она наклонилась и поцеловала его в лицо.

— Все это очень мило, но я не могу заниматься с тобой пустяками, пещерный мальчик. Веди меня к Хтону.

— Хтон здесь, — сказал Арло.

— Не вижу.

Тут она одеревенела. Хтон напустил на нее миксу. Теперь Арло не возражал.

— Ты хотела встретиться с Хтоном, — сказал он с издевкой. — Как он тебе нравится? — И пока она боролась с миксой, Арло отобрал у нее оружие: короткий меч, нож из блестящего металла, висевший на бедре, и какую-то трубочку, вертикально прикрепленную к одежде между ее замечательными грудями. Он осмотрел трубочку, но она была закупорена: вряд ли это оружие.

Белая слизь появилась у Воли на лице, руках и ногах, испачкала форму. Арло задрал ее короткую металлическую юбку, чтобы проверить, распространяется ли микса по всей коже. Даже под жутким белым покровом было видно, какое у нее прекрасное тело. И такое же у всех миньонеток: несравненная фигура, которую никакая одежда и никакой покров не могут сделать уродливой. Боль превратится в зомби, но в очень симпатичного зомби. Верданди будет ревновать!

Он усмехнулся. Ревность у зомби?

Тут Боль улыбнулась. На землю упал тонкий слой миксы.

— Люби меня еще, Хтон! — крикнула она. — Я в восторге!

И приступ миксы внезапно прекратился.

Арло вытаращил глаза. Миньонетка победила Хтона?

Боль открыла глаза и выплюнула сгусток желтоватого гноя.

— Мы решили, что сама наша природа поможет нам бороться с пещерным существом. Хтон наверняка пользуется телепатией, а мы... — она пожала плечами. — Поэтому армия Жизни была в основном набрана на планете Миньон. Грустно будет разрушать такое дивное существо.

— Вы не смее! — крикнул Арло.

— Или мы, или он, — ответила она. — Мы — за живое, он — за мертвое: приближается Рагнарек. Все живые создания поддерживают нас — как человеческие, так и нечеловеческие, ксесты, лфэ...

— Только не Хвея! — крикнул Арло. — Не Династия Пярых!

— Твой двоюродный дед Вениамин командует действующей армией, — сказала она. — А твой брат Утренний Туман — кормчий нашего корабля.

— У меня нет брата!

— У тебя всего гораздо больше, чем ты подозреваешь, — сказала она и замолчала. — Впрочем, я ошиблась. Кормчий — ксест, а Утренний Туман командует войсками поддержки.

Эта ошибка подтверждала, казалось бы, ее искренность, и темно менее она несла нелепицу!

— Пожалуйста, верни мне оружие, — сказала Боль.

Арло тупо протянул ей меч и нож. И снова вспомнил свой сон, ибо в нем присутствовали Вениамин и Утренний Туман. Был ли это на самом деле сон или видение? Могла ли Боль читать его мысли и питать образами как реальными событиями? Рагнарек в его видении давным-давно завершился, и Хтон одержал победу. Будь это неправда, он вряд ли узнал бы ее от Боли. Если же сон отражал правду, то о чем волноваться?

— Граватану оставь, — сказала Боль. — Она может тебе пригодиться.

— Граватану? — Арло глянул на трубочку.

— Оружие древнеземлянских индейцев. Надо сильно дунуть с этого конца. Вылетит стрела и поразит цель. Осторожно, она ядовита.

— Ядовита? — События ошеломяли Арло.

— Псевдокураре. Оглушает существо твоих размеров в несколько секунд, через минуту убивает, если нет противоядия. Вот — тебе понадобятся еще стрелы, а это противоядие. — Она вынула еще несколько стрел и вложила ему, в руку вместе с маленьким кубиком. — О?.. Тебе некуда их положить!

— В рот, — ответил Арло.

Боль мелодично рассмеялась.

— Какая восхитительная мысль! Ты унесешь их с собой прямо в рай! Примерно через пять секунд. Слюна растворит защитное покрытие на наконечниках и высвободит яд.

— Тогда в руке, — нахмурился он. — Этим... ты могла меня убить.

— Ни одна из нас не убьет тебя, пещерный мальчик, — проговорила Боль. — Ты — наш запасной козырь.

— Что?

— Древний сленг. Такие выражения в ходу, пока в них есть нужда. Поищи в ДЗЛ.

Арло понял, что эта красивая женщина не только сильнее его, но и умнее. Он повернулся, чтобы уйти.

Десяток миньонеток преграждали туннель позади него. Каждая была точь-в-точь как Боль: крепкие округлые ноги, особенно обольстительные в тени коротких юбок, защитные нагрудники, огненно-дымчатые волосы, прелестные черты лица. Словно точные копии. Он не смог бы отличить ни одну из них от Боли, доведись встретить их поодиночке.

Миньонетки расступились, пропуская его, и заулыбались, когда поняли, насколько он обескуражен. В замешательстве Арло ушел.

Недалеко от дома Арло выследил молодую камнетеску с себя ростом. И вдруг неожиданно для себя вскинул граватану, глубоко вдохнул, прицелился и дунул. Послышался свист, и стрела воткнулась в покрытую шерстью спину животного.

Камнетеска обернулась, удивленная легкой болью. Затем упала.

Арло подошел к ней.

— Послушай, теска... Я не хотел делать тебе больно, — сказал он. — Вставай.

Но животное умирало.

Арло глянул на трубку, потом на стрелы — и содрогнулся. Потом посмотрел на целительный кубик, пытаясь угадать, как тот действует. На том не было ничего, кроме кнопки на одной из граней. Арло приложил кубик к боку животного и нажал на кнопку.

В кубике что-то щелкнуло, он слегка дернулся у Арло в руке, и тот отбросил его. Ничего, в сущности, не произошло, и через секунду Арло подобрал кубик.

Зато камнетеска ожила! Она подняла голову, затем встала на лапы. Очевидно, кубик сделал свое дело: жертва будет жить.

Арло вложил в трубку новую стрелу и отправился дальше.

В саду сидела какая-то незнакомка: маленькая, коротко подстриженная.

— Ты не узнаешь меня, Арло? — спросила она, поднимаясь.

«Голос!»

— Ада!

Как она изменилась! Без развевающихся золотых прядей ее голова казалась меньше, а шея длиннее. Грудь у нее значительно увеличилась и опустилась, как у миньонеток. Собственно говоря...

— Это сделал Бедокур, — сказала она. — Он подкрался ко мне, когда я спала, и...

— Ты вовсе не спала! — крикнул Арло. — Сама ему *позволила*. Ты грозила, что если я уйду, то сделаешь что-нибудь такое, о чем я пожалею...

— Ну хорошо, позволила. Бедокур не может причинить мне вред, пока у тебя договор с Хтоном, но он наверняка меня *не любит*. Он решил, что ты меня вышвырнешь, если я стану не такой привлекательной, но я-то знаю лучше. Так что я приняла его игру, и...

— Ты... ты — миньонетка! — прошептал Арло, различая огонь и дым в ее неровно обрезанных волосах, проглядывающее совершенство тела, миловидность лица. Не совершенная миньонетка, но приближение к ней. Не говори он только что с Болью, не встретить ее одинаковых сестер, не будь этого видения-сна — он не сумел бы нужным образом настроиться и не признал бы в Аде миньонетку. Но теперь, когда отвлекающие внимание золотистые волосы исчезли, ее черты угадывались безошибочно.

— Да, она — миньонетка, — произнес мужской голос. Это был доктор Бедокур. — И зовут ее не Ада, а Досада. У них такие странные имена, но ты наверняка знаешь об этом, ведь ты — дитя Злобы. Что ты *теперь* думаешь об Аде, Арло?

Внезапно тайна раскрылась. Неудивительно, что Ада такая извращенная, особенно в любви. У нее перевернуты чувства! Не его скрытый садизм, а ее мазохизм выявил в нем самое худшее. Она заставляла его ненавидеть себя, по крайней мере временами, чтобы любить его. Раздраженный Арло соблазнял ее.

Рассерженный притворством Бедокура, Арло ответил противоположным:

— Думаю, что хочу ей овладеть. — И обнял ее, в то время как член его поднимался. Пусть Бедокур все видит, пусть этот старый сумасшедший зомби, убийца Аса, испытает свое открытое поражение! Встреча с миньонеткой-воительницей Болью не вызвала у Арло отвращения, скорее заинтриговала, а теперь у него своя собственная миньонетка! Так, со смесью похоти и гнева, он уложил ее, и она, хихикая, ему подчинилась. Она тоже не любила Бедокура и таким образом отыгрывалась.

— Она вдвое старше, чем кажется, — спокойно сказал Бедокур. — Выглядит на двенадцать, или выглядела, пока не расцвела для тебя. А хронологически ей двадцать шесть лет — на целых десять больше, чем тебе.

Арло, только что собиравшийся взять ее, замер.

— Вы лжете, — пробормотал он.

— Спроси у *нее*, — теперь захихикал и Бедокур. — Миньонетка никогда не лжет своему возлюбленному.

— Это правда, — призналась Ада-Досада. — Я родилась в § 400. Но при чем тут это? Смотри, хвоя по-прежнему светится.

— § 400! — воскликнул Арло, и его член обмяк.

— Так принято у миньонеток, — сказала Досада. — Пока у нас нет мужчины, мы остаемся юными. Миньонетка-вдова даже отчасти впадает в детство: волосы блекнут, формы уменьшаются. Мы — создания любви, Арло. Пока я не любила тебя, я была ребенком, и мое быстрое развитие — одно из доказательств

моей любви, наряду с хвеей. Скоро я стану совсем прекрасной, и все это для тебя, мой любовник, мой возлюбленный, мой муж, все-все. — Она бросила косой взгляд на Бедокура. — Спроси у него!

— Верно, — сказал Бедокур, гибко приспосабливаясь к новому повороту спора. Арло понимал, что старик сдерживает свою ненависть, чтобы лишиться Досаду удовольствия. — Миньонетка любит своего возлюбленного до тех пор, пока не рождает сына. После чего отказывается от возлюбленного в пользу сына.

— Но не раньше, чем тот сам ее пожелает, — ответила Досада. — Отец, пока он жив, обладает первенством.

— Точно, — подтвердил Бедокур. Глаза у Досады округлились, а тело напряглось. Арло сообразил, что доктор каким-то хитрым способом получил преимущество.

Все еще стискивая ее возбужденное тело, все еще на полпути к обретению, Арло понял, что стал пешкой в битве между Хтоном и миньонетками. Захватчицы нуждались в его помощи и потому заранее послали разведчицу, чтобы перетянуть его на свою сторону. Хтон узнал об этом и с самого начала старался от нее избавиться. Теперь борьба стала словесной, информационной, но ко всему прочему и грязной.

Все же хвеей показывала, что Досада действительно любит его, и он не возражал тому, что она миньонетка. Даже возраст не имел значения, ведь она расцвела для него. К тому же он мог назло Бедокуру совершить любовный акт в его присутствии. В сущности, так было даже лучше, ибо ненависть Бедокура и крушение его надежд сводили на нет любовь Арло, а Досаде доставляли наслаждение. Его член вновь восстал. О да, он знал, почему она так славно ему помогает, и был этому рад! Она улавливала его подспудную ярость из-за того, что все происходит именно так, и получала дополнительное удовольствие. Какой набор несчастий, в совокупности выстраивающих положительное сооружение?

Досада раздвинула ноги и извивалась, чтобы помочь ему.

— Я рада, что ты знаешь, — прошептала она. — Теперь у нас все получится. Люби меня!

Арло со злостью внедрил в нее, стараясь сделать ей больно.

— Она назвала тебя своим любовником, своим возлюбленным, своим мужем, своим всем, — заметил Бедокур. — Но кое-что она опустила. Она не назвала тебя...

— Заткнись! — взвизгнула Досада, притягивая Арло лицом к себе.

— Своим родственником.

— Не слушай его! — неистово прошептала Досада Арло в ухо. Она буквально душила его страстными поцелуями.

— Не волнуйся, — успокоил ее Арло. — Он не способен сказать ничего такого, что...

— Ведь она как-никак твоя сестра, — невозмутимо продолжал Бедокур.

— Сестра!.. — потрясенный Арло прервал возвратно-поступательные движения. Запрет на отношения между братом и сестрой пронизывал всю ДЗЛ.

— О-о-о! — протянула Досада, блаженно улыбаясь и двигая бедрами. — Какой ты новый и чудесный!

Его смятение вдруг разрешилось.

— Все миньонетки сестры, — сказал он. — Так уж у них принято. Я — на четверть миньон, и в этом смысле...

— Мне больно! — простонала Досада, отреагировав на его разрешение противоречия. Она попробовала ускользнуть, но он крепко ее удерживал.

— Через человеческое родство, это не оборот речи, — сказал Бедокур.

Обстоятельства затрудняли рассудительность беседы.

— У меня нет сестры! — рявкнул Арло и почувствовал, что из-за его гнева Досада смягчается и теплеет внутри и снаружи. Но что сказали норны? «Сей твердеющий уд...» — Только брат... да и тот мертв.

— Точнее, сводная сестра, — продолжал Бедокур. — Истина в том, что у Атона Пятого три живых

ребенка от трех женщин.

— Он верен Кокене! — вспыхнул Арло. В какой причудливый диалог его втянули среди попыток совершить любовный акт? — Я все об этом знаю. Злоба умерла.

— Ты, самый младший, родился в § 410, — сказал Бедокур. — Миньонетка Невзгода зачала от Атона Утреннего Тумана, который родился в § 402 на планете Миньон. Он — наследник Старшего Пятого. Если, конечно, его общественное положение будет признано, что может и не случиться, поскольку он незаконнорожденный, гибрид двух культур, ни одна из которых не одобряет внебрачных детей. — Бедокур нахмурился, вспомнив о Вениамине, постоянном своем враге. — Но не бери в голову: все это пустая болтовня.

— Возможно, у меня и есть сводный брат, — согласился Арло, ибо это совпадало сего видением и потому обретало достоверность. — Но он — незаконный. Наследником Старшего Пятого признан я. На это указывает буква «А» в моем имени.

— По закону ты, как и твой отец, мертв. Согласно Галактическому Кодексу Атон умер в § 400. Мертвые не наследуют.

— Как и ублюдки, — пробормотал Арло. Но тут же подумал, что ему все эти формальности безразличны. — В таком случае пусть наследует Утренний Туман! Он — хороший человек, добропорядочный, со своей миньонеткой. А у меня и здесь есть чем заняться. — И он возобновил свои занятия с желанной Досадой.

— Его мать-любовница, миньонетка Злоба зачала от Атона его первого ребенка, который родился в § 400, когда Атон был в тюрьме, — продолжал Бедокур. — Этот был законным. — Он поднял руку, чтобы предупредить взрыв Арло. — Побереги свою ярость: Атон тоже об этом не знает. У Злобы не было возможности уведомить его до того, как он ее убил. Ребенок был возвращен на Миньон твоим двоюродным дедушкой Вениамином для защиты имени Пярых, и с тех пор я его шантажирую. Вениамин — образец благоразумия, он слова не промолвил об этом ни с одним посторонним и никогда не промолвит. Но от Хтона ничего не скроешь. Так вот, если будешь плохо себя вести, я расскажу все Атону.

— Он не поверит в такую ложь! — сказал Арло.

— Разве это ложь? Спроси Досаду, чей она ребенок.

Арло, пока его внимание было расколото между мучительным диалогом и возбуждающим физическим взаимодействием с девушкой, не мог связать очевидные вещи.

— Ты не?.. — спросил он с зарождающимся ужасом.

— Я — ребенок Атона и Злобы, — сказала Досада. — Я — дочь и внучка миньонетки Злобы.

Ошеломленный Арло пытался ее опровергнуть:

— Миньонетки рожают только мальчиков!

— Не всегда, если их линия безвременно гибнет, — объяснил Бедокур. — Когда миньонетка стара или чувствует приближение смерти, она раздает девочку. Злоба знала, что умрет, когда Атон вновь придет к ней, ибо ему не хватало плетки прирожденного миньона. Так что...

— Невозможно! Женщина не может управлять... — произнес Арло.

— Миньонетка может, — сказала Досада. — Ее тело способно различить мужское и женское семя ее любимого и воспринять нужное. Вскоре я зачну от тебя мальчика; а если ко мне приблизится смерть, я подарю тебе девочку, которая заменит меня.

— Электра! — сказал Арло, опознав еще одно понятие из ДЗЛ. И потом: — Моя сестра! — Хтон, конечно же, не даст ей зачать, но это ровно ничего не меняет.

— Разве это не прекрасно? — спросила Досада. — Сумасшедший доктор думал, что истина удалит тебя от меня, как обстриженные волосы, и я тоже этого боялась, но наша любовь остается подлинной. Правда? — И она совершила внутри себя какое-то гибкое движение, приведшее Арло к непроизвольному, исполненному вины, но мощному оргазму.

— Сестра? — выдохнул он, уstraшенный порядками на Миньоне и предсказанием пори. В этот миг он ненавидел Досаду и все-таки любил ее. Он знал, что в будущем станет неспособен сопротивляться ее уговорам, ибо как бы он ни сердился, ее любовь всегда будет этому рада. А чувство вины из-за их связи также подхлестывало: запретный плод сладок. Он был на четверть миньон, она — на три четверти, ловушка захлопнулась.

Наконец-то он понял, что подвигало его отца на подобные отчаянные и кровосмесительные поступки.

Война продолжалась. Из дня в день миньонетки продвигались по туннелям, развертываясь от своей базы в старой тюрьме. Стойкие к миксе и уже более искушенные в разнообразных опасностях пещер они наголову разбивали подземных тварей, которых посылал Хтон. По одному образцу каждой твари было доставлено на поверхность планеты для изучения.

— Кажется, мне это не нравится, — признался Арло Досаде, когда они отдыхали в саду. — Животные — невинны, их нельзя истреблять.

— Гусеницы? Китомедузы? Драконы? Химеры? — насмешливо возразила она. — Невинны? А та волкообразная тварь, которая распорол меня? — Она задумалась и умолкла. — Пожалуй, это было забавно. Знаешь, миньонеток почти невозможно убить обычным образом, но это существо... мне хотелось бы встретиться с ним еще, раз.

Арло вспомнил невероятную злость волка.

— Ты хочешь смерти, — сказал он. — Самка или невеста, ты не нужна мне мертвой. Я помогу амазонкам выследить волка и убить его.

— Как знаешь, — скромно согласилась она.

Он протянул к ней руку, но она увернулась, откликнувшись на его положительное чувство.

— Не забывай, я — твоя сестра! — дразня его, напомнила она. — Твоя культура запрещает тебе поднимать на меня уд.

— К черту культуру, сестра! — крикнул он, ухватив ее за ногу.

— Сестра! — это был голос Атона.

У входа в этот светлый закуток стояли Атон и доктор Бедокур, моргая от почти солнечной яркости газовых струй у потолка. Арло не ожидал такого посещения, но, конечно же. Бедокур мог безопасно провести Атона, если на то была воля Хтона. Проявлялась еще одна грань борьбы Хтона с миньонетками.

— Как я вам и сообщил, — сказал Бедокур Атону. — Ваша дочь... от вашей матери.

Глаз у Атона расширился, а Досада выпрямилась и, вдохнув полной грудью, провела руками по бедрам. Сейчас ее фигура обрела завершение, и, исключая короткие волосы и кое-какие человеческие черты, она с головы до ног была миньонеткой. На это указывали даже волосы, которые увенчивали ее голову полыхающим пламенем.

— Моя дочь... — проговорил Атон, не отрывая взгляда от Досады. — Так похожа на Злобу...

Арло замер, наблюдая за происходящим. Что собирается сделать отец? Убить миньонетку? Арло этого не допустит. Очевидно, все подстроил Бедокур, чтобы избавиться от Досады. Раскрытие ее отношений с Арло не устранили бы ее, и потому битва сейчас расширилась и втянула в себя Атона, убившего мать Досады. Своей любовью.

— Какая мерзость! — сказал Атон. — Ты пришла сюда искушать моего сына...

Арло вскинул граватану, сомневаясь, хватит ли у него отваги использовать ее против отца. Но Досада совершила более непосредственный поступок. Она двинулась по тропинке прямо в объятия Атона.

— Отец! — страстно произнесла она.

Арло видел, как ладони отца сцепились, словно желая раздавить ее, и вновь вскинул граватану. Но он

помнил, как трудно убить миньонетку. Голыми руками Атону этого не сделать. Чем сильнее ненависть, тем меньше у него шансов.

Затем Атон поцеловал свою дочь. Досада вернула ему поцелуй. На внешний вид они представляли собой идеальную пару, и Арло понял в эту минуту, каков был Атон со Злобой, невероятно точная копия.

К Арло подошел доктор Бедокур.

— Надеюсь, ты понимаешь, к чему это приведет, — сказал он.

— Нет! — сердито произнес Арло.

— Он ее ненавидит и одновременно любит, как и ты. Ибо она — Электра, а он мертв из-за ее матери.

Арло замотал головой:

— Что?

— По греческой легенде, Электра была дочерью Агамемнона и царицы Клитемнестры. Царица убила своего мужа, а Электра пришла в такую ярость, что спрятала своего младшего брата ареста от гнева царицы и помогла ему вырасти, чтобы отомстить за отца. Впоследствии комплексом Электры обозначили половое влечение девушки к отцу в соперничестве с матерью. Во многом он параллелен комплексу Эдипа: половому влечению юноши к матери. Интересно, что Атону приходится играть обе роли.

— Обе? — Арло по-прежнему был ошеломлен.

— Поведение миньонетки конечно же из мифа об Эдипе — женщина последовательно сочетается браком со своим мужем, сыном, внуком и так далее по нисходящей линии. Но...

— Я это знаю! — огрызнулся Арло.

— Но когда она умирает, она оставляет вместо себя дочь, и, естественно, красота этой девушки предназначена для ее семьи. Таким образом, она является желанной супругой для своего отца, первого мужчины в ее жизни и ближайшего родственника. Он него она рождает его преемника. Следовательно, Электра дополняет Эдипа в прекрасном непрерывном родстве. Приятно видеть, как все это разыгрывается здесь... Ты не согласен?

Ужасная мысль медленно пробивалась сквозь череп Арло. Бедокур намекал на нее и прежде: отец предшествует сыну до тех пор, пока сын, вторя Эдипу, не убьет отца. Досада принесла в их жизнь ад.

— Мой отец... миньонетка...

Вдруг Атон, выругавшись, оттолкнул Досаду. Она упала на пол и не двигалась, хотя конечно же ей не было больно.

— Понятное дело, он сопротивляется этой мысли еще более неистово, чем ты, — продолжал Бедокур. — Атон вырос на Хвее и получил изысканное галактическое образование. В нем сохраняется культура. Он *знает*, что это запрещено — знает посредством своего подсознания. А это значит, что он подлинно, неистово раздражен искушением. Что конечно же делает его для миньонетки вдвойне привлекательным. Смотри, как она его соблазняет.

И правда. Досада являла собой очаровательную картину романтической невинности — она полулежала на полу с раскинутыми ногами, ее ладони упирались в камень справа от нее, руки поддерживали развернутые плечи, так что грудь слегка выдавалась вперед, голова, опущена. Никогда еще не была она так прелестна — скорбный ангел, да и только.

Атон повернулся и зашагал во мрак туннеля, почти излучая ярость.

— Он вернется, — сказал Бедокур. — неизбежно, поскольку она — его дочь, ребенок его возлюбленной матери-миньонетки.

— Но мы с ней помолвлены... — прошептал Арло. — Миньонетка хранит верность.

— Хранит верность природе, — сказал Бедокур. — Хранит верность ближайшему родственнику. Ты — ее сводный брат и лишь на четверть миньон. Атон же — отец и полуминьон. Суженый — он.

Арло посмотрел на Досаду и увидел, что она глядит вслед Атому. Он знал, что потерял ее. Никакой

человеческий закон, никакие угрызения совести не могли превозмочь смешения потоков миньонской крови и миньонской природы.

— Что мне делать? — спросил он Бедокура, будто в этой крайней нужде сумасшедший доктор стал его другом.

— Хтон тебя любит, — сказал Бедокур. — Хтон хотел избавить тебя от этого. Хтон может развить твои способности.

— И превратить в зомби? — вспыхнул Арло.

— В бога.

Арло с замершим сердцем согласился — как некогда согласился его отец, спасая умирающую Кокону. Доктор Бедокур вновь торжествовал, на этот раз уничтожая Кокену и, вероятно, все вторжение Жизни. Но Арло это мало заботило.

— Хтон всегда был моим другом, — заявил он.

— Всегда! — тепло согласился Бедокур.

Часть четвертая

Древо

Доктор Бедокур провел Арло в неизвестную область пещер, где камень был непривычно серый, с обширными участками без свечения. Туннели сходились и расходились причудливыми петлями, а ветра вообще не было. Впадины заполняла застоявшаяся вода, от нее-то и исходил скудный свет. Наверняка это было место смерти. Обычные негромкие звуки, издаваемые пещерными животными, здесь отсутствовали.

— Вот участок пещер, ниже которого не ступала нога человека, — сказал Бедокур. — Смотри, моя метка. — Он указал на пирамидку, грудку камней. Рядом на мягком камне были грубо нацарапаны очертания человеческого черепа. Под ними четыре корявые буквы: МҮХА. — Все так и осталось, а уже тридцать лет прошло. Мое предупреждение тем дуракам, которые могли пойти следом за мной, в § 395.

— Но ведь микса поражает где угодно, — сказал Арло. — Это оружие Хтона, средство, которым он превращает в зомби.

— Тогда Хтон его только разрабатывал, — объяснил Бедокур. — Я первым из людей стал подданным Хтона.

— Но ведь вы не зомби, — Арло замолчал, обдумывая эту мысль. — Не полностью.

Бедокур улыбнулся:

— Наполовину зомби, наполовину сумасшедший, наполовину человек. Хтон перекрыл мое сумасшествие, и ты воспринимаешь меня как почти нормального. Вскоре ты поймешь ход моих рассуждений.

— Я не хочу быть таким, как вы! — возразил Арло. — Или как норны.

— Из недостатков прошлого произрастают успехи будущего. Зомби — полная неудача, норна Верданди и я — неудачи лишь наполовину. Твой отец мог бы стать удачей, но он чересчур сопротивлялся. Твой брат Ас был еще ближе к цели.

— И вы его убили, — сказал Арло.

Самообладание на мгновение отказало Бедокуру.

— Откуда ты знаешь? — строго спросил он.

— Мне рассказал дедушка Вениамин.

— Ты никогда не встречался с Вениамином!

— Да? — Арло не хотелось рассказывать о своем видении. — Он сказал, что вы ревновали Аса, которого Хтон любил больше, чем вас, и убили его. Как звать, не убьете ли и меня?

Бедокур поканулся — почти так же, как Кокона, когда она рассказывала Арло о миньонетке.

— Я его действительно убил... и пережил двойную месть Вениамина и Хтона. Уроки такого рода мне больше не нужны.

Сумасшедший Бедокур всегда говорил правду.

— А что случилось?

— Все пещерные твари любили Аса, ибо он был возлюбленным Хтона. Никто бы не причинил ему вреда. Но я придумал такую игру — охоту вслепую, и его по случайности убили. Хтону все стало известно, хотя сам я и пальцем до Аса не дотронулся, и Хтон включил меня в гусеницу...

— Слейпнир!

— Никому бы такого не посоветовал! Клянусь, что я убью тебя только по указанию Хтона. Я — слуга, а не хозяин, не избранный. Ты будешь иным, чем я. Ты будешь первым живым хтоническим богом. Хтону больше не нужны частичные результаты. Ты должен поверить в свою судьбу, иначе все бесполезно. Приди

добровольно к Хтону, ничего от него не скрывая ни в уме, ни в сердце.

— Я не могу в это верить, — сказал Арло. — Мне необходимо знать, во что меня вовлекают. — «Хтон мой друг, но и у дружбы свои пределы».

— Хтон тебе покажет. Твой разум не будет затронут, только твое восприятие. Потом ты вернешься в свой сад, где, наделенный полным знанием, поразмышляешь в одиночестве, что выбрать. После чего отправишься или лапы миньонетки, зная, чем все кончится, или в уют Хтона.

— Прекрасно сказано, — сухо заметил Арло.

— Скажи лучше, если пожелаешь. *У тебя будет свободный выбор*, — слова Бедокура усилились в мозгу Арло излучением от Хтона, удваивавшим — более, чем удваивавшим их воздействие.

— Верю, — согласился Арло. — Хтон всегда был со мною честен. Что дальше?

— Ляг здесь. Устройся поудобнее, расслабься. Открой свой ум Хтону, — сказал Бедокур. — Не сопротивляйся: Хтон — твой друг. Хтон залечит твои раны.

Арло лег на скале. Ему было удобно, поскольку он довольно часто спал на полу пещер. Взгляд устремил в потолок. Над ним находился громадный сталактит — кристально чистый, полупрозрачный с краю. Он напоминал увеличенный во много раз цветок хвее. От сталактита исходила слабая дымка, наподобие той, что была в газовой расщелине. Откроется ли Арло сейчас, что происходит в удушливых глубинах этой пропасти? Всосет ли его сеть труб, сожрет ли пламя? Проявится ли его сущность в виде драгоценного, недосягаемого голубого граната?

Нет. Он доверял Хтону. Больше, чем миньонетке!

Арло раскрыл свой разум, словно отправился по длинному темному туннелю. Но пока шел по нему, путь его становился все более смутным. Стены дрожали, земля шаталась.

— Расслабься. Пусть все неуместное улетучится, — произнес Бедокур откуда-то снаружи. — Сейчас ты покинешь темницу своих ощущений. Освободи тело. Не принуждай его. Дай ему идти своим собственным путем.

Арло расслабился, и туннель в его воображении обрел неподвижность. Он отправился по туннелю на встречу со своим другом и богом. Далеко впереди возник свет, и Арло понял, что свет этот и есть Хтон.

Пока он шел, путь становился все легче, препятствия встречались все реже и казались неопасными. Наконец туннель расширился и открылось потрясающей красоты зрелище. Это был взрыв. Из точечного источника в многомерную сферу вырывалась ослепительная плазма. Огонь-излучение и дым-материя, похожие на волосы страстной миньонетки, разлетались с жуткой скоростью.

— Рождение вселенной, — произнес голос. — Сияние квинтэссенции.

Так оно и было. Арло представить себе не мог подобное великолепие. Он наблюдал, как вселенная расцветает, образует перекаты и внутренние воронки, брызги. Брызги дробились в свою очередь, их основные части чередовались, сливались, вращались и выбрасывали искры материи в виде газа. Возникали пылающие сегменты — тысячи, миллионы — и заполняли вселенную своим вторичным светом. Затем они тускнели, становясь каждый все меньше, в то время как их совокупности возрастали. По мере того, как они тускнели, на них появлялись пятна.

— Квазары, — сказал голос. — Прототипы галактик — скопления энергии и газа, предшественники более плотной материи.

— Не понимаю? — возразил Арло. А как ему хотелось понять!

Теперь он видел лишь один квазар. Тот колебался и изменялся, вращаясь в окружающей его великой пустоте: хаос снаружи и внутри. Часть квазара была огнем, часть — льдом. Там, где они встречались, они испускали пар, шипели и превращались в... великана.

Но вскоре великан умер и распался: его плоть стала почвой, кости — камнями и горами, а волосы зажили собственной жизнью и превратились в растения. Кровь вытекла и, позеленев, образовала большое море. Голова взорвалась: череп стал небом, мозги — облаками.

В разлагающемся трупe зародились личинки — предки тафисов: они дали начало разнообразной жизни, включая людей.

Арло был потрясен. Жизнь — не что иное, как заражение паразитами, гниение совершенного тела мира? Даже человечество, даже сам Арло — личинки!

Теперь он видел возникновение неорганического разума. Пока личинки изрешечивали тело упавшего великана, расплавленный металл под ним образовал плотный шар планеты. В нем действовали разные силы природы, вырывались пузыри газа, просачивалась вода, во все стороны растекался расплавленный камень. Более летучие вещества расплавились и испарились, оставив пустыми свои пласты и образовав пещеры. Неравномерное распределение тепла и сжатие от холода заставили слои изгибаться и дробиться. Среди этих обломков возникли кристаллы, невероятно разрастаясь при благоприятных обстоятельствах и рассыпаясь, когда условия изменялись. Одни кристаллы подвергались воздействию медленно возрастающего давления и превратились в новые вещества. Другие породили сильное электрическое напряжение: от разности потенциалов дугами вспыхивали молнии, расплавляя в отдельных местах металлы, заставляя их проливаться мириадами ручейков лишь для того, чтобы разом застыть. От изменения давления и продолжающегося нагрева возникал электроток, который бежал по металлическим контурам. Некоторые контуры образовывали трансформаторы, превращая низкое напряжение в высокое, порождая новый ток в старых каналах — ток, обладающий новыми свойствами. Возникла рециркуляция, наложение и обратные связи, усиливающие общий процесс, пока часть его не стала самодостаточной, как огонь. Он постепенно распространился, с видоизменениями воспроизводя себя по всей планете. В одних областях неистовствовал естественный огонь, питаемый горючими газами. Он служил постоянным источником тепловой энергии, передаваемой непрерывно движущимся воздухом. В других — новообразования были таковы, что замораживали сами себя, поскольку воздух расширялся и очень быстро охлаждался. Расхождение температур позволяло управлять разными процессами. Спустя миллиарды лет случайного, неодушевленного экспериментирования один из сложных контуров обратной связи достиг предельного состояния: разума.

Такое происходило везде, где условия были подходящие, а во вселенной существовало множество подобных планет. Но возникшие неорганические разумы были неподвижны: они могли *думать*, но не *действовать*. Что они и делали, пока не вторглись разрушительные личинки жизни. Химические процессы жизни уже преобразовали атмосферу всех планет, которые она заразила. До сих пор разъедающие свойства жизни препятствовали распространению неорганического существа по поверхности планет, теперь они принялись копаться в глубинах камня. Война между живым и мертвым разумом началась.

Силы жизни были многочисленны. В прилегающих областях галактики личинки кишели на тысячах планет, но лишь на нескольких достигли такой мощи, чтобы заразить соседние миры. Они добились этого, используя машины: усеченные, ограниченные разновидности неорганического разума, приспособленные для физической, а не мыслительной деятельности. В отличие от них неорганические разумы приспособили усеченные разновидности живых существ, также используемые для механической, а не умственной деятельности. Ни одна из сторон не была столь искушенной, чтобы в совершенстве использовать отдельные части врага, но каждая из них попала вскоре в зависимость от этих частей. Гротескный тупик.

Главных источников заражения Жизнью было четыре: лфэ, ЕеоО, ксест и человек. Каждый из них возник на особой планете, долгое время гноясь там и созревая, пока нарыв не лопнул.

Арло увидел распространение жизни по галактике. Сначала лфэ, напоминавшие одушевленные отвалы породы, принялись перестраивать себя и после тысячелетий неудач создали приспособленное к условиям космических путешествий создание. Где бы они ни оказывались, они создавали новые разновидности лфэ, причем каждое существо жертвовало какой-нибудь свой орган, и в результате возникала новая особь. После чего родители заново выращивали себе отсутствующие органы. Для создания одного отпрыска требовалось от пятидесяти до ста родителей, но новое существо оказывалось жизнеспособным сразу же после создания. Подобную сборку можно было повторять неограниченное число раз, и каждый родитель мог жертвовать свои органы нескольким отпрыскам одновременно. Таким образом, распространение лфэ по галактике ограничивалось только скоростью их сборки в условиях космических путешествий и доступностью пригодных миров. Через несколько тысяч лет они заселили полгалактики.

В отличие от них ЕеоО воспроизводились посредством своеобразного соития. Минимум четыре существа — по одному «Е», «е», «о» и «О» — расплавлялись и сливались в некую общую лужу, из которой вытекали четыре крохотных ЕеоО, иногда больше, если лужа была крупнее. Когда дети вырастали, они делились сначала на близнецов Ео и еО, а затем на взрослых особи «Е», «о», «е» и «О». Теперь они и сами готовы были к соитию — добровольному или по необходимости — предпочтительно с особями от других родителей ради объединяющей вид экзогамии. Но в период соития они были очень уязвимы, поскольку любого рода раздражение или осушение родительской лужи прерывало процесс, препятствовало воспроизведению и губило его участников. В результате ЕеоО заселили лишь одну пятую часть галактики, хотя начали свою космическую экспансию раньше, чем лфэ.

Ксесты размножались делением — любой кусочек их тела, отделившись от него, порождал новое существо, с самого начала совершенное и дееспособное и наделенное всем умственным багажом своего родителя. Поэтому возможности для воспроизведения были у них самые большие во всей галактике. Но ксесты придавали непомерное значение экономности и неистово оберегали свои запасы, контролируя рождаемость и воздерживаясь от сношений с другими галактическими видами, кроме самых необходимых. Они также заняли лишь одну пятую часть галактики.

Люди последними начали осваивать космос, но их экспансия напоминала взрыв даже в зыбких рамках Жизни. Способ их размножения не был особенно производительным, но еще до выхода в космос на их родной планете накопился огромный переизбыток населения. Они обладали половыми различиями и для порождения новой особи составляли пару из одного мужчины и одной женщины. Мужчина вводил семя в женское тело, которое после этого делилось на два: взрослое и детское. Взрослые защищали и кормили ребенка до тех пор, пока тот сам не становился взрослым — этот процесс занимал треть жизни обычного человека. Однако пара взрослых могла зачать нескольких детей друг за другом и заботиться о них, а детская смертность была очень низкой. Результатом стал неизбежный рост населения с сильной культурной преемственностью. Менее чем за четыреста лет люди заселили десятую часть галактики.

Первая встреча между разумами жизни и нежизни произошла в небольшом Человеческом секторе галактики, вероятно, потому, что люди склонны вторгаться в неорганические внутренности своих планет. Поэтому сначала люди преобладали — но вскоре три других органических разума тоже осознали общую угрозу и вступили в битву.

Голова у Арло пошла кругом. Слишком много открытий, слишком много сведений. Гораздо больше, чем он ожидал.

— Но... но... — начал он и замолк, с удивлением обнаружив, что в видении присутствует его голос. — Как... как?.. — Он не мог сформулировать вопроса: понятие не было еще настолько сжатым, чтобы описать его словами.

А Хтон находился рядом — некое нематериальное присутствие, мягко его обволакивающее. Место действия сместилось в лабораторию на поверхности Древней Земли — нерестилище людей.

— Вот точное голографическое изображение, — сказал один мужчина, вынимая какой-то кубик из кармана своего белого одеяния из растительных волокон. — Вопросов больше нет, но нет и ответов. Это устройство ускоряется до тех пор, пока его скорость не превосходит наши способности прямого измерения.

— На замкнутой орбите вокруг сердечника? — спросил другой, скептически подняв мохнатые брови, в то время как его пальцы вертели блестящие металлические пуговицы на темном кителе из кожи какого-то животного. — Куда же оно девается?

— Оно по-прежнему здесь — должно быть, — но, тем не менее, вне поля нашего зрения. Почему бы вам не взглянуть самому? Я, честно говоря, сам еще не до конца в это верю.

Они рассматривали голографическое изображение — опытную сферу внутри вакуумированного тора. Сфера была величиной с кулак человека, а тор представлял собой полупрозрачный бублик (Арло читал об этом лакомстве в ДЗЛ и упросил мать приготовить его: к разочарованию Арло бублик оказался всего-навсего сдобным печеным тестом) метров пятнадцати в поперечнике. Его внешний край был обхвачен двенадцатидюймовыми стальными прутьями и покрыт шестиметровым слоем бетона, а все вместе помещалось в коренной породе. В середине тора находился громадный электромагнит, его

элементы окружали вакуумированную камеру с трех сторон: сверху, снизу и изнутри. Хтон объяснил все, не используя слова, поскольку Арло вряд ли бы Понял их значение.

Металлическая сфера притягивалась магнитной силой такой величины, что теоретически она сохраняла устойчивость при скоростях до 99 % от скорости света. Магнит не включали до тех пор, пока не достигался значительный разгон, и у сферы не было возможности двигаться иным образом.

— Автономный источник питания, — сказал мужчина в белом халате. — Разгон сначала медленный.

— Вижу, — сказал другой в черном кителе. Шарик двигался благодаря начальному импульсу, полученному при введении его в тор, со скоростью три сантиметра в секунду. Он медленно разгонялся...

— Я перемотаю пленку на час вперед, — сказал мужчина в белом халате. — Медленный старт, но сейчас вы увидите...

Сфера двигалась со скоростью тридцать сантиметров в секунду.

— Неплохо! — усмехнулся Черный Китель. — За час она разогналась почти до одного километра в час. В час пик это очень неплохо.

(«Час пик?» — спросил Арло. — «Давка, человеческих машин в узких местах, постоянный источник раздражения», — пояснил голос Хтона.) — Еще один час.

Сфера делала уже десять километров в час.

— Ее ускорение, безусловно, возрастает, — сказал Черный Китель. — Но, честно говоря, при таком соотношении...

— Разве вы не понимаете?.. Это геометрическая прогрессия! За каждый час скорость сферы возрастает в десять раз.

— Точно... пока. Давайте посмотрим *следующие* три часа.

Изображение сменилось. Теперь сфера кружила по каналу со скоростью сто километров в час. Еще одна перемотка — и она стала размытой, невидимой.

— Назад! — воскликнул Черный Китель. — Это...

— Тысяча километров в час, — самодовольно произнес Белый Халат. — Мы слишком близко к ней, а она слишком мала, чтобы различить ее при такой скорости.

— Вернемся к сотне километров и понаблюдаем ее непосредственно.

Что они и сделали. Скорость сферы плавно возросла с сотни до тысячи километров в час, затем до двух, четырех и десяти тысяч километров в час.

— Вы обесточили магнит?

— Магнит отключен. На внешнем вводе ничего нет. Поэтому вследствие трения о наружную поверхность сфера *катится*. Магнит задавал бы ей другую орбиту без касания к физической поверхности. По-видимому, эта штукавина черпает энергию из *какого-то* внешнего источника, а не из нашего магнита или чего-либо другого, что мы способны обнаружить. Уйму энергии. Более того, похоже, происходит перекачка энергии в обратном направлении: от опытной сферы к магниту. Иначе бы сфера вырвалась наружу...

— Звучит так, словно вы говорите о вечном движении!

— Вероятно. На самом деле, вечное движение отсутствует, например, у предмета, несущегося за пределами галактики. Но...

— *Хорошо!* — вскинул брови Черный Китель. — Вы знаете, что я имею в виду...

— Все зависит от того, насколько велик запас скрытой энергии. Как мы предполагаем, он связан со строением вселенной — вероятно, скорость инерции первоначального космического взрыва...

— Вы хотите сказать, что, если мы истощим эту энергию, вселенная прекратит расширение и начнет сжиматься?

— Да, на несколько секунд раньше, чем без нас. Принимая во внимание десятки миллиардов лет на нашей шкале времени, даже если мы и создадим такой сдвиг, его воздействие будет бесконечно малым и обнаружится лишь много лет спустя, когда наш вид уже сойдет со сцены.

— Значит, свободная энергия.

— Похоже на то, сударь.

Черный Китель кивнул.

— Очень скоро мы повнимательнее заглянем в зубы этому дареному коню.

(«Дареный конь?» — спросил Арло. — «Четырехное млекопитающее...» — «Я знаю из ДЗЛ, что такое конь. Но при чем тут...» — «Землянский конь стоил очень дорого, если не имел изъянов. Старость — это изъян. Изношенные зубы указывали на его старость. Поэтому...» — «Понятно», — с сомнением сказал Арло.) — Если здесь какое-то жульничество... — продолжал Черный Китель, многозначительно повертев ладонью.

— Мы одобряем ваше расследование, — сказал Белый Халат. — Штатские хотят знать так же, как и военные, уверяю вас. Честно говоря, мы не понимаем этого эффекта и не доверяем ему, но подозреваем, что воздействие открытия на нашу экономику будет очень глубоким.

— Глубоким! Если это правда, оно напомнит ядерную реакцию.

— Вот-вот! Этого-то мы и боимся.

— С какой скоростью она движется?

— Наши измерения не совсем точны. Но если сохраняется наблюдаемое соответствие... — взмахом руки он описал лежащую на боку цифру 8.

— Да ну вас! С какой скоростью?

— Примерно через девять часов сфера движется со скоростью света в вакууме.

— Так-так. Мы, вояки, не полные идиоты. Вы понимаете, что говорите?

— Вполне. С точки зрения теории относительности...

— Парадокс. Давайте поищем слабое место. Как долго вы проводили опыт?

— Трое суток.

— Семьдесят два часа? Почему не выключили?

— Мы не в силах воздействовать на систему управления этим устройством.

— Что за опыты вы проводите? Все должно быть безотказным!

— Теоретически, да. Но...

— Так возьмите и просто отключите рубильник!

— Уже пытались.

— Послушайте, доктор...

— По-видимому, рубильник не действует.

— Ну так почините его! Принимая во внимание миллиарды, спущенные в этот галюн...

— Рубильник в рабочем состоянии. Проблема в том, что воздействие нашего дистанционного управления ограничено скоростью света. И распространения электромагнитной энергии.

Черный Китель некоторое время молчал.

— Вы говорите, что сфера не остановилась на скорости света? Что эта штуковина движется слишком быстро... со *сверхсветовой* скоростью?

Белый Халат кивнул.

— Кажется, именно так. Мы обнаружили черенковское излучение...

— Что?

— Черенковское излучение. Импульс, возникающий, когда скорость распространения энергии превосходит скорость света в данной среде. Дело в том, что свет в определенных веществах движется медленнее, чем в вакууме, где он набирает абсолютную скорость.

— А в вашем опытном торе — вакуум?

— Да. Не абсолютный, конечно, но весьма приличный. Никогда еще черенковское излучение не наблюдалось в столь глубоком вакууме. Оно возникло, когда наша сфера превзошла скорость света в вакууме — теоретически, самую высокую из достижимых скоростей — по крайней мере когда-то мы так считали.

— Я не физик. Но если то, что вы говорите, верно...

— Вполне. Мы могли бы получить средство для полного покорения космоса.

И они его получили. С этого открытия началось §-летоисчисление, которое в течение следующего столетия заменило традиционный календарь. Как ньютоновская физика стала частным случаем теории относительности, так теория относительности стала частным случаем §-физики. Все было законно — с определенной точки зрения. Поскольку подробности прорыва держались в тайне, вакуум заполнили легенды... («Вакуум! — Арло расхохотался. — Забавно!»), назвавшие некоего «профессора Фитла» случайным изобретателем §-привода. Были построены большие модели логарифмического §-ускорителя и установлены на космолетах. Внутри сферы пространство и время были обычными, но сфера двигалась по галактическому и межгалактическому пространству со скоростями, в сущности, останавливающими свет. Вселенная стала доступна людям — за какие-то часы. Вид «человек» стал четвертым — и последним — из галактических разумов, получивших §.

Первое крупное межзвездное расселение людей началось в § 20. Поскольку время и энергия больше его не ограничивали, на переселение влияли лишь стоимость строительства, его организация и подбор личного состава. Так же, как и на сверхновое расширение человеческих владений, напоминающее вспышку звезды. За столетие они стали настолько обширны, насколько позволяли здравые соображения об интересах других галактических империй. Продолжалась усиливающаяся колонизация все менее и менее идеальных планет. Годы от § 50 до § 100 принято считать золотыми годами колонизации, в течение которых были открыты и обжиты лучшие из доступных планет в § 71 — райская планета Идиллия, в § 79 — мир-сад Хвеи.

Особого внимания заслуживает здесь Ионафан Пункт (§ 41 — 154), не только первоклассный звездный разведчик, но и весьма расторопный предприниматель. В § 75 он открыл идеальную звезду и сделал крупное состояние, продав ее некой частной группе. Конечно, это противоречило закону, но на Земле у него нашелся столь же усердный, сколь и нещепетильный адвокат: тот искусно обстряпал дело. Пункт назвал звезду в честь себя, а планеты — размерами шрифта, определяемые числом «пунктов». В результате планеты звездной системы Пункт были названы Эксельсиор, Диамант, Перл, Нонпарель, Миньон, Петит, Боргес и Элита — названия соответствовали их расстоянию от светила (две ближайшие планеты были необитаемыми и безымянными) и количеству пунктов. Эксельсиор — 3 пункта, Диамант — 4 пункта, лучшая планета, Миньон, седьмая — 7 пунктов.

Поселившаяся на Миньоне группа занималась генетикой, разрабатывая некий секретный, в общем незаконный проект. Члены группы собирались добиться благосостояния, производя самых красивых, умных и покорных женщин в галактике для продажи богатым властелинам в качестве гурий или гетер. Они должны были быть полутелепатками, чтобы лучше откликаться на скрытые желания своих хозяев, и оставаться привлекательными и верными до самой их смерти, не имея в жизни иной цели, кроме как угождать им. За физический образец была взята самая красивая женщина того времени — зеленоглазое, рыжеволосое создание с идеальными пропорциями, явно созданное природой для любви. Была получена тысяча клонов, в сущности, тождественных, которые для совершенствования были узкороднобно размножены.

Но значительные модификации привели к неудачному побочному эффекту: извращению чувств или его видимости. Подлинные чувства гетер напоминали чувства обычных женщин, но телепатия, словно

фотографический негатив, выворачивала их наизнанку. Как следствие, сбыт этих женщин пришлось ограничить: они привлекали разве что неисправимых садистов, что придавало торговле ими дурную славу. Вскоре планету Миньон стали избегать, а, позднее внесли в список запрещенных и забыли. Местные жители были предоставлены сами себе, лишены как контроля, так и преимуществ развитой технологии. Они, тем не менее, выжили, приспособившись к своей природе: кровосмесительной, садистской моногамии. О них сложился ужасный и прелестный миф: роковой роман с миньонеткой.

(Арло прервал еще раз: «Миньонетки — такие же люди, как и мы! Они не таят никакого зла — просто они такие, какие есть!») «*Миньонетки — враги, — ответил Хтон мысленно и вслух. — Их извращенные чувства отменяют действие миксы, ослабляют нашу мощь. Если их необуздать, они нас уничтожат.*

«Но они давно могли бы тебя уничтожить — взорвав планету из космоса!» «Нет», — и Хтон объяснил, почему.

Первой и по-настоящему грозной проблемой, с которой столкнулись люди в космосе, стал так называемый озноб. Он косил их и не поддавался никакому лечению. Однако это было случайным совпадением, ибо озноб являлся лишь побочным следствием некоего послания-сигнала. Когда озноб достиг Хтона — не непосредственно, но в образе Кокены, пораженной таинственной болезнью, — Хтон распознал в нем творение себе подобного: неорганического разума. Похожие на Хтона в других галактиках сумели породить такой импульс, чтобы сигнализировать себе подобным.

Осознав сигнал, Хтон приступил к выполнению своей роли. Он создал излучение, не допускающее химических и ядерных взрывы. Излучение не задерживало §-корабли, но они были слишком дороги, чтобы обстреливать ими планету как снарядами. Это помешало силам Жизни атаковать Хтон современной технологией. Использовать лазеры и взрывометы было бесполезно — они оказывали ничтожное воздействие на твердый камень и оказались менее действенными, чем простейшее оружие. Между тем Хтон разработал видоизмененное излучение озноба, которое распространялось со скоростью света и вызывало соединение всех связанных с жизнью форм фтора с кислородом, истребляя в непосредственной близости от себя любую жизнь. В живых организмах фтор и кислород встречаются повсеместно, а тем немногим организмам, что не нуждаются в кислороде, все равно было не избежать этого воздействия, поскольку кислород имеется и в воздухе, и в воде. Галактика велика, и задуманное Хтоном разрушение заняло бы немало времени, но уже через сто тысяч лет была бы достигнута полная стерильность. Хтон восстановил бы в этой области вселенной изначальную чистоту и, присоединился бы к содружеству неорганических разумов других галактик.

Сверхозноб являлся на самом деле видоизменением обычного озноба. Он мог возникнуть только после появления озноба в Хтоне в §426, ибо внегалактические существа преуспели в технологии излучения гораздо больше, чем Хтон. Ключ к усилению озноба до неодолимо смертельной мощи находился в самой волне озноба, и Хтон не мог выявить его тайну. Он активизировал все свои основные конуры и ждал новой волны озноба.

Но каким-то образом силы Жизни, предупрежденные, вероятно, Вениамином, прониклись этой угрозой и предприняли вторжение в пещеры еще до того, как подошла волна озноба. Они застали Хтона врасплох: никогда еще органические формы жизни не спускались добровольно в пещеры. Лишенные самого сильного оружия захватчики воспользовались ручным вооружением и послали ударные войска, стойкие к опасностям Хтона. Таковой была армия миньонеток, воспринимающих миксу как величайшее наслаждение. Началась беспощадная и изощренная кампания, в которой наступавшие поставили себе задачу сокрушить человеческую составляющую обороны Хтона.

«Досада!» — воскликнул Арло, понимая теперь, насколько она преуспела.

Звук этого имени привел его в смятение.

«Что происходит?» — спросил он, желая вернуться.

«*Столкновение между миньонами Хтона и Жизни*», — умственно объяснил Хтон.

Арло тотчас же понял намек.

«Бедокур и Досада? Она, должно быть, настроилась на меня, когда я думал о ней, и пришла...» — Ибо

он по-прежнему любил свою миньонетку и желал ее больше всех на свете. Если бы она вернулась к нему...

«То, что она предлагает — не для тебя», — предупредил Хтон.

«Я решу это сам!» — и Арло вновь оказался в своем теле. С великим усилием он раскрыл глаза.

Бедокур и Досада дрались — в буквальном смысле слова, физически. В руке Бедокур держал скальпель, нацелив его прямо на девушку, но сумасшедший доктор не нападал. Досада, казалось, не обращала внимания на лезвие, однако, осторожно подкрадываясь к Бедокуру, она ни разу не раскрылась.

Вдруг Досада сделала обманное движение вправо, резко крутанулась влево, левой рукой ухватила кисть со скальпелем, а правой заломила правое плечо Бедокура. Продолжая вращение, она согнула колени и подставила под Бедокура свое плечо.

Арло узнал прием. Это был один из бросков, которым владел его отец — дзюдо космогардов, чьи приемы были заимствованы из древних боевых искусств Земли. Наверняка где-то имелся том, подобный ДЗЛ, только не Древнеземлянской литературы, а ДЗЕ: древнеземлянских единоборств. Если эта книга так же богата, как ДЗЛ, это воистину опустошающий текст!

Арло уже видел, как Бедокур, задрав ноги, перелетает через ее плечо и падает лицом на каменный пол. Головоломное приземление! Но предчувствия обманули Арло — Бедокур на прием не попался. Вместо этого он дернулся влево, сделал шаг вперед, его правый локоть проскочил у Досады над головой, и она осталась ни с чем.

Досада тут же вновь напала на него, и Бедокур повернулся к ней лицом — скальпель наготове. Ее бросок был замечательный, но, кажется, он его ожидал и легко отразил. Вероятно, Хтон читал замыслы Досады и управлял ответными действиями доктора. Нет-нет, Хтон не мог проникнуть в ум миньонетке! Бедокур же, хотя и говорил вполне разумно, действовал, в основном, под управлением Хтона. Несомненно Досада была прекрасно подготовлена к единоборству и при первой встрече с Арло пропустила его удар лишь для того, чтобы вселить в него вину и раскаяние, которые так его подломили. Но теперь ее противником был не обычный человек — Бедокур под управлением Хтона мог делать то, что человеку не под силу.

Но Бедокур, хотя и управляемый, похоже, не старался ее убить. Арло сообразил, что суть не в Досаде, а в нем, Арло: в договоре, который он заключил с Хтоном. Ни одного нападения на миньонетку. Бедокур лишь уклонялся от ее ударов. Досада — лишь нападала.

Почему? Ведь она по обычаю миньонеток ушла к своему отцу Атону. Или, во всяком случае, неизбежно *уйдет*. Почему она вернулась к Арло, как бы ни тосковал он по ней? Конечно, не для того, чтобы его убить: его хвоя по-прежнему сияла в ее волосах голубым светом. Неужели она отеклась от неодолимого зова предков и возвратилась к своему брату? Или ее отверг Атон? Какая, впрочем, разница, если она все равно вернулась!

Досада шагнула в сторону Арло. Бедокур предупредительно загородил дорогу скальпелем. Это была ошибка. Она ударила ногой по его руке, затем схватила запястье, крутанула и с силой оттолкнула Бедокура от себя. Он отступил назад, устояв на ногах, но она швырнула его в стену пещеры, оглушив прежде, чем Хтон успел подсказать защитное действие. Из-за того, что Досада среагировала на удар Бедокура, вместо того чтобы продолжить задуманное нападение, Хтон не успел предугадать ее шаги. Рефлексы у нее были, как у саламандры: опасный соперник, особенно когда лишен рассудка.

Досада ударила Бедокура по руке, и тот выронил скальпель. Затем сжала ладонью его шею, перекрыв приток крови к мозгу. Даже Хтон не смог сразу его оживить, а лишь секунды и были ей нужны, чтобы прорваться к Арло.

— Арло, любимый... Я знаю, ты меня слышишь, — проговорила она.

Ее телепатия конечно же сообщила Досаде, что он в сознании. Арло не двигался. Он видел ее, но решил, что нецелесообразно давать ей об этом знать. Она дралась, чтобы пробиться к нему: какие у нее намерения?

— Я много думала, — сказала Досада, опускаясь рядом на колени, так что ее груди оказались над ним. — Тебе известно, что моя мать, твоя бабушка Злоба, мертва. Мне суждено занять ее место, так

заведено на Миньоне. Это не значит, что я не люблю тебя — просто я не могу противиться своей природе. Арло, клянусь, я не знала, что мой отец жив...

Арло ждал. Отвечать ему не хотелось. Она лишь подтвердила то, о чем уже предупреждал Хтон. Ничего нового.

— Я пришла погубить тебя, ты это знаешь. Но мне не сказали, что ты сын моего отца. Я думала, ты — совершенно посторонний человек, пока ты не заговорил о Злобе. И даже тогда, встретившись с Атоном, я не поняла, что он — *тот самый* Атон Пятый, которого я считала мертвым. Быть может, не хотела этого понять. Я видела в тебе брата, не замечая очевидности, вероятно, потому что твоя мать Кокена не была миньонеткой. Пока Бедокур не обрушил на меня истину. На Миньоне нет братьев и сестер, наши головы плохо в этом разбираются. Поэтому я ошиблась и дала тебе обещание, которое не смогла сдержать: в этом моя вина.

Арло прекрасно мог это понять. Согласно закону, Атон умер, когда его послали в Хтон, а миньонетка рождает от одного мужчины лишь одного ребенка. Связь Атона с двумя миньонетками и человеческой женщиной воспринималась на Миньоне как из ряда вон выходящая. Те, кто вырос на Миньоне, оказывали подобным мыслям сильнейшее сопротивление. Нелегко начать думать о мертвом по закону человеку как о живом, если каким-то особым образом не разрешить это противоречие.

У Досады лицо было в слезах, свидетельствовавших, что она страдает точно так же, как страдала бы на ее месте обычная девушка. Досада не воспринимала его чувств, которые в этот момент замерли. Она переживала свои собственные чувства, и это делало ей честь.

— Арло, я знаю, что причиняю тебе боль, и, какая бы я ни была, я ни за что не стала бы делать этого, ведь мы были с тобой помолвлены...

«Были...»

— Но мы забыли, что причиняем боль еще одному человеку. Я никому не хочу причинять боль. У миньонеток такие же чувства, как у тебя, — ты на четверть миньон и знаешь, что это правда, — но телепатия переворачивает их. Мы забыли твою мать Кокену, а у нее никого не осталось, и она даже не может покинуть свою пещеру. Надо принять ее во внимание: несправедливо забрать у нее Атона и никого не оставить. Она не миньонетка.

Выходит, у Досады есть человеческая совесть? Неужели она отказалась от наследия Миньона? Она права в отношении Кокены: раковина не заслуживает такого обращения!

— Я нашла компромисс, — сказала Досада, — и хочу, чтобы ты знал. Нет нужды в чьих-то страданиях.

Доктор Бедокур встал, но не вмешивался. По какой причине? Арло любит Досаду. Если бы она принадлежала ему, Хтон отступил бы к себе в камень и был бы забыт — если бы потребовалась именно такая цена. *Если бы она действительно принадлежала ему.* Отказ от Хтона заставил бы Арло страдать, но это страдание еще сильнее привязало бы ее к нему.

Миньонская логика и обычаи отличались от обычных человеческих, но логика ситуации взывала к очевидному решению. Двое не могли красть свое счастье у двух других.

Арло собрался с силами, подготовившись выйти из забытья сразу после ее слов.

— Пока я буду с Атоном, — с подъемом проговорила Досада, — ты будешь с Кокеной. Возникнут две законные генетические лестницы, и никто не будет исключен.

00

Арло удалился в мир ДЗЛ — сад своей души. Он оставил в стороне мифы об Эдипе и Электре в поисках менее болезненного и все-таки подходящего чтения. Обрамление для его судьбы, сокрытое в недрах этой мудрой книги.

00

ИНТЕРЛОГ

Yggdrasil
Великое Мировое Древо,
Чьи корни проникают
В три Царства
Богов
Великанов
Мертвых

Радуга
Цивилизации Галактики
Рай-Чистилище-Ад
Идиллия-Тюрьма-Пещеры
Асы — Ваны
Зомби
Хтон

История слияния Атона Пятого с Хтоном Шестиугольная форма
Ограненного граната,
Изделие неорганического разума
История отхода Арло от Хтона
Схема буквы Y.
Усики, обозначающие раздвоенное будущее:
Победа Хтона Победа Жизни
Середина обозначает решение.

00

И очутился в Древней Скандинавии.

Его умерший брат Ас. В скандинавской мифологии асы были боги, обитатели Асгарда — большого, обнесенного стеной города. Главным среди богов был Один — одноглазый создатель золотых колец.

Арло замер, потрясенный узнаванием. Этот образ ему знаком! Его отец Атон!

У Одина был восьминогий конь по кличке Слейпнир. Появился Слейпнир, когда друг-враг Одина бог Локи превратился в кобылу, чтобы завлечь замечательного жеребца одного великана, в результате чего родился Слейпнир. Точно так же Бедокур создал скакуна для Атона, слившись с гусеницей. Следовательно. Локи — это Бедокур. Как все отлично сходится!

У Одина было две жены. Первая — Фрейя, валькирия или дева-воительница в одной из своих ипостасей. Миньонетка Злоба!

С нарастающим волнением Арло исследовал другие подобию. Второй женой едина была Фригга, мать двух сыновей — хотя у него наверняка были и другие, менее законные дети (Утренний Туман) — и не столь причудливая женщина, как Фрейя. Это, конечно, Кокена.

А первым законным сыном был прекрасный Бальдр. Но когда Бальдр вырос, его стали мучить кошмары, он почувствовал свою неминуемую гибель, исполнился уныния.

Встревоженный Один отправился в мир мертвых, чтобы разузнать о будущем сына. Он поехал на своем восьминогом скакуне (Арло задумался: явный анахронизм, но время было текучим, а подобию — зыбкими) по трудной и опасной дороге и пересек мост через реку, отделявшую этот мир от подземного.

Там он увидел повсюду приготовления к большому празднику. На его вопрос ему сказали, что Подземный Мир готовится принять Бальдра. Он спросил, как именно умрет его сын, но больше ничего не

узнал.

Фригга решила спасти своего сына от неизбежного. Она взяла у всех вещей и существ на свете клятву, что никто из них не причинит Бальдру вреда. Все дали клятву, кроме побега омелы, о котором Фригга забыла.

Отныне Бальдр, как всем казалось, находился в безопасности. Боги устроили игру и стали стрелять в него из всевозможного оружия, ибо знали, что ничто не причинит Бальдру вреда. Но Локи вырезал стрелу из омелы и подсунул ее одному слепому богу. Стрела попала в Бальдра и убила его.

Так вот как Бедокур убил Аса!

Фригга отправила к Хели, богине Подземного Мира, посланника, умолявшего вернуть Бальдра. «Вся природа скорбит по нему», — сказал он.

Хель объявила посланнику, что не освободит Бальдра, если хотя бы одно-единственное существо не оплакивает его. Они провели осмотр, а Локи, принявший облик старухи, не плакал. Так мир потерял Бальдра.

Это ознаменовало начало конца, ибо боги оказались не в силах сохранить в живых своего любимого бога. Это предвещало гибель богов в Рагнарек — последнюю битву между Добром и Злом.

(И вновь Арло задумался: в пределах скандинавской мифологии весь пантеон богов, великанов и мертвецов был, согласно древним верованиям, «добрым». Он весь погиб в схватке с христианством, и в этом смысле христианство оказалось победоносным Злом. Но так ли восприняло происшедшее само христианство? Каким образом человек вообще мог отличить Добро от Зла?) Прodelки Локи стали известны богам, и они жестоко его наказали, приковав в глубокой пещере под капающим ядом. Пытка над ним продолжалась до самого Рагнарека.

Арло разобрался и в этом. Мечь Вениамина удерживала Бедокура в пещерах. Хтон загнал его в гусеницу. Бедокур заплатил за свое преступление и душевно, и физически!

Вторым сыном Одина и Фригги был Тор — рыжебородый бог грома. Это был... сам Арло! А женой Тора стала златовласая Сифь, называемая в некоторых мифах перевоплощением Фрейи. Короче говоря, это Досада, еще одна миньонетка, дочь Злобы.

Бедокур обрeзал Досаде волосы, совсем как Локи — Сифи. Все подобия стали на свои места: он должен был сообразить это давным-давно!

Но разве это помогало ему разрешить проблему с Досадой? Он любил ее под любым именем, хотя она и его сестра. *Хотя?* Кровь миньона принуждала к истине: *потому что* она его сестра. Сифь могла быть перевоплощением Фрейи, и боги были терпимы к браку отца и дочери, но Арло хотел Досаду для самого себя.

Он обратился к своему другу: «Ты прав. У миньонетки нет для меня ничего. А что дашь мне ты?» И Хтон ему показал. Мощь неорганического разума втекла в Арло, и он сумел управлять пещерными животными: заставлял их замирать, поворачивать, двигаться — по своей воле, а не по их. Он воспринимал окружающий мир их органами чувств — поодиночке и вместе. Он располагал их с трех сторон сталагмита и видел колонну всеобъемлюще, голографически. Намного совершеннее, чем его человеческий глаз! Все пещеры раскрылись его пониманию, для которого не требовалось физического передвижения. Воистину богоподобная мощь!

Миньонетки по-прежнему наступали. Их разум был непроницаем: они не поддались воздействию миксы и не стали собственностью Хтона. Это было грубое, чуждое вторжение, внедрившееся в средоточие живых пещер, губившее глаза, уши и носы Хтона.

«Если бы я вел эту войну...» — пробормотал Арло.

«*Веди*, — ответил Хтон. — *Для этого ты и возвращен*».

Так вот оно что! Хтон был неспособен сражаться с массированным нападением миньонеток и нуждался в предводителе войска. Хтон предвидел возможную нужду в военачальнике с человеческим разумом для отражения такого вторжения — по крайней мере, пока не настала пора свeрххознаба.

«Но тогда и я умру!» — осознав это, вскрикнул Аула.

«Нет. Я избавил твою мать от озноба, и я избавлю тебя от сверхозноба».

«И всю мою семью!» — поставил условие Арло.

«Мы сохраним жизнь внутри планеты, — уверил его Хтон. — Вся прочая жизнь будет искоренена».

Арло задумался. Какое ему дело до жизни вне пещер? Его мир — здесь.

«Хорошо!»

Арло сосредоточился. Он призвал самых подвижных пещерных тварей: крупных камнетесок, летучих химер, маленьких саламандр и тому подобное, гусеницы, китомедузы и драконы были ограничены средой обитания: они могли быть полезны, но не в качестве мобильных отрядов. Арло направил своих тварей в лабиринт, окружавший передовую колонну миньонеток. Затем послал их в наступление несколькими волнами — бьющих, толкающих, кусающих.

Миньонетки, атакованные со всех сторон, сражались храбро, но были сокрушены. Самый большой вред принес яд саламандр, которые появились незаметно тогда, когда внимание миньонеток отвлекли более крупные звери. Арло не пришлось даже направлять их: заприметив добычу, они нападали беспощадно — такова их природа. А миньонетки, наслаждаясь лютой ненавистью крохотных мозгов саламандр, не старались особенно защищаться от их укусов, хотя яд оказывал на них точно такое же воздействие, как и на обычную человеческую плоть.

«Организация и нападение, — сказал Арло Хтону. — Найди свое место, собери все силы — и победа будет за тобой. Не жди, пока ударят *они*! Они никогда еще не сталкивались со строем животных и не верят, что такое возможно. Истреби атакованную часть отряда, и пройдет немало времени, прежде чем они поймут, что произошло. Если нам повезет, мы добьемся того, что они утратят свою действенность».

В этот момент что-то новое привлекло его внимание. Он сосредоточился — и оказался в мозгу доктора Бедокура. Это было занятно: управлять им удавалось лишь наполовину, но он очень быстро реагировал на внушения, а его мозг был гораздо сложнее, чем у животных. Если такой была половина человеческого мозга, то каков же был *целый*!

А целым мозгом был сам Арло. Как и пещерные животные, он вырос прямо на лоне Хтона, так что общение между ними удавалось без посредства миксы. Удавалось, но не всегда: только при условии податливости человеческого мозга. Когда человек не зомби, а соучастник, черпающий из несметных запасов Хтона иверяющий ему свои собственные ресурсы. Идеальное сотрудничество?

Арло не пытался управлять Бедокуром, а просто извлекал ощущения сумасшедшего доктора. В этот момент они были направлены на Досаду: это-то и привлекло внимание Арло. Он с удивлением узнал, что Бедокур находит Досаду физически привлекательной, но какой бы мужчина этого не *нашел*? Бедокур и Досада, тем не менее, оставались врагами.

— Пропусти меня, или я пробью твоей башкой стену! — крикнула Досада. — Я хочу поговорить с Арло.

— Поговори со мной, — сказал Бедокур. — Арло на совещании с Хтоном, его нельзя беспокоить.

Досада набросилась на него. Тогда Арло взял управление Бедокуром на себя. Он перехватил его поднятую руку, подвинул ногу к ее ступням, перенес тяжесть тела доктора так, чтобы Досада потеряла равновесие, и перевернул ее вокруг него. Та споткнулась, но на ногах удержалась. Она тяжело дышала, а восприятие Бедокуром ее вздымающейся идеальной груди ничем не отличалось от восприятия Арло.

— Так ты драться? — сердито проговорила она.

— Я — Арло, — сказал Арло устами Бедокура.

Слова получились несколько скомканными (это была первая его попытка), но он знал, что скоро приспособится.

Досада в изумлении уставилась на него и, несмотря на непроницаемость ее мозга, он уловил очертание ее чувств: довольное приятие. В действительности, это было конечно же раздраженное недоверие, при условии, что переворачивание касалось не только приемника Досады, но и передатчика. В

любом случае, смешанные чувства трудно было истолковать.

— Так это ты? Но как?..

— Что ты хотела мне сказать?

Досада запнулась.

— Могу ли я поговорить с тобой лично? Я не желаю, чтобы он слушал, — она имела в виду Бедокура.

— Слушают все пещеры, — сказал Арло со сдержанной, но намеренной жестокостью.

— Но он получает от этого слишком большое удовольствие!

Верное наблюдение? Бедокур был бы счастлив, если бы Арло занялся с Досадой любовью, воспользовавшись для этого телом Бедокура. Возник бы тот же комплекс чувств, что у Утреннего Тумана, Невзгоды и умирающего ксеста. Арло отослал Бедокура прочь.

Досада приблизилась к Арло. Он оживил свое тело, как только что тело Бедокура, в сущности, не входя в него. Его разум оставался с Хтоном: на физический механизм распространялись лишь восприятие и управление. Хтон был прав: мозг Арло — здоровый, способный и совместимый — был самым изощренным орудием, доступным в пещерах. С этим оружием Хтон мог выиграть войну против миньонеток. Но пока он лишь слушал, никак не реагируя.

Досада опустилась рядом на колени, как она делала и прежде.

— Я пыталась найти компромисс, Арло, и все ради тебя. Но ты бы на него не пошел, и думала по-миньонски, а не по-человечески, и очень об этом жалею. Пришла пора для полной откровенности между нами. Твои родители хотели, чтобы у тебя была человеческая девушка, чтобы ты рос не один и смог полюбить. Бедокур с согласия Хтона обещал все устроить. Но твой дедушка. Вениамин всех перехитрил, и здесь появилась я. Когда вы узнали, что я миньонетка, было уже слишком поздно. Тогда Хтон изменил замысел и свел меня с Атоном. Что-то вроде рукопашного боя, и мы с тобой в нем лишь пешки.

Но я люблю тебя, Арло. На Миньоне, чтобы завладеть мной, ты бы убил своего отца, и все было бы в порядке. Вспомни, что Атон убил своего отца, чтобы завладеть моей матерью. Вот только миньонской крови в тебе мало. Что ж, я должна выполнить свою задачу, пусть даже ценой собственной природы. Поскольку без ее выполнения не будет ничего, совсем ничего — кроме Хтона. Ни любви, ни жизни, ни природы. Итак, я должна убедить себя, что мой отец умер и что старший из выживших Пятых — ты. Ибо мы действительно в тебе нуждаемся, Арло. Ты лучше всех людей знаешь пещеры — и ни один человек в галактике не сможет противостоять миксе. Миньонетки, в конце концов, обязаны следовать за мужчиной: так мы устроены. Не воодушевленные сильным мужчиной, мужчиной с кровью миньона, наши усилия будут ослабевать и провалятся, что уже и происходит. Тебе придется пройти испытание, но я в тебя верю, и не только потому, что люблю тебя. Я знаю, ты это сможешь.

Ты победил, Арло. Я стану твоей невестой, я буду верна тебе. Только вернись к нам и возглавь силы Жизни.

Она ждала, но он не отвечал.

— Я даже не буду дразнить тебя, Арло, — добавила она. — Твоя любовь — моя боль, но ведь я на четверть человек. Я могу принять твою любовь и не умереть. Делай со мной что угодно, чувствуй, как пожелаешь. Я никогда не рожу в замену тебе сына, если ты этого не захочешь. Все что угодно...

«Ничего не выйдет, — предупредил Хтон. — Тебе не нужна сломленная женщина. Мучение — не твой путь».

«Мне нужна лишь она, — ответил Арло. — Я приму ее предложение, не выполняя его. Довольно того, что она пришла ко мне».

«Но я дам тебе намного больше, — сказал Хтон. — Зачем бросать все ради одной девушки, скоторой ты не можешь быть счастлив?» Хтон был прав, Хтон был благоразумен, Хтон не угрожал. Хтон оставался его другом даже в несчастье. Но Арло уже сидел, крепко обнимая Досаду.

Часть пятая

Тор

§ 426

Волна битвы покатилась в обратную сторону. Теперь пещерные твари были организованы и брошены в атаку, отрезавшую и окружавшую части армии миньонеток и уничтожавшую их наступлением своего живого моря. Арло распознал стратегию, поскольку сам ее разработал. Сейчас Хтон для организации отдельных боевых действий наверняка использовал мозг Бедокура. Бедокур не достиг бы такой удачи, но у Хтона имелся избыток пушечного мяса, который мог быстро истребить силы Жизни. Достаточно было одной-единственной искры творческой мысли, которую высек Арло.

Неудивительно, что Хтон отпустил его без борьбы. Арло уже дал ему ключ к победе.

Согласно мифам ДЗЛ, силы Добра должны потерпеть в Рагнарек поражение. Даже пренебрегая вопросом, на чьей стороне Добро, а на чьей Зло, — ибо Арло не был уверен, допустимо ли уравнивать Жизнь с Добром, — оставались существенные сомнения. Боги не достигли цели, неважно какой. Это был конец мира. Какой в таком случае смысл сражаться?

— Хтон побеждает, — сказал Арло Досаде, изучив положение дел. — Чем дальше наши войска проникают в пещеры, тем труднее становится. Линия фронта удлинняется, и управляемых животных становится все больше. Еще один Тяжелый Поход. Мы не вправе нести такие потери, как сейчас, — иначе мы будем истреблены.

— Мы это прекрасно знаем, — сказала она. — Стоило тебе перейти к Хтону, как начались бедствия. Наши силы представляют четыре главных разума галактики, но мы не можем их должным образом согласовать. Поэтому пришлось вернуть тебя. Ты — ключ к победе.

— Сомневаюсь. Я уже научил Хтона необходимому: построению чудовищ. Я не могу расстроить их ряды теперь, когда перешел на другую сторону. Кроме того... в ДЗЛ написано, что боги потерпят в Рагнарек поражение.

— Чепуха! — вспыхнула Досада, и Арло с удовольствием отметил, что ее умственные реакции вполне человеческие. Миньонетка без телепатии подобна любой женщине, только покрасивее. — Разве ты не понимаешь, что Хтон напичкал тебя скандинавской мифологией, зная, что, восприняв все эти подобию — Аса, пори и этого чертова восьминогого коня? — проглотив их, тебе придется принять и поражение в Рагнарек? Ты — ключ. Если ты решишь, что мы проиграем, то мы проиграем, независимо от того, на чьей стороне ты будешь сражаться. Почему, по-твоему, Хтон с такой легкостью отпустил тебя? Потому что в действительности ты воюешь на его стороне — *покаверишь в поражение*.

— Не знаю, — Арло колебался, пораженный ее логикой. Миловидный трудный ребенок, которого он спас, отшлифовал свой ум не менее основательно, чем тело? — Чудовищ так много, что во что бы я ни верил, битва все равно...

— Ты должен верить в победу Жизни? — закричала Досада. — Твой дух перевернут, как перевернуты мои чувства, но мы оба должны разумом преодолеть наши недостатки. И *мы сможем!* Ты поведешь нас в бой! Ведь ты — Тор, правитель богов!

Арло рассмеялся:

— Видишь? Ты сама веришь в скандинавских богов!

— Я не верю! Это просто оборот речи...

— Ты ужасно привлекательна, когда бесишься.

Досада повернулась, обнажив зубы далеко не в улыбке.

— Итак, тебе нужна повозка, запряженная двумя козлами, чтобы уподобиться Торун? Не забудь только

надеть перчатка, пояс и...

Но Арло поцеловал ее.

— Это по-миньонски, — сказал он. — Чем больше ты бесишься, тем сильнее я тебя люблю. Давай займемся любовью.

— Черт!

Он поднял указательный палец перед ее лицом.

— У тебя короткая память.

Она промолчала, и постепенно вспышка погасла.

— С твоей стороны... это выглядит именно так?

— Да. Разве ты не знала? Ты должна была рассердить меня, после чего становилась привлекательной. Поворот кругом...

— Кажется, *знала. Но не чувствовала.* Если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Поделом тебе, — он привлек ее к себе, и она без сопротивления, как и прежде, покорилась.

— Было бы прекрасно, — с грустью пробормотала, она, — если бы удалось обратить телепатию так, чтобы мы оба воспринимали любовь одинаково. Чтобы оба находились в одной фазе — вместе бесились, вместе любили.

— Тогда история планеты Миньон была бы другой, — сказал он, продолжая совершать любовный акт. Это было то, чего он хотел, но его одностороннему действию не хватало прежнего огня. Одно слово, обращенное к Досаде, и она выдала бы необходимое количество страсти — но это было вовсе не то, чего он хотел. — Миньонетки не смогли бы противиться миксе...

— Но Атона не послали бы в Хтон, и этого сражения не было бы.

— И ты бы никогда не родилась... и я, — сказал он.

Когда он достиг оргазма. Досада закричала от боли. На миг ему показалось, что он убил ее, как Атон — Злобу. Испытывая угрызения совести, он склонился над ней. Досада улыбалась.

— Я же *сказала*, что выживу. Ведь я на четверть человек, — и она потеряла сознание.

Досада выжила, но Арло это ни в чем не убедило. Она была прекрасна, и под ее изумительной женской внешностью осталось много от девочки-проказницы, что и отличало ее от остальных миньонеток. Эта девочка пленила его. И все же она принадлежала ему не больше, чем рабыня, прикованная к стене ему в утеху. Люби она его так, как он любил ее, она бы наверняка умерла. Но... она хотела именно этого, какой бы ни была причина, и хвев сияла.

Арло отбросил эти мысли и задумался над другим. Чтобы изменить ход битвы, необходимо перестроить силы Жизни. Ведь для этого его и призвали. Досада права: вероятно, наступил Рагнарек, но истинное размежевание Добра и Зла неизвестно, и исход схватки невозможно предсказать. Надо осмотреть войска, продумать новые возможности, разработать новую стратегию.

Хтон видел одновременно все участки пещер. При условии, что там находятся животные... а Хтон мог послать своих животных куда угодно. Если только...

Если только полностью не очистить какой-нибудь участок пещер от животных. Это бы лишило Хтона восприятия и позволило миньонеткам нанести неожиданный удар — из этой непрозрачной области.

Но как удалить всех живых тварей, включая крохотных насекомых? И как скрыть от Хтона свои намерения, как изгнать пещерный разум из своего сознания? Лучше всего, если бы Хтон думал, что Арло действует по-старому, а потом совершить неожиданный прыжок в сторону.

Он покинул Досаду, настроившись на ее ауру, чтобы быть уверенным, что ей не причинят вреда. Эту способность он сохранил после своего опыта с Хтоном: Арло не мог управлять пещерными животными, зато естественная его миньонская чувственная телепатия усилилась. Подобно тому, как он указал Хтону приемы боевых действий против миньонеток, Хтон открыл ему ключ к управляемой силе разума. Арло

поспешил к пещере, где работал Атон — мастерил на мощной газовой струе кольца из драгоценных металлов.

— Я должен побыстрее объехать пещеры, — сказал Арло. — Мне нужно надежное средство передвижения. Можно взять Слейпнира?

Атон задумался. На глазу у него был прилажен осколок стекловидного камня, защищающий от жаркого пламени, на руках надеты толстые перчатки. На ремесленника он, пожалуй, не был похож, но был им, — столь искусные он ковал кольца.

— Сынок, мы тоже участники этой битвы. Нашему перемирию пришел конец. Выведи Кокену из пещер, а я сам поскачу на Слейпнире помогать армии Жизни. Тебя он не послушается.

— Разве мать может покинуть пещеры? — спросил Арло. — Ее ведь убьет озноб! — Но все было верно: необходимо вызволить мать из заложниц, поскольку Хтон мог убить ее с той же легкостью, что и озноб.

— Не убьет, если на поверхности установить нагревательные устройства, телепатически настроенные на нее. Вряд ли это получится, но Хтону больше доверять нельзя.

— Верно. — Однако Арло было не по себе. Почему Хтон до сих пор не выступил против Атона и Кокены?

Относительно Кокены он понял, почему. Если бы с ней что-нибудь случилось, Атон немедленно отбросил бы любые эмоциональные ограничения. Он бы поддался обольщению миньонетки — своей дочери Досады. Против нее было не устоять, и Арло потерял бы Досаду, несмотря на ее уступки. В этом случае ему ничего не оставалось, как вернуться к Хтону. Но... уничтожение ради этого Кокены навсегда бы отвернуло Арло от Хтона. Он не стал бы сотрудничать ни с убийцей матери, ни с тем, кто привел в действие цепочку событий, лишивших его невесты.

— Нет, — сказал Арло. — Мать останется здесь, Хтон не причинит ей вреда. А если мы выведем ее из пещер и она умрет, Хтон только выиграет. — Ее смерть не была бы деянием Хтона, и Арло было бы это известно.

Атон, прищурившись, взглянул на него, и Арло тут же вспомнил, что его отец — полуминьон. Насколько сильна его телепатия?

— А Досада? — спросил Атон.

С ней все было запутаннее. Если бы Досада умерла, у Арло исчезла бы главная причина его сотрудничества с Жизнью. Но опять-таки, если бы она умерла в результате действий Хтона, Арло вдвойне бы хотел истребить Хтона. Пока Досада была живой, оставалась возможность ее связи с Атоном, которая разобщила бы силы Жизни и вернула Арло к пещерному Богу. Хтон играл событиями, убежденный, вероятно, что в этом направлении возможностей для победы больше, даже если физическая битва окажется проиграна. Война велась на самых разных уровнях.

— Она тоже в безопасности, — сказал Арло.

— Но мы-то с тобой — нет? — спросил Атон.

Еще один сложный вопрос. Если бы Атон выступил против Хтона и погиб, мог ли бы Арло обвинить в этом пещерный разум? Однако это устранило бы всякую возможность связи между Атоном и Досадой. Так что, похоже, Атон тоже в безопасности. Что касается самого Арло, Хтон не убьет его до тех пор, пока существует вероятность перетянуть его на свою сторону. Если же такая вероятность исчезнет и действия Арло будут угрожать самому существованию Хтона, то выбора не останется: Хтон выступит против Арло. Но если Арло погибнет, Атон, Кокена и Досада погибнут вслед за ним.

— Мы в меньшей безопасности, чем женщины, — сказал Арло, — но поначалу Хтон вряд ли будет действовать против нас.

— Так тебе нужно средство передвижения, — сказал Атон, возвращаясь к исходной теме.

— Два козла и тележка, — согласился Арло, отчасти в шутку.

— Сложность с животными заключается в том, что они подчиняются Хтону, — сказал Атон. — Тележку сделать нетрудно, но животные будут тащить ее туда, куда укажет Хтон. Кроме того, от тележки на колесах в пещерах мало толку...

— Конечно! — с сожалением согласился Арло. В мифологии покачнулся еще один столп. А жаль, поскольку образ был по-своему привлекательный и Арло хотел как можно точнее следовать древнескандинавскому примеру, дабы убедить Хтона в своем якобы подражательном мышлении.

— Может быть, сани? — сказал Атон. — Они будут скользить по неровностям.

Отличная мысль? Голова у Атона работала, как всегда, превосходно. В сущности, он был умнее Арло, как Один — умнее Тора. И все же...

— Чтобы тащить сани, понадобится сильное животное.

— Или пара. Только вот править...

— Как ты правишь Слейпниром?

— Сам не знаю. По-моему, пребывание в гусенице настолько разрушило его разум, что Хтону от него почти ничего не осталось. Впрочем, я не уверен, пробовал ли Хтон когда-нибудь управлять им.

— Может, освободить пару сегментов от другой гусеницы?..

— Можно попробовать, — согласился Атон. Он отложил кольцо в сторону и снял защитное стекло.

Арло согласие отца удивило и польстило. Слишком поздно он осознал, что Досада вызывает нежелательный антагонизм между ним и Атоном. Насколько лучше работать вместе!

Атон попытался помочь своему сыну, доставив снаружи человеческую девушку. Он, естественно, не знал, ни что ее подменяет миньонеткой, ни того, кем окажется миньонетка. Да и откуда ему было знать? Ведь он и не подозревал, что у него *есть* дочь! В этой нечестной сделке под вопрос была поставлена нравственность вождей Жизни. Вероятно, Жизнь находилась на стороне Зла, и значит, ей суждено победить. Хотел ли он этого? Какую бы сторону он ни выбрал, та в случае победы становилась стороной Зла. Мифологические подвиги невозможно было принять, но они пронизывали собой битву.

В этом несложном предприятии по изготовлению удобного средства передвижения отец и сын не только вели борьбу с Хтоном. Они противостояли зловещему влиянию Миньона, кровь которого, проистекавшая из общего истока — Злобы, соединила их обоих с Досадой. Трудное человеческое уравнение — но, вероятно, решаемое.

Атон достал свой огромный обоюдоострый топор и вручил его Арло.

— Обряд перехода, — сказал он.

Арло принял топор. Он не знал буквального смысла этого выражения, но понял, что, если он должен исполнять роль вождя, топор ее подтверждал. Отец помогал ему стать тем человеком, которым он должен был стать. Арло отчасти боялся ревности или соперничества Атона, но теперь видел, что отца заботило исключительно благоденствие Жизни и успех сына. Замечательная поддержка!

Не успели они выехать, как... появилась Досада.

— Куда? — спросила она.

— Охотиться на гусеницу, — кратко ответил Арло. Он не хотел ее в это впутывать, и не только из-за опасности.

— Я тоже воюю, — сказала она. — Хочу помочь.

С этим Арло спорить не мог. Более того, он мог бы призвать на помощь несколько миньонеток, зная, что теперь они ему подчинятся, но боялся встревожить этим Хтона. Он полагал, что обилие сообщений, поступающих из всех пещер, полностью займет Хтона и пещерный бог не обратит внимания на действия Арло, пока они кажутся безобидными и не выходят за рамки скандинавского мифа. Рагнарек — дело не простое! И поскольку Хтон не мог войти к нему в мозг без его ведома, утечки информации быть не могло. Атон и Досада также находились в безопасности: Хтону придется наблюдать за ними глазами животных.

Все будет выглядеть как обычная заготовка мяса.

Досада уселась на Слейпнира, оседлав средний горб трех передних сегментов между Арло и Атоном. Естественно, Атон помог ей забраться, чтобы животное не противилось: вполне законный знак внимания. Встретились ли на миг их глаза? Арло не был уверен. Она была так экс-преlestна, сзади, как и спереди — тонкая талия и роскошные широкие бедра. Совсем недавно Арло владел этим телом и вновь хотел его. Тот, кто выбрал исходный образец для миньонетки, знал свое дело! Конечно, все миньонетки похожи, если не считать короткие волосы Досады и ее слегка человеческие черты. Волосы в конце концов отрастут и станут великолепными. Но это ничуть не умаляло совершенства его миньонетки.

Если бы она действительно была его...

Почему бы ему не взять какую-нибудь миньонетку из отряда?

Например, Боль, которую он встретил в тот день, когда узнал о вторжении. Он уверен, что Боль охотно на это пойдет, а ведь она точно так же прелестна, как и Досада. Конечно, она годится ему в бабушки, но это совершенно неважно. Она же не его бабушка!

Но вызвать интерес к Боли Арло не смог даже в воображении. Только Досада была его прямой родственницей. Он пытался подавить в себе миньонскую составляющую, но не мог. То, что она его сестра, играло-таки значение и с силой увлекало к ней, словно его чувства были заострены режущей кромкой его человеческой вины. Он уже пережил это в душе и не нашел выхода.

Так что же тогда говорить об отношениях между Атоном и Досадой, которые еще точнее отвечали миньонскому образцу? И почему он без конца думает об этом? Какое-то время Досада принадлежала ему, она согласилась, а обманывать было не по-миньонски.

Однако хотя он видел ее спину, она видела перед собой спину Атона. Что же она в действительности видела?

Слейпнир ступил на тропу самой крупной из местных гусениц. Казалось, не было предела их расширительной способности: эта состояла из сотни сегментов, но продолжала добавлять к себе новые. Вероятно, потому, что ее громадное туловище нуждалось в постоянном притоке органического сырья. Во всяком случае, у нее наверняка есть несколько больших, недавно включенных сегментов, не усохших еще до полной бесформенности.

Сейчас у них было две возможности: выследить гусеницу или подманить ее, каждый со своими минусами. Гусеница могла отлеживаться в каком-нибудь узком канале за много километров отсюда, и им не удалось бы подобраться к ней сбоку. А если бы они стали ее подманивать, тварь была бы настороже и очень опасна. Вероятность отсечь нужные сегменты в этом случае уменьшилась бы, а вероятность самим *стать* сегментами — выросла бы.

— Я ее подманю, — сказала Досада. — А вы вдвоем устройте засаду на перекрестке.

Очевидная мысль! Но Арло она не обрадовала. Это было его дело, решения должен принимать он. Он готов был прислушаться к мнению отца, но выходки Досады его раздражали. Сначала советы, а потом будет выбирать, с кем в паре ей лучше охотиться.

Впрочем, гневался он напрасно. Она распределила роли так, чтобы самой оказаться поодаль от обоих. Эта опасная охота могла решить проблему и по-иному: если кто-то из них будет убит, треугольник распадется.

От этой мысли Арло охватил ужас. Он любил отца, любил Досаду, любил собственную жизнь. Он не хотел, чтобы кто-то из них погиб! И если бы ему пришлось принимать какое-то решение, то хрупкое перемирие с Хтоном было бы нарушено и начались бы крупные неприятности.

Досада поспешила по тропе гусеницы к озеру китомедузы. Арло и Атон двинулись в обратном направлении в поисках удобного перекрестка. Теперь они молчали, чтобы не спугнуть добычу.

— Этот топор, — сказал Арло, когда они расположились в засаде. Он говорил тихо, в надежде, что звук отнесет ветром. — Откуда он взялся?

Прежде чем ответить, Атон какое-то время молчал.

— Он был у вожака заключенных, — наконец сказал он. — Его звали Старшой. Я убил Старшого, когда его одолела микса, и топор стал моим.

Арло почесал свою пробивавшуюся рыжую бороду. Ему хотелось знать больше, но он понимал, что подталкивать отца бесполезно. Арло стал уже выше и сильнее Атона, но ему так не хватало отцовского ума. Арло с радостью обменял бы часть своих мышц на знание!

Далеко в туннеле Досада подняла суматоху. Она с пронзительным криком прыгнула в озеро, подняв во все стороны брызги. Звук прекрасно распространялся в туннеле: по-видимому, ловушка гусеницы обладала отличными акустическими свойствами.

Арло приложил ухо к камню. Послышался довольно отчетливый, хотя и слабый топот марширующих ног. Гусеница, не могла долго медлить, иначе добыча выберется из ловушки или попадет к Китомедузе. У Арло мелькнула мысль: что, интересно, гусеница и китомедуза думают друг о друге? Были ли они друзьями, или каждое чудовище стремилось избавиться от соперника? Вели ли они диалог: «Вот вам кусочек, угощайтесь». — «Нет-нет, спасибо. Только после вас». Арло сдержал улыбку. Гусеница и китомедуза были двумя самыми старыми и самыми мерзкими чудовищами пещер.

Составленное из сегментов чудовище двигалось на удивление быстро. Топот шагов ускорился до бега — все ноги с одной стороны одновременно ударяли по камню. В случае необходимости тварь двигалась очень тихо, но сейчас, когда добыча могла убежать, скорость была существенна. И вот что еще в гусенице любопытно: ее сегменты могли терять головы и передние конечности, но ноги всегда были на месте и очень крепкие!

Сейчас, когда чудовище несло по тропе, у Арло возникло дурное предчувствие. Он и Атон в безопасности: гусеница не свернет с Дороги и не сможет поймать их. Но Досада... она плавает в озере. А что, если им не удастся отделить сегменты? Досада окажется в ловушке?

Ответ был один: надо отрубить задние сегменты и лишить гусеницу ее колющего хвоста. Со временем она вновь отрастит хвост-копье, но пока страшная угроза исчезнет.

Топот тяжелых ног становился все громче. Арло подавил желание убежать. Прежде чудовище останавливал Хтон, впервые Арло приходится иметь дело с гусеницей один на один. Он встал и поднял вверх топор, готовый ударить, едва последние сегменты окажутся в пределах досягаемости.

Появилась передняя часть. Голова была громадной, с большими фасеточными глазами и усиками в палец толщиной и длиной в полметра. Над глазами находились костяные брови — втянутые отростки защитной решетки, которую тварь могла опускать на морду. Но самое ужасное, что у нее не было рта.

На какой-то миг огромный глаз уставился на Арло. Затем голова двинулась дальше. Пока монстр проносился мимо, Арло стоял, прикованный к месту душевным страхом, сходным с физическим страхом перед хвостом этой твари. Каждая из фасеток искаженно отражала его образ, словно сущность Арло отпечаталась в мозгу гусеницы — множеством разновидностей будущего сегмента...

Между тем сегменты мчались мимо, словно вагоны товарного поезда из ДЗЛ, заставляя с головокружительной скоростью мигать зеленое свечение стены.

— Руби! — крикнул Атон.

Арло не шевельнулся. Страх перед единственным, но многократно умноженным взглядом гусеницы загипнотизировал его. Он попытался сдвинуться с места, опустить топор — мышцы ему не подчинялись.

— Ну же! — вновь крикнул Атон, слегка подталкивая его.

Арло попытался еще раз, и вновь неудача. Замаха у топора не получилось, тот просто упал... и последний сегмент гусеницы зажег лезвие и вырвал топор из рук.

Арло остался безоружным, а топот ног уже затихал. В горле у него застыл ком, глаза слезились. Он ощутил себя вдруг не то что не богом, но даже не человеком.

Очевидно, возглавить силы Жизни должен не он, а Атон. Ум, опыт и смелость значили гораздо больше, чем юношеский пыл?

И тут Атон подтвердил свою мудрость, как, вероятно, сделал бы в подобном положении тысячелетия

тому назад Один. Он не произносил громких слов, не осуждал Арло.

— В первый раз я тоже онемел, — сказал он спокойно. — Поднимай топор и пошли, нужно перехватить гусеницу у озера, пока она не добралась до Досады. — И Атон побежал по тропе.

Оцепенение у Арло прошло. Он поднял топор и устремился вслед за отцом. Слейпнир побежал за ними.

Озеро было недалеко, в километре отсюда — в древних человеческих единицах измерения. Но пещерный хищник двигался с такой скоростью, что перехватить его не удалось. Им следовало бы вновь оседлать Слейпнира. Еще одна их ошибка, но в узком туннеле не было места, чтобы забраться на скакуна, если, конечно, не прыгать ему через голову.

У входа в купольную пещеру гусенице пришлось замедлить ход, поскольку здесь она действовала согласованно с китомедузой. Большие сегменты едва протиснулись в проем. Еще одна особенность ловушки: тело гусеницы закрывало вход настолько плотно, что добыча не могла протиснуться рядом с ним и убежать. Арло не понимал, каким образом эта тварь расширяет при необходимости туннели: он ни разу не видел, чтобы гусеница грызла камень, но какой-то способ у нее, конечно, имелся. Наверное, стесывала его головой.

Арло и Атон враз остановились. Они не смели приблизиться к длинному хвосту-острию! Придется ждать, когда гусеница освободит проем.

Она медленно сделала это. Арло, держа топор перед собой, проскользнул внутрь — и обнаружил новое препятствие.

Тропа гусеницы шла вокруг озера. Голова чудовища предназначалась для того, чтобы запугивать добычу (Арло оценил теперь, насколько хорошо она это делала!) и загонять ее по круговой тропе к хвосту. После чего, пронзая добычу, выстреливал хвост и включал ее в гусеницу еще одним ходячим сегментом. Гусеница начала пятиться и преградила хвостом вход. Ближние к хвосту сегменты возвращались теперь в проем, по-прежнему закрывая его.

— Черт возьми! — в сердцах выругался Арло, находя удовольствие в брани из ДЗЛ. — Мне не пройти.

Атон взглянул на него:

— А ты очень хочешь?

— Там же Досада!

— Тогда руби.

Арло разинул рот. Он упустил самое очевидное: находясь в купольной пещере, он вряд ли сумеет помочь Досаде. Гусеница и китомедуза полностью там господствовали. Необходимо напасть сбоку, и здесь Атон и Арло находились в идеальном положении!

— В первый раз не стыдно и растеряться, — проговорил Атон. — Запомни: всегда есть другой способ — возможно, лучший. Старайся найти его.

Ценный урок! Арло понял, что руководство не ограничивается приказами и выработкой общей линии поведения. Он должен работать головой и принимать советы тех, у кого она работает лучше.

Арло взял себя в руки, выждал, когда узкая перемычка между двумя сегментами поравняется с проемом, и ударил по ней топором. Удар получился не таким сильным, как хотелось бы, поскольку у Арло не было места для полного замаха.

К его изумлению, топор напрочь разрубил связку, расчленив сегменты. Отлично? У гусеницы, такой крепкой в других отношениях, сочленения оказались явно слабым местом.

Но инерция твари была столь велика, что она продолжала двигаться. Через мгновение путь преградил новый сегмент.

— Тем лучше, — сказал Арло, отрубая и его.

После трех новых ударов гусеница изменила направление движения, и проем наконец освободился.

Оба мужчины вошли в купольную пещеру. Потолок в ней был с высоким сводом, как в той пещере, где Арло наблюдал за вторжением миньонеток, только гораздо больше. Пещера была совершенно круглой и заполнена водой почти до тропинки гусеницы. Места на тропинке оставалось лишь для одного человека, и разминуться с гусеницей было нельзя. В это время голова с передней частью твари двигалась в одну сторону, а отсеченный хвост в сопровождении десяти сегментов — в другую. Между ними замерли три сегмента, лишившихся управления.

Досада стояла на противоположном берегу. Она не могла пойти ни в ту, ни в другую сторону, поскольку к ней медленно двигалась голова, а хвост замыкал пространство позади. Похоже, что часть с хвостовым сегментом была достаточно велика, чтобы согласовывать свои действия в целом, хотя связи с головой у нее не было. Ритмично шагали ноги: десять вверх, десять вниз.

— Поплывешь? — крикнул Арло.

Досада замотала головой и показала вниз.

На поверхность всплыла чудовищная черная туша китомедузы. Не мелюзга, вроде тех, величиной с ладонь, что Арло находил в неглубоких котловинах, а взрослая китомедуза в тридцать метров в поперечнике. В середине виднелся круглый рот, достаточно большой, чтобы проглотить человека, с длинным липучим языком.

Кит рыгнул. Вырвалось облако желтого пара, наполнившее купол отвратительной вонью. В отверстие хлынула вода, омывая скользкую поверхность кожи.

Выкинулся язык, на ощупь отыскивая добычу. Арло понимал, что он быстро найдет Досаду, если она попробует пробраться по этой твари. Но хвостовой сегмент гусеницы уже замыкал круг. Через минуту ей придется выбирать свою судьбу, как и всем животным, по глупости попавшим, сюда.

— Я отрублю киту язык! — сказал Арло.

Атон предупреждающе поднял руку:

— Это единственный способ?

Арло заставил себя остановиться и подумать, что в данных условиях сделать было непросто. И наткнулся на лучший вариант.

— Можно отвлечь его сегментами гусеницы! — крикнул он. — Которые нам не понадобятся. Это предотвратит обе угрозы.

Атон кивнул:

— Столкни пару вниз и направляйся к хвосту. Отруби самый последний сегмент, чтобы хвост отпал. Меньше будет риска.

Арло двинулся по кругу. Ближайший сегмент был слишком аморфный, у него не было и намека на голову, так что он не смог бы выполнять команды. Арло вклинился между ним и стеной, уперся в сегмент коленом и отпихнул его. Тот кувырнулся в мелководье у края кита.

К сегменту прошлепал язык. Кит ощутил тяжесть сегмента и сориентировался на него. Его ничуть не волновало, что это часть его сообщницы-гусеницы. Попытка Арло пересечь озеро напрямую могла кончиться для него плохо!

Он подошел к следующему сегменту и тоже скинул его в воду. Затем третий: ни один из них ему не годился. Наконец направился к объединенным сегментам хвоста.

Здесь у Арло возникла трудность. Он не мог пробраться мимо них, но они были слишком громоздкими, чтобы сбросить их целиком в озеро. К тому же там было несколько славных сегментов — камнетески с головами и передними лапами, которые вполне бы ему сгодились. Он хотел их сохранить.

Между тем хвостовые сегменты продолжали двигаться, загоня Досаду в угол. Через минуту колющий хвост сможет ее достать.

Арло прыгнул вниз. Пока между ним и языком находятся три сегмента, он в безопасности — на какое-то время.

Ноги у него поехали. Кожа китомедузы была пористой и скользкой и не давала твердой опоры, к тому же под его весом она прогнулась. Но чтобы плыть, воды было недостаточно. Арло буксовал на месте, не продвигаясь вперед.

— Другой способ! — крикнул Атон.

— Другой способ! — отозвался Арло. Он с трудом поднял топор, чтобы, вонзив его в блестящую черную плоть, вырубить опору для ноги. Но тут же остановился: боль наверняка переключит внимание кита, а извергающаяся кровь сделает эту опору еще менее надежной, чем раньше. Что же придумать?

Он протянул руку и ухватил ближайший сегмент гусеницы за лапу. Теперь у него была точка опоры. Зажав топор между колен, он подтянулся вперед. Он нашел другой способ!

Добравшись до страшного хвоста, выступающего на полроста человека, Арло вновь остановился. Чтобы ударить по нему, нужна была опора! Но тот в любой миг может выстрелить, поскольку Досада находится уже в пределах его досягаемости. Меньше всего Арло хотел увидеть ее пронзенной.

Он заметил, что хвост укоротился: это означало, что он вот-вот выскочит. Ухватившись левой рукой за последнюю ногу, правой Арло нанес удар. Удар оказался слабым, а панцирь хвоста прочным. Лезвие отскочило, едва не угодив Арло в левую руку. Так гусеницу было не остановить.

Хвост задрожал. Он начал совершать выпад! Арло отбросил топор и ухватился обеими руками за удлиняющийся стержень. В это же мгновение он услышал всплеск.

Хвост выстрелил, его толщина резко уменьшилась, а длина возросла. Арло повис на нем, упершись ногами в стену и отталкиваясь. Это ему удалось: хвост изогнулся в сторону воды и в цель не попал.

Но и цели на месте не оказалось. Досада спрыгнула с выступа.

— *Отпускай!* — крикнула она.

Арло глянул на свои ладони и сразу все понял. Хвост служит для прокалывания добычи и для включения ее в гусеницу путем впрыскивания каких-то парализующих веществ. Сейчас на его поверхности виднелось какое-то блестящее клейкое вещество — ладони же у Арло онемели.

— *Не могу!* — крикнул он.

Досада схватила его и, с силой оттолкнувшись от стены, оттащила в сторону. Она была на удивление сильна, но это свойственно миньонетке, ибо позволяет ей переносить садистские наказания. Его руки отцепились, и он увидел, что на поверхности вытянутого хвоста открылись поры. Конечно, эта жидкость намного действеннее. Когда попадает на обширную рану, вроде сквозного прокола. Кожа и мозоли как-то защитили Арло, хотя не вполне. Действие вещества продолжалось.

Арло упал и не шевелился. Яд гусеницы проник в организм, парализовав его. Он видел, слышал, ощущал — и это все.

— *Нет!* — воскликнула Досада.

Она положила Арло навзничь на спину китомедузы и окунула его руки в воду. Воды здесь было мало, и отмывать их было слишком поздно. Она оставила это занятие и ухватила руками за сегмент гусеницы так же, как недавно Арло.

— Атон! — заорала она.

А Арло подумал, насколько ей удобнее просто оставить его и уйти с Атоном. Ничего не надо было *делать*; она пыталась спасти его и не смогла. Что еще можно требовать? Если бы он умер, он не смог бы помогать Хтону в войне с миньонетками, и в этом смысле она бы выполнила свое задание. Вскоре она родила бы сына от своего отца, продолжив обычай...

Язык уже засунул в рот третий сегмент и теперь нацелился на Арло. Тот двигаться по-прежнему не мог. Досада достигла крутого конца хвостовой части, и Атон помог ей забраться на выступ. Арло видел это скорее сердцем, чем глазами вероятно, он улавливал зрительные образы, воспринимаемые другими. Досада подняла топор, который отбросил Арло. К счастью, тот не проскользнул между китомедузой и берегом на дно озера. Они вдвоем пошли прочь.

«Пошли прочь...»

Арло боролся, но яд гусеницы сделал его неподвижным. Миллионы лет эволюции ушли на совершенствование этой сыворотки, и она прекрасно выполняла свою задачу — даже в случае таких чуждых форм жизни, как Арло. Двигаться он мог лишь по приказу мозга гусеницы, причем только его ноги, синхронизированные с метрономом гусеницы. А сигналов не поступало, поскольку не было связи.

Как Бедокур переборол этот наркотик и снова стал человеком — пусть даже сумасшедшим?

Язык шлепнул его по ноге, обвился вокруг, дернул. Арло заскользил по китомедузе ко рту.

«Другой способ...»

Десятисегментный обрубок... он шагал и действовал, хотя у него не было мозга гусеницы! Мозг Бедокура тоже управлял небольшим сегментом. То есть могли действовать и части гусеницы! Если ведущий сегмент все делает верно...

«Я — гусеница, — подумал Арло. — Я иду домой!» И его ноги задвигались. Он был гусеницей, состоящей из одного сегмента.

«Я бегу домой!»

Ноги подхватили быстрый ритм, задаваемый разумом. Они больше не повиновались непосредственному мозгу, подобно половому органу, но, как и тот, находились под влиянием видений, вызываемых разумом. Мозг умен, ноги глупы, их можно одурачить.

Язык китомедузы крепче сжал его ногу и подтянул к выпуклости, окружающей рот, не обращая внимания на движение. Арло почувствовал прогорклые кишечные газы, парившие над ртом, услышал глубоко внутри урчание.

«Моим ногам мешают двигаться. Они должны бороться, чтобы поддерживать мерный шаг».

Ноги дико забрыкались. Свободная нога уперлась в язык, прижав его к ноге пойманной. Еще раз, сильнее.

И уязвленный язык ослаб. Нога выскользнула из петли. Арло покатился вниз под уклон, прочь ото рта, а ноги его по-прежнему работали. Он перевернулся, уткнувшись лицом в черную поверхность, потом перевернулся снова и увидел переднюю часть гусеницы.

Атон и Досада сидели на ней верхом; один у головы, другая — у отрубленного конца.

— Раз... два... взяли! — крикнул Атон, и оба с силой оттолкнулись от стены как раз в тот момент, когда внешний ряд ног двинулся вниз. Потеряв равновесие, гусеница качнулась.

— Взяли!

И длинное тело гусеницы медленно свалилось с выступа в озеро. Многочисленные ноги вспенили воду.

Всплеск был очень громаден. Китомедуза так и просела под дополнительной тяжестью. Какой бы огромной она ни была, сообразил Арло, она должна быть тонкой и плоской, как лист, а не круглой, как булыжник. Не такой объемистой, как казалась. Из рта китомедузы вырвался хрип удивления. После чего язык втянулся внутрь и отверстие закрылось.

Вода хлынула через край. Чудовище погружалось!

Арло, неспособный плыть из-за действия яда, понял, что сменил один вид смерти на другой. Его не съедят, он просто утонет. Сейчас его не спасет и сам Хтон, да Хтону это и ни к чему.

Арло подхватили вдруг чьи-то сильные руки. Атон и Досада плыли к берегу, буксируя его за собой.

Это они спасли его.

Яд гусеницы оказался сильнодействующим. Арло пробивал себе дорогу к сознанию, изнуренный удушающим жаром, — но по-прежнему не двигался по собственной воле. Теперь отказали даже ноги. И

глаза.

Но он мог ощущать, мог слышать. Кто-то гладил его во лбу. Нежное, прохладное прикосновение его матери Кокены: прохладное из-за ее болезни — озноба. Она находилась в своей жаркой пещере и ухаживала за ним, как в те давние времена, когда он был ребенком. Его выручили, здесь он чувствовал себя в безопасности, ему приятно было оказаться в центре ее внимания и давать ей понять, что он в ней нуждается. Она все отдала ради Атона, а теперь Атона теряла.

Приблизились чьи-то шаги и остановились у входа, где, как знал Арло, занавески из плетеного лыка сохраняли тепло, необходимое для выживания Кокены.

— Входи, Досада, — сказала Кокена.

Разум Арло среагировал, хотя тело не смогло. Что делает здесь миньонетка? Ведь, в сущности, эти женщины должны быть врагами!

Послышалось шуршание раздвигаемых занавесок, легкое дуновение, и в пещеру вошла Досада.

— Надень что-нибудь, — с некоторым вызовом сказала Кокена.

Последовал шелест. Это Досада влезала в одно из платьев Кокены — наверняка оно ей узко! — после чего заговорила:

— Я принесла плоды из сада Арло. Ему лучше?

— Пока нет. Но за плоды большое спасибо, — Кокена говорила вежливо, почти официально. — Я знаю, что поход в сад в одиночку для тебя опасен.

— Со мной ходил Атон, — ладонь матери застыла у Арло на лбу — почти в буквальном смысле слова: казалось, она стала мертвенно-холодной. И неудивительно!

Кокена встала.

— Нет нужды сообщать мне об этом.

— Прошу вас... Я *должна* вам рассказать. Я... вот. — Вероятно, Досада что-то протянула Кокене. Арло силился воспринять окружающую среду, увидеть женщин глазами. Что это?

Последовало короткое молчание. Затем:

— Он... дал тебе хвею?

Арло в точности знал, что чувствует мать: он чувствовал то же самое. Если Атон дал Досаде хвею, для Кокены все кончено — и для Арло.

— Он... послал ее, — тихо сказала Досада. — Это... подарок вам. Пожалуйста, примите ее.

«Что? Хвею нельзя так передавать!» Кокена ее взяла.

— Она не вянет. Как это возможно?

— Атон вас любит, — сказала Досада. — Мы в саду ничего не делали. Он сорвал этот цветок, сориентировал на себя. Видите, он не сочетается с моим голубым от Арло. Вы ведь его любите...

— Но как ты ее донесла?

— А как можно нести хвею? Я тоже его люблю.

«Неверно, — подумал Арло. — Хвея любит своего хозяина и любит того, кого любит хозяин, но не может просто так переходить от одного любящего человека к другому. Она, строго говоря, *последовательна*, а не *параллельна*. Ибо когда мужчину любит несколько женщин, рождается соперничество, разрушающее любовь — и хвею. Здесь что-то не так. Хвея должна была завянуть — но не завяла».

Кокена отошла от Арло и приблизилась к Досаде.

«О нет! — подумал Арло. — Они не могут стать врагами... моя мать и моя сестра, двесамых

любимых моих женщины!» — Атон показал мне кое-что, чего я не знала, — нежно проговорила Кокена. — Иди сюда, дитя мое... сядь рядом со мной. Я тебя не задержу. — Ее голос был на удивление мягок.

— Мне неловко, — сказала Досада. — Какое-то странное и страшное чувство, только не знаю, от кого оно исходит: от вас, от Арло или от вас обоих.

— Мой сын в сознании? — спросила Кокена.

«Конечно, Досада знает — ведь она телепатка», — у Арло не было от нее никаких тайн!

Вероятно, Досада кивнула утвердительно, поскольку Кокена продолжила:

— Хорошо, что он тоже это знает.

— Вам известно, кто я такая! — воскликнула Досада с неожиданным жаром. — И известно, чем все должно закончиться! Как вы можете после этого со мной говорить!

Теперь Арло воспринял ее чувства: в основном, переживание блаженства, отчасти — мрачная пропасть. Подействовала, наконец, телепатия, которая стала сильнее из-за отказа обычных его органов чувств. На три четверти человек, он воспринял отрицательные чувства Досады как положительные: на четверть миньон, он принял их такими, каковы они есть. Он и впрямь был смесью двух видов. Однако двойственность наделяла его широтой восприятия, которой иначе у него не было бы, хотя чтобы вникнуть в любое свое чувство, ему требовалось две точки зрения. Хтон мог видеть физические предметы с нескольких сторон, но о такой душевной голографии и не подозревал.

— Я помню твою мать, — сказала Кокена. — Прекрасная женщина — первая любовь Атона. Я никогда к ней не ревновала.

— Я не знала, что мой отец жив! — с болью вымолвила Досада. — Официально он считался мертвым, поскольку был сослан в тюрьму Хтона. Я встретила Атона, но моя убежденность помешала мне узнать его. Когда Арло рассказал мне, что его бабушка — Злоба...

— Успокойся, дитя мое! Мне известно, что ты этого не знала. Когда ты убежала от меня при нашей первой встрече, я догадалась, что ты миньонетка, и уловила во внешнем облике твое возможное происхождение. Я вспомнила, насколько умен дядя Вениамин Пятый, и поняла некоторые из его побуждений. От Атона в тебе было то, что...

— Я не собиралась предавать Арло! Смотрите... я по-прежнему ношу его хвею, и она жива. Я поклялась...

— Знаю, Досада. Понимаю. Позволь мне объяснить о хвее.

Почему Кокена внезапно успокоилась? Сейчас Арло улавливал ее чувства, отделяя их от Досадиных. Они в основном были положительными, лишь отчасти отрицательными — а это означало, что все они возникли как положительные, но были частично перевернуты ее особым восприятием. Она не притворялась, она была уверена и умиротворена.

— Теперь я знаю, что испытывает обычный человек, который любит миньонетку, — сказала Досада. — Я никому не хотела сделать больно, но я не могу обманывать свою природу. Будь Атон мертв, как я думала...

Возникла рябь ужаса, вызванная упоминанием о смерти Атона. Любовь Кокены была сверхъестественна, Арло никогда прежде не обозревал ее глубины.

— Когда Атону было семь лет, — сказала Кокена, — миньонетка Злоба — твоя и его мать — встретила с ним и подарила ему хвею. Тогда-то он и полюбил ее. Много лет спустя он дал эту хвею мне, забыв о ее происхождении. Я не знала, что она принадлежит Злобе, но хвея этого не забыла, и поскольку я любила Атона, цветок остался живым. Даже когда Злоба умерла, хвея жила, ибо не могла понять, что произошло, ведь хвея неразумна. Но когда я вернула хвею Атону, она обнаружила, что его любовь к Злобе иссякла — миньонетка умерла, а он знал о том, что хвея принадлежит ей — и тогда хвея умерла.

Досаде предстояло во всем разобраться.

— Вы знали о смерти Злобы, но не знали, что носили ее хвею, — и цветок жил?

— Да. Хвея любила меня, поскольку я любила Атона, который любил ее истинную хозяйку. В цепочке привязанностей хвея видит не дальше одного звена. Умственное знание человека обо всей цепочке не воздействует на хвею, она должна приблизиться к каждому звену, чтобы понять его своим собственным, чисто эмоциональным способом. Любой разрыв цепочки способен ее убить, если разорвано ближайшее звено.

— Но у хвеи, которую я принесла, нет никакой цепочки...

— *Есть!* Это и показал нам Атон. Хвея не различает виды любви. Обычно ее соотносят с любовью мужчины и женщины, но и отец вполне может подарить хвею сыну или дед — внуку, если он действительно его любит. Порой хвеями обмениваются близкие друзья и подруги, не подразумевая при этом ничего неблагоприятного.

Арло об этом тоже не знал. Хвея жила там, где была любовь — какая угодно, не обязательно обусловленная полом.

— Но я могла лишь *передать* хвею Атона... нерешительно проговорила Досада. — Я-то *знала*, что она предназначена не для меня... — Она смущенно умолкла. — Ведь я ношу хвею *Арло!*

— Да. Это почти так. Ты любишь Атона — и ты любишь Арло. Они оба — твои близкие родственники. Ты — миньонетка, ты должна любить их, того или другого — в зависимости от обстоятельств. А можно любить сразу обоих, и хвея подтвердит это:

— Но сейчас хвея у вас...

— Я отдам ее моему сыну, — сказала Кокена. Она воткнула цветок Арло в волосы, и ее любовь стала буквально осязаемой для него. — Видишь — она не вянет.

— Потому что он любит вас, — сказала Досада. — Я знаю, что и меня он любит. Но чтобы передать хвею от меня к вам... — Она в изумлении прервалась. — *Вы должны любить меня!*

— Ты очень похожа на свою мать, — сказала Кокена. — И на Атона. Много из того, что я люблю в нем, есть отражение его матери — которую я тоже любила. У меня не было дочери...

— Но я же миньонетка!

— Миньонетки тоже люди.

— Но Арло... Атон...

— Мы вступаем в Рагнарек. Если Хтон проиграет, то умру я, ибо нахожусь в зависимости от него. Если Хтон выиграет, то, вероятно, умрем мы все, ибо пещерному существу мы больше не понадобится. Чувствую, что в этой жуткой битве погибнет мой сын. Если Атон выживет, ему лучше всего вернуться на Миньон. Я знаю, что ты позаботишься о нем, когда придет время и меня уже не будет. Он рожден, чтобы любить миньонетку.

Последовало долгое молчание; Арло улавливал постепенно изменяющиеся и усиливающиеся чувства миньонетки. Наконец она спросила:

— Если вы меня любите, почему я не чувствую боли?

— Ты почти нормальна, дитя мое. Далеко не *все* твои чувства перевернуты.

— У меня никогда не было матери...

— Грустно быть миньонеткой. Ты ориентирована исключительно на противоположный пол, причем сексуально, и никогда не узнаешь подлинных радостей семейной жизни. Таким образом модель твоего поведения постоянно усиливается.

— Кажется, теперь у меня есть мать.

— Да...

Силы покинули Арло. Он снова погрузился в бессознательное состояние, но теперь ему было лучше, чем прежде.

— Надо что-то сделать с твоими руками, — проговорил Атон. — Смотри, с них сходит кожа. На заживание потребуются недели.

Арло взглянул на отца. Они находились в доме-пещере. Дальше по туннелю располагалась пещера Кокены, слишком душная и жаркая для нормального уюта. А здесь было славно. Вероятно, его перенесли сюда, когда в болезни наступил перелом.

— Почему вы меня спасли?

Атон и Досада переглянулись. Арло видел и чувствовал их взаимную тягу. Ни один из них не собирался ей поддаваться, но оба испытывали ее силу. Арло надеялся, что они не понимают, насколько хорошо он читает теперь их чувства.

— Ты нам нужен, — сказала Досада. — Мы спасли тебя от Хтона не для того, чтобы уступить китомедузе.

Честный ответ. Все трое понимали положение: нет нужды его пересказывать. Арло осмотрел руки.

— Может быть, перчатки? Они не болят... в сущности, я их почти не чувствую...

— Воздействие яда гусеницы, — сказал Атон. — Проходить оно будет медленно. Мы должны защитить кожу, но у нас нет перевязочных средств...

— Поэтому мы и достали перчатки, — закончила Досада. — У миньонеток. — Она говорила так, словно сама не была миньонеткой, и ее слова звучали вполне естественно. — Вот.

Перчатки? Огромные латные рукавицы! Каждый палец был устроен из скользящих, налегающих друг на друга чешуек и мог свободно двигаться и сгибаться. Мягкая подкладка крепко связывала все воедино. Снаружи перчатки были противоударны: они могли, не погнувшись, выдержать удар молота, а изнутри изумительно удобны: легкие как пух, несмотря на изрядный вес.

— Их носят механики, — объяснил Атон. — У меня были такие на космодрабле, где приходилось заниматься точной работой в условиях очень узкого диапазона, вплоть до смертельных. Можно вдеть нитку в иголку, можно ковать железо... — Он прервался.

— Я знаю, что такое иголка, — с улыбкой ответил Арло. — Металлическая щепка, используемая при шитье одежды. У Кокены они есть. — Он посмотрел на свои руки. Казалось, перчатки сидели на них, как живая плоть. Кожа по-прежнему была онемевшей, но каким-то образом перчатки передавали ощущения от прикосновения внутренним рецепторам, как будто металл мог чувствовать.

Арло хлопнул по каменному полу. Никакой боли. Он стукнул посильнее, по-прежнему не чувствуя особых неудобств. Потом, преодолевая слабость и головокружение, и со всего размаха ударил кулаком по стене. Отвалилась плесень свечения, откололся кусок камня, но отдача в руку была самая незначительная.

— Перчатки Тора... — пробормотал он.

— Мы сохранили лучшие сегменты гусеницы и впрягли их в сани, — сказал Атон. — Кажется, то, что нужно.

Наверняка Атону и Досаде нравилось работать вместе! Но что мог сказать Арло? Они сделали для него сани и сделали их хорошо.

— А чем занимается сейчас Хтон? — спросил Арло.

— Выигрывает войну, — кратко ответила Досада. — Если мы не наведем в ближайшее время порядок, будет слишком поздно.

— Я прослежу за этим, — сказал Арло.

— Только будь осторожен, — предостерег Атон. — Хтон действует без лишних предупреждений.

— Твой глаз! — воскликнул Арло, внезапно догадавшись. — Это предупреждение?

— Как ты его *потерял*? — спросила Досада.

Атон с неохотой ответил:

— Я искал благородные металлы — давно, когда я начал ковать кольца. Мне нужно было податливое золото почти в чистом виде, чтобы обрабатывать его молотком и резцом, а золото трудно было найти. Я исследовал туннели, покрытые льдом и снегом, и обнаружил закрытую область, искусственный тупик, намного ниже обычного уровня. Каким-то образом я понял, что за этой преградой скрывается главная тайна Хтона, и мне захотелось ею овладеть. Я начал пробивать перегородку, как вдруг появилась химера. Я пытался с ней бороться, но тварь двигалась слишком быстро... она выклевала мне глаз и исчезла. Химера легко могла убить меня, но Хтон отогнал ее. Так я получил предупреждение: сторонись запретных тайн Хтона. Так узнал о назначенных мне пределах и впредь не нарушал их. А через несколько дней камнетеска вскрыла рядом с моим домом-пещерой богатую золотую жилу, и я понял, что вместо знания, к которому я стремился, Хтон дал мне золото.

— Один спустился к основанию великого Мирового Древа Иггдрасиль, — проговорил Арло, будто вспоминая сон. — Там он обнаружил источник Мимира, воды которого дарили вдохновение и знание грядущего. За глоток из этого источника Один отдал свой глаз.

— Очень мило, — сказала Досада. Для нее, естественно, так оно и было.

Они показали Арло запряженную козлами повозку. Две огромные камнетески отлично сохранились, их передние конечности были не тронуты, так что они могли бежать на всех четырех. Сани были собраны из гибких деревянных жердей, доставленных с поверхности, и оплетены лыком. Передняя их часть, которую поддерживали камнетески, земли не касалась. Сани располагались наклонно и легко преодолевали любое препятствие. К задней части было прикручено лыком сиденье из сталактита с мощными поручнями. Оно напоминало трон.

Арло забрался на него и взял поводья.

— Козлы еще не объезжены, — предупредил Атон. — Стоит им разбежаться, и их не остановишь, так что особо не усердствуй. Тебе придется с ними поработать, чтобы они ориентировались на тебя.

— Конечно, — сказал Арло. Теперь ему было гораздо лучше. Он хорошенько потянул поводья.

Две камнетески рванулись по туннелю. Атон и Досада отскочили в сторону, а то их бы растоптали. С угрожающей скоростью проносились мимо стены пещер.

— Тпру! Тпру! — закричал Арло, но камнетески мчались еще быстрее. Они еще не усвоили смысл и порядок команд, и к тому же были очень сильны.

Сани подсакивали на неровностях. Вот камнетески перескочили через узкий ручей, сани за нами. Казалось, что они летят. Поначалу езда вызывала у Арло страх, во вскоре он понял, что ноги камнетесок устойчивые: они не врежутся в стену и не упадут со скалы.

Отлично. Пусть напрягут все свои силы. Арло обнаружил, что может править, дергая поводья в ту или иную сторону, поскольку удила были вдеты камнетескам в пасти. Он сам почувствовал боль, переданную ограниченным сознанием животных. Арло повернул к пещерам-воздуходувкам, где разбили свой лагерь миньонетки.

Путешествие, которое пешком заняло бы несколько часов, на саних пролетело гораздо быстрее. Более того, он прибыл в лагерь более свежим, чем выезжал — ограниченные движения восстановили его силы. Арло сосредоточился на сознании камнетесок и, усиливая телепатическую связь, знакомил их с собой, как будто был ведущим сегментом гусеницы. В каком-то смысле так оно и стало. Его миньонский, хтонический и гусеничный опыт внесли свой вклад в его власть. Уставшие наконец камнетески охотно подчинялись его командам. Так как приказывать в уме оказалось проще и действеннее, Арло снял удила, а поводья оставил разве что, для формы. Теперь никто, кроме него, не сможет управлять этими изумительными животными?

В лагере его встретила Боль. Она знала, что должна наладить с Арло связь взаимодействия.

— Мы слышали, у тебя неприятности.

— Чутьочку позабавился с гусеницей. Теперь уже лучше. Насколько я понимаю, у вас и самих неприятности.

— Мы потеряли треть войска, — сказала она. — Можно, конечно, восполнить его, но неограниченно растрачивать силы, да еще с такой скоростью, мы не можем. Население Миньона не беспрельдно, а миньонеток заменить трудно.

— Поедеш со мной, — сказал Арло. — Я хочу осмотреть пещеры.

Боль изячно уселась к нему в сани. В ее облике и поведении было то, что отличало ее от Досады, демонстрируя, что она — уже зрелая полнокровная миньонетка, а не девчонка. Она была привлекательна и изысканна.

— Твои животные устали, — заметила она.

Арло наклонился со своего кресла и поцеловал ее, впитывая ее красоту, так напоминавшую Досадину, и все же столь соблазнительно иную. Боль в изумлении открыла рот и откинулась назад, едва удержавшись в санях.

— Ты хочешь меня убить? — Вопрос не был риторическим или шуточным: Арло нанес ей жестокий удар.

— Мне нужно, чтобы они устали, — сказал он. — Я их объезжаю.

— Если я показалась тебе снисходительной, то впредь такой не буду, — сказала Боль.

Она верно поняла его желание — Арло хотел объезжать и миньонеток. Он не мог гневно их наказывать, но мог по забывчивости целовать.

— Твари Хтона организованы и находятся теперь под общим командованием, — объяснил он. — Мы сможем одолеть их, если будем организованы еще лучше. Вы можете установить друг с другом телепатическую связь?

— До некоторой степени. Смерть одной из нас причиняет боль всем, среди нас самих переворачивания эмоций нет. Поэтому мы и стараемся подавлять телепатию.

— А мне кажется, что переворачивание *есть*, — сказал Арло, — только двойное, сводящее себя на нет. Вы передаете, переворачивая, и, переворачивая, принимаете.

Боль кивнула:

— Кажется, ты становишься умнее.

— За последние несколько дней я многому научился и кое-что узнал о телепатии. Вам надо ее усилить, а не подавлять. Миньонетки должны быть объединены. — Он оглядел пустые туннели-воздуходувки. — Прежде всего я хочу организовать безопасную базу для военных действий.

— Часовые стоят у нас на каждом...

Арло бросил на нее любящий взгляд, подкрепленный импульсом положительных чувств. Она вздрогнула.

— Что у тебя на уме?

— Любое живое существо в пещерах, кроме людей, — исполнитель воли Хтона, — сказал он. — Не только гусеницы и камнетески, но и саламандры и псевдомухи. Надо полностью очистить один участок от всех живых тварей. Тогда мы сможем втайне готовить наши военные планы.

Боль кивнула, и это движение послало по ее волосам цветную волну. Ему пришло в голову, что здесь, в зеленом свечении пещер, волосы миньонеток не должны казаться огненно-красными, но они были именно такими. Вероятно, образ этот создавали не только его глаза, но и мозг: еще одно маленькое чудо телепатии.

— Можно сделать это в районе старой тюрьмы, — предложила она. — Там есть несколько подходящих мест. Мы используем несколько узников в качестве слуг. Их тоже убрать?

Арло послал ей взрыв гнева, чтобы засвидетельствовать свое удовлетворение, и Боль улыбнулась.

— Ты умеешь с нами обращаться, — пробормотала она.

На протяжении нескольких часов они опечатывали верхние пещеры и отлавливали там всех существ — и людей, и животных.

— Теперь мы в безопасности, — сказал Арло. — Пора привести ванов.

— Ванов? — в смущении спросила Воль.

— Галактических союзников, — объяснил он. — В скандинавской мифологии ваны — низшие божества, воевавшие с надменными асами. Борьба была равной, и асам пришлось наконец заключить с ними мир и на равных ввести ваны в Асгард. Богиня Фрейя, первая жена Одина, происходила из ванов. Она была валькирией. Новые боги, вроде Тора, рождались от брачных союзов асов и ванов, и всякое различие в конце концов исчезло.

— Валькирия... миньонетка, — пробормотала Боль. — Девы-воительницы, сопровождавшие мертвых в Валгаллу. Очень мило.

— Ванам могли бы стать нечеловеческие цивилизации галактики: лфэ, ЕеоО, ксесты. — Он перечислил главные особенности трех галактических союзников. — Я узнал о них от Хтона. Мои сведения верны?

— Да. Хтону, похоже, известно очень многое.

— Подвержены ли они миксе?

— Кажется, да. Трудно...

— ...работать с иномирянами, — закончил Арло ее фразу. — У них свои пути, потребности и вожди. — Он замолчал. Они остановились возле главного лагеря, и миньонетки столпились вокруг, слушая его. — Что ж, теперь они знают, какова ставка в этой игре. Если мы проиграем битву в пещерах, вся галактика разделит нашу участь. Мне открылось это в видении будущего. На уничтожение жизни в галактике потребуются тысячелетия, но оно неизбежно, и нет никаких надежд на восстановление.

Скажи вanam, что я беру на себя командование силами Жизни, поскольку только я знаю, как успешно противостоять Хтону. Ваны будут получать приказы от меня. Пусть их отряды придут сюда, в безопасные пещеры, в течение двенадцати часов. Все это время — никаких вылазок за пределы лагеря. — Он с улыбкой оглядел миньонеток. — Я займусь нежнейшей любовью с каждой женщиной, нарушившей мой приказ.

Арло сосредоточился на их роскошных фигурах, вообразил Досаду и своим восставшим половым органом дал всем понять, что он их не обманывает, хотя делал именно это. Угроза оказалась действенной: услышав его любовные обещания, миньонетки отпрянули в стороны с выражением испытываемой боли. Каждая из них с радостью была бы им изнасилована, но боялась его нежной любви.

— Мы подготовим несколько тайных выходов в главные пещеры, — продолжал Арло. — Погасим огонь в одном из факельных туннелей — надеюсь, вам удастся достать огнетушители и пожарные костюмы, — и спустим отряд через тыловые туннели. Нам потребуется несколько глубоких и узких скважин в полу. Нужны буровые установки. Доставьте их сюда через три часа.

Никто не задавал ему вопросов. Миньонетки разошлись. Арло отпустил камнетесок пастись, а сам прилег вздремнуть. Он понимал, что глупо растрачивать себя до начала настоящей битвы, ведь он еще не совсем поправился.

Ему снилась Валгалла — чертог в Асгарде, где пировали боги. Тор веселился там вместе со своим отцом Одином, верховным богом, а с ними были Фригга, златовласая Сифь и низшие боги.

Вдруг появился Локи.

— Пируй вместе с нами! — пригласил его Один.

Но Локи колебался.

— Почему я должен пить с тем, кто наставил рога своему бестолковому сыну? Думаете, я не знаю всех ваших тайн, лицемеры?

Арло проснулся в холодном поту. Чем в это время занимались Атон и Досада? Сейчас они находились

за пределами его телепатических возможностей.

Его взгляд уловил какой-то сигнал. Он присмотрелся и обнаружил стоявшего рядом с Болью ксеста. Он был точно такой, как в видении: на восьми длинных ногах, шарообразное тело чуть больше человеческого кулака. Он был ярко-оранжевым. Вероятно, об этом сообщило Арло видение, но в реальности цвет его удивил. Он тут же осознал, что это был цвет напряжения: тяготение здесь было для ксеста больше обычного, и иномирянину приходилось предпринимать постоянные усилия, чтобы к нему приспособиться. Этикет же требовал, чтобы Арло не обращал на это внимания.

— Извини, что разбудили тебя, — сказала миньонетка. — Я говорю от имени ксеста. Он такой же телепат, как и мы, только намного сильнее. Я перевожу его сигналы.

Оказалось, что большую часть мыслей этого создания Арло понимал непосредственно, но решил этого не показывать. Он плохо знал галактический язык знаков, не имея возможности поупражняться с галактическими существами, поэтому перевод был ему весьма полезен. Он сообразил, что затевается нечто важное.

— Продолжай.

— Тебе на ум давит нечто, внушающее отвращение.

— Конечно? — согласился Арло. — Рагнарек, битва всех времен.

Ксест засигналил, и Боль вновь заговорила.

— Бедокур... Локи... Хтон... Они вошли тебе в разум, когда твоя бдительность ослабла. Чтобы усилить раскол...

Арло прищурился:

— Ты хочешь сказать, что мой сон не мой, собственный?

— Именно. Он послан тебе врагом.

Арло кивнул. Он *знал*, что его отец и сестра не предавали его. Оба были цельными личностями, хотя не всегда легкими, а уж он-то вник в их души. Антагонистом, его противником был доктор Бедокур, ныне организатор армии Хтона. Очевидно, Бедокур хотел, чтобы Арло покинул лагерь Жизни и побыстрее вернулся в дом-пещеру. Почему?

— Прибыли представители других ванов, — сказала Мука.

— Введи их. — «Вопрос о Хтоне придется отложить».

Вошли одно лфэ и одно ЕеоО. Первое походило на кучу растресканных булыжников с воткнутыми в них наобум палками. Второе напоминало полупрозрачную лужу воды, которая странным образом не нуждалась во вместилище. На просвет оно казалось нежно-голубым.

Лфэ сразу же перешло к сути. Боль переводила его не допускающие возражения сигналы:

— Мы правим половиной галактики. Люди правят десятой частью. Мы не принимаем предложенного вами командования.

Арло улыбнулся так, что миньонетки были вынуждены улыбнуться вместе с ним.

— Вы обрели способность ослабить невзрывную волну?

Лфэ неловко задвигало своими булыжниками.

— Пока нет, — перевела Боль.

— Сможете ли вы ослабить ее в течение четырнадцати земных дней, начиная с сегодняшнего?

— Такого рода вещи требуют времени.

— Время уходит, — сказал Арло. — Нас ждет Рагнарек. Если мы не покорим Хтона до этого срока, над планетой пройдет волна озноба и даст Хтону возможность создать волну, соединяющую фтор с кислородом. Эта волна, известная как сверхозноб, уничтожит всю жизнь в галактике за пределами этой планеты — и, вероятно, здесь тоже, поскольку неорганический разум вряд ли нуждается в местной жизни.

Он воспринимает нас как зловонную слизь, как чуму на священном теле галактики. Ни один микроб не переживет озноб. Жизнь навсегда вымрет.

Вы не сможете противодействовать этой волне, поскольку прекратите свое существование. Я — единственный, кто укажет путь к тайным глубинам пещер Хтона, чтобы разрушить передающее устройство, а чтобы сделать это, необходимо разрушить самого Хтона, ибо Хтон и *есть* это устройство. Готовы ли вы рискнуть и проникнуть в эти глубины или научиться сводить на нет невзрывное поле с тем, чтобы в нужный момент взорвать планету?

Теперь просигналило ЕеоО. Как оно сигналило, Арло сказать не мог, но Боль перевела:

— Ваша кампания бесполезна.

Арло повернулся к нему лицом. Его взгляд прошел сквозь прозрачную сердцевину. Удивительно, как это существо может существовать без каких-либо видимых органов, нервов и костей?

— Почему?

— Хтону о ней известно. Управляемая Хтоном жизнь пропитывает эту пещеру.

— Миньонетки заверили меня, что это не так, — сказал Арло. — Наша беседа носит сугубо частный характер.

ЕеоО заколыхалось, а у Боли отвисла челюсть.

— Свечение! — воскликнула она.

Арло хлопнул рукой по лбу. И зря, поскольку рукавица отвесила ему мощную затрещину.

— Свечение?

Конечно же ЕеоО право. Зеленое свечение покрывало все стены, без его мерцания они бы ничего не видели. Но свечение являлось органическим веществом. Если его выжечь, пришлось бы зависеть от искусственного света, что необычайно усложнило бы кампанию. В любой схватке силам Хтона достаточно убрать освещение, чтобы получить решительное преимущество. Они уже и без того побеждали.

Нет, вероятно, что-то не так. Если силы Жизни зависели от свечения, от него зависели и живые силы Хтона. Возможно, в темноте борьба стала бы равной. И все-таки это плохо.

— Пещерное существо знает, что у тебя на уме. — Воль продолжала переводить покачивания ЕеоО. — Ты был ближе к нему, чем любое нормальное разумное существо. Твое командование войском означает, что Хтон имеет дело с известным ему разумом. Вот почему он не действует против тебя, а лишь стремится искусно тобой руководить. Он предпочитает тебя, чем какую-то непроанализированную им форму жизни.

— Например, лфэ? — сухо осведомился Арло.

Ему не понадобился перевод, чтобы уловить согласие обоих существ. Однако он был уверен, что уступка командования означает провал. Он должен убедить их признать себя.

Как? Его отец был умнее: Атон мог бы поспорить с этими упрямыми иномирянами и выставить их на посмеище. Арло не хватало его образования, находчивости, миньонского сарказма. К тому же побуждения Арло ставились под сомнение, поскольку Хтон явно был заинтересован в том, чтобы у власти стоял он. Действительно ли Арло сам себе хозяин, или он служит делу Хтона?

Неважно. Господство иномирян в кампании означало определенную неудачу. Во главе войска должен стоять Арло. Возможно, он не Атон, но он вполне представлял себе, как с этим справился бы Атон. Имелись маленькие хитрости. Вряд ли они сработают на Арло, но попробовать стоит.

Его разум расширился и как бы связался с разумом отца. Возможно, это был обман чувств, но уверенность Арло резко возросла.

«Испытай их на временной шкале, сынок».

— Сколько времени потребовалось лфэ на заселение половины галактики? — спросил Арло.

— Примерно полмиллиона лет, — ответила Боль.

— А мы, люди, заселили десятую часть галактики за триста лет, — сказал Арло. — Почти в три тысячи раз быстрее, к тому же нас сдерживало отсутствие незанятых планет. Это вам что-нибудь говорит?

— Стремительная скорость, — последовал ответ.

«Оно пытается острить. Прижми его к стенке. Заставь дать ответ».

— Какого рода существу вы поручили бы покорение трудной планеты за четырнадцать дней?

— Мне нужно время на обдумывание, — просигналило лфэ.

«Один готов. Не дай удрать другому!»

Арло обратился к ЕеоО:

— Я ясно выразился?

— Вероятно, в вашем мозгу вопросы Хтона, — ответило ЕеоО.

«Это существо похитрее. Взови к его разуму».

— Но если Хтон наилучшим образом знает мой мозг, то, очевидно, верно и обратное. *ЯзнаюХтона наилучшим образом.* — Для пущей убедительности Арло наклонился вперед, хотя не был уверен, что это телодвижение что-нибудь значит для иномирян. — Это вроде шахмат. Боль, переведи эту метафору, чтобы они поняли, наверняка у них есть похожие игры, где все фигуры и все ходы видны обоим игрокам. Для тайн места не остается. Выигрывает обычно более сильный, самобытный, решительный игрок.

— Ваше мнение спорно, — просигналило одно из существ. Арло не был уверен которое, так как лфэ, ЕеоО и ксест задвигались одновременно. Но положение для удара было удобное, поскольку Арло уже замял вопрос о зеленом свечении.

«Что бы сделал Атон? *Контратака!*» — Разве вы измените свое мнение? Разве кто-нибудь из вас отправится в темные глубины Хтона, чтобы победить планетный разум у него дома? Мои шансы на успех могут показаться вам ничтожными — зато ваши, в сущности, равняются нулю. По крайней мере, у меня есть определенное представление о правилах игры.

Трое существ не сигналили.

«Добивай!»

— Ну хорошо, — живо проговорил Арло, словно они уже формально признали его назначение. — Мы не способны действовать в полной тайне, но если Хтон не может читать мои мысли, он не узнает, как я намереваюсь использовать ваши отряды. Если моя стратегия будет самобытной и правильной, Хтон не сумеет ей противостоять. Я могу просить вас делать дурацкие на вид вещи. Не подвергайте их сомнению: они могут оказаться дурацкими только для того, чтобы скрыть мои подлинные намерения. Оставляя Хтона в неведении о подробностях моей кампании, я могу надеяться его одолеть. Теперь мне необходимо, чтобы вы спустили вниз буры и пожарное оборудование и выполнили все так, как я объяснил раньше миньонеткам.

Лфэ и ЕеоО сделали движение, очень похожее на человеческое пожимание плечами, и отбыли. Наблюдение за тем, как они двигались, давало богатый опыт: одно, похоже, кувыркалось, словно горные обломки по склону, другое изящно скользило на своем пастельных оттенков основании.

— Тебе повезло, что они не телепаты, — пробормотала Боль. — Если бы они уловили твое сомнение...

— Напоминай мне, чтобы я не пытался обмануть ксеста, — сказал Арло.

— Чтобы снова заслужить твой поцелуй? Вспоминай об этом сам!

Арло улыбнулся, заставив Боль поморщиться.

— В сущности, мне лучше не кривить душой с представителем ксестов.

— Нет нужды, — сказала она. — Ксест понимает. Ксест чувствует, что ты самый способный руководитель для этого предприятия.

— Ксест начинает мне нравиться, — сказал Арло. Тут ему пришло в голову что-то другое. — Ксесты...

они ведь пользуются тафисами, не так ли?

— Да. Они их ввозят...

— Пусть доставят сюда приличный запас тафисов. Тафисы могут пригодиться нам в случае нашего поражения.

— В случае?..

— Как бы тебе понравилось еще одно страстное объятие?

Боль без лишних слов ушла. Ксест просигналил добрые пожелания и последовал за ней.

Вскоре прибыло оборудование.

— Что это такое? — спросил Арло, рассматривал некий инструмент с Ксеста. — Похоже на молот.

— Отбойный молоток, — перевела Боль. — Конечности у ксестов не так сильны, как у большинства других существ, особенно на поверхности с большим тяготением. Силу ксестов увеличивают посредством особых орудий. Этим молотком один ксест может без особого труда раскрошить скалу.

— Могу ли воспользоваться им я?

— Вероятно, да. Просто держи его крепче и нажимай на кнопку на рукоятке. Он колеблется со звуковой частотой.

Арло попробовал. Он приложил молоток к стене и дотронулся до кнопки большим пальцем рукавицы. В месте соприкосновения камень превратился в пыль.

— Шикарно, — сказал Арло. — А есть модели побольше?

Ксест достал разновидность молотка, боек которого был размером в два кулака Арло. Он попробовал и с одного удара пробил в стене дыру размером со свою голову. Очевидно, взрывом это не считалось, иначе вмешалось бы подавляющее поле Хтона. Могучий молоток!

— Молот Тора, — сказал Арло.

— Теперь Хтон, ясное дело, знает, чем мы занимаемся, — сказал Арло миньонетке. — Так что будем действовать согласно плану. А пока я подремлю. — И он лег на камень.

Боль молча глянула на него.

— Возьми меня за руку, — сказал Арло. — Навей на меня сон. — «Быть может, сновиденье...» Она опустила на колени и взяла его за руку. Арло отпустил поводья своей душевной суматохи и мрачных предчувствий, зная, что для нее они — сладостная музыка. Он вел силы Жизни к беде, и у него не было встречного замысла. Что он должен делать?

Боль гладила прохладной рукой его лоб.

— Милый мальчик, — пробормотала она.

Вскоре он заснул.

— Он не вернулся, — сказала Досада. — Жизнь проиграна, как ей и суждено в Рагнарек. Кокена заключена в свою пещеру. Что нам остается в эти оставшиеся часы?

— Любовь, — сказал Атон. — Как и суждено. — Он обнял ее.

Арло, дернувшись, проснулся.

— Я еду домой!

Боль удержала его.

— Не принимай сейчас никаких решений. Ты обезумел от наведенного на тебя сновидения.

— Пойди посиди на сталагмите — на самом остром, — огрызнулся Арло. Он мысленно позвал сегменты — двух своих козлов.

— Конечно, совет — это проявление дурного вкуса, — осторожно произнесла Боль. — Но стоит ли она

того? Скоро начнется битва, ты нужен здесь. У нас есть женщины, очень похожие на твою миньонетку и гораздо опытнее. Они утешат тебя.

— Мне это известно. Поедешь со мной. Приведи по одному от каждого вида ванов... нет, доставь четырех ЕеоО, по одному каждого пола. Я отказываюсь командовать армией Жизни в пользу предводителя Лфэ.

— Лфэ? — теперь Боль встревожилась. — Ни малейшего воображения! Совершенно очевидные мысли, ответный удар станет для Хтона детской игрой!

— Если ты не едешь, я отправляюсь один!

Она побежала за ним.

— Арло, какой ты милый! Я едва удерживаюсь, чтобы не обнять тебя. Но неужели ты не понимаешь: этот сон вложил тебе в голову Хтон! Я была с тобой, я это чувствовала. Это же уловил несколько раньше ксест! Когда ты спишь, твоя бдительность ослабевает!

— Если бы я мог сделать тебе больно, я бы это сделал! — сердито проговорил Арло. — Но сейчас это невозможно. — «Проклятое переворачивание — мой гнев, ее блаженство!» — Заткнись-ка лучше и пригласи ванов.

— Остановись и одумайся! — крикнула Боль. — Хтон *хочет*, чтобы ты ушел отсюда и вернулся к себе в дом-пещеру. Ты подыгрываешь ему.

Арло подошел к своим камнетескам, которые тут же перестали жевать и поспешили к саням.

— Открывай главный выход!

— Нет.

Он в ярости ударил ее тыльной стороной ладони по лицу. Боль без вреда для себя приняла удар, не в силах подавить улыбку чисто животного удовольствия. А ведь ей надо было убедить его логически.

— Мы не пустим тебя в ловушку Хтона?

Арло вскочил в сани и с проклятьями принялся возиться с незнакомыми узлами. Наконец распутал поводья и пустился в путь. Доехав до замурованного выхода, слез с саней, поднял свой огромный молот и пробил в свежей извести сквозную дыру.

К тому времени, как он закончил, вернулась Боль вместе с ксестом, крупным лфэ и четырьмя полупрозрачными элементами ЕеоО: голубым, зеленым, желтым и розовым.

— Если ты жаждешь гибели, мы будем твоими телохранителями, — заявила Боль, и они всей кучей погрузились в сани.

— Располагайтесь, — Арло хлестнул поводьями, хотя на самом деле отдал приказ в уме — удила ведь он снял. Две камнетески, насытившиеся за время отдыха, резко взяли с места. Сани потяжелели от веса всей компании, и даже лыко провисло, но камнетески были настолько мощны, что, похоже, не обратили внимания на разницу. Сани с головокружительной скоростью понеслись по туннелям.

Пока они ехали, Арло прошептал Боли на ухо:

— Вряд ли Хтон слышит, как мы сейчас разговариваем, или читает твои сигналы, и мы узнаем, подвержен ли миксе кто-либо из нас. Надеюсь, вы все понимаете, что я привел вас не к безумию, а к судьбе.

Боль переводить не стала.

— Знаем, — мрачно согласилась она.

— В таком малом составе мы — острое клина вторжения. Главное войско — только уловка, диверсионная группа.

— Понятно. — Похоже, она была удивлена.

— Попавшись для виду в ловушку Хтона, мы приведем его в благодушное настроение. Вскоре мы

встретим засаду. Прежде чем ловушка захлопнется, мы ускользнем из нее, как бы случайно. Теперь давай поговорим о ЕеоО.

Боль просигналила четверем полупрозрачным существам.

— Вскоре мы минувем ряд сухих дыр, — сказал Арло. — Это древние вытяжные отверстия, давным-давно бездействующие. Они узки и изгибаются в камне, так что ни одному твердому живому существу по ним не пробраться. Но жидкое могло бы — а дыры сходятся в пещере в самой сердцевине планеты. Неподалеку от порождающей волну электрической схемы Хтона.

Боль просигналила, затем выдала ответ:

— Мы понимаем.

Сани подъехали к вытяжным отверстиям.

— Если я остановлю камнетесок, мы себя выдадим, — сказал Арло. — Придется ЕеоО прыгать.

Существа «Е», «е», «о» и «О», как мячики, подпрыгнули вверх и покинули движущиеся сани. Они приземлились, подскочили и покатались по камню. Вскоре они превратятся в жидкость, просочатся по каналам и вольются в глубочайшие пещеры, которые Хтон считает неприкосновенными. Но Арло узнал больше, чем сообщил ему Хтон во время их взаимодействия: ему была известна не одна тайна тайн.

Немыслящие в жидком состоянии «Е» и «О» должны приумножить новые разумные экземпляры. Немного везения — и новые крошки ЕеоО, возникающие из порождающей лужицы, сумеют разрушить электроконтуры Хтона прежде, чем неорганическое существо сообразит, в чем дело...

— Теперь лфэ, — сказал Арло. — Сможете ли вы разъединиться и преобразоваться в два или более существ в какой-нибудь необозреваемой пещере?

— Да, — перевела Боль. — Это не совсем обычная процедура, но в случае необходимости...

— Вскоре мы минувем главную газовую расщелину планеты, — сказал Арло. — Газ отсюда поступает к огню вблизи тюрьмы. Если вам удастся поджечь саму расщелину, термальная экология Хтона будет нарушена. Животные испугаются, сбросят, вероятно, управление Хтона, и пострадают сами контуры неорганического разума.

— Я попробую, — просигналило лфэ.

— Здесь, — сказал Арло.

И лфэ соскочило, рассыпавшись при ударе о камень на куски хлама.

— Теперь ксест. Мы приближаемся к вероятному месту засады. Попробуем едва-едва не попасться в нее, отвлекая Хтона от действий ЕеоО и лфэ. Вы взяли тафисов?

— Да, — просигналил ксест. Сейчас он был ослепительно оранжевым.

— Разморозьте их побыстрее. Даже Хтону потребуется какое-то время, чтобы справиться с голодными турлингскими афисами, а между тем они превосходно отвлекут его от нас. Бросим их на пути наших преследователей.

— Но тогда мы не сможем...

— Не беспокойтесь. В нашем положении ограничения с личного долга сняты. Вы можете — и вам придется! — воспроизводиться как можно плодотворнее. Надеюсь, ваши части быстро преобразуются в разумные существа?

— Практически мгновенно. Поэтому нам нужен тафис, ибо он действует быстро, не разделяя кого-либо на части. Некто не желает без него обходиться. Ты уверен?..

— Каково ограничение на долг ради спасения всей жизни в галактике?

— У нас иной способ оценки, — ответил ксест.

А Боль добавила от себя:

— Их философия настаивает на ограничении распространения жизни, чтобы не растратить их

естественные богатства.

— Чтобы их ограниченное население могло жить в достатке, — сказал Арло. — Но для этого должен хоть *кто-то* выжить. Не смогут ли эти *кто-то* вычеркнуть долги, которые вы наделаете неограниченными делением? Не смогут ли они *взять на себя* ваш долг в качестве цены за возможность жизни?

— Ты изложил все на удивление убедительно, — ответил ксест.

Возможно, и так — или просто ксест проявил вежливость к дикарю? Что ж, Арло получил молчаливое согласие, этого было достаточно.

— Наши ударные войска уже выступили. Задача оставшихся — как можно более зрелищно отвлечь Хтона, который должен поверить, что *мы* и представляем собой ударные войска. Он будет пристально наблюдать за нами, неуверенный в том, одурачен ли я сновидением. Его неуверенность — наше преимущество.

— Возвращение в дом-пещеру вряд ли отвлечет Хтона, — сказала Боль. Арло не понял, переводит ли она ксеста или говорит сама за себя. — Лучше совершить непосредственное нападение, которым нельзя пренебречь.

— Да, — согласился Арло. — Это неплохо, хотя я его не планировал. — Он сообразил, что это, скорее всего, означает, что он больше не увидит ни Досаду, ни своих родителей. Но война есть война, и ему надо выполнить свое желание. — Есть области пещер, запретные для меня. С этими перчатками и молотом я смогу туда пробиться. Это встревожит Хтона, и нам предстоит чудовищная схватка.

— Это наша цель.

— Я чувствую засаду между нами и домом-пещерой. Волкообразное существо.

— Судя по облику в твоей душе, одолеть его будет нам нелегко, — перевела Боль ксеста. — Лучше избежать.

— Я жажду размозжить его череп молотом, — заявил Арло. — Поэтому, в интересах непредсказуемости, делать этого я не буду. Мы трусливо удерем.

Боль положила ладонь на руку Арло:

— Твое настроение тебе идет.

— Естественно! — сказал он чуть сердито. Он направлял сани по знакомым туннелям, страхась их запретной природы и наслаждаясь ей. Один из них — почти вертикальная охладительная шахта, куда движущийся воздух всасывался через входную трубу, и где он быстро расширялся и охлаждался. Это не была та ледяная река, где он играл с Досадой, а совершенно другое место. Стены и потолки были покрыты кристаллами, узорами инея, а пол представлял собой узкий ледник.

— Здесь некто никогда не разморозит тафисов, — пожаловался ксест.

— Немного терпения, — сказал Арло. Вскоре они выехали на открытое место и тут же попали в настоящую метель, а затем оказались внезапно в теплом боковом туннеле — и в тупике. Камнетескам пришлось остановиться.

— Я нареку эту пещеру Глазом Одина, — высокопарно произнес Арло. — Лишь недавно я узнал о ее значении, хотя бывал здесь и раньше. — Он слез с саней, держа в руке молот. — Вы оба телепаты. Если появятся хтонические твари, — а к этому все идет, — предупредите меня.

— За стеной находится какое-то существо, — сказала Боль. — Я чувствую его; крупное, очень крупное, преданное. Ксест говорит, что это самое могучее животное в пещерах планет и полутелепат. Приближаться небезопасно.

— Очень любопытно, — сказал Арло. Он уловил те же самые излучения. — Наверное, тайное оружие Хтона.

— Оно может нас уничтожить.

— Передовая линия нашей обороны — тафисы.

— Здесь по-прежнему холодно, — перевела Боль ксеста. — Пройдет какое-то время, пока личинки оттают. А когда они...

— Знаю. Видел, как они действуют.

Боль приподняла бровь:

— Ты бывал в космосе?

— В видении. Я видел будущее — когда Хтон победит. Хотел бы я увидеть, что это будущее никогда не наступит. — Он сжал кулак — не в ярости, а сосредоточенно, и заметил, как чешуйки перчатки плавно скользят одна по другой независимо от того, с какой силой они сдавлены. — Ну что ж, подождем тафисов. Боль, будешь охранять камнетесок. Неизвестно, что мы найдем, знаем только, что нечто крупное и опасное. А главное — превосходное отвлекающее средство.

Ксест подошел и встал рядом с ним. Арло принялся бить по стене молотом, быстро рассыпая ее в пыль. Вскоре он пробил дыру, достаточно большую, чтобы через нее пробраться.

Они вошли в круглый туннель, метров пятнадцати в поперечнике. Здесь стоял прогорклый запах, как близ логова дракона. У Арло возникло сверхъестественное ощущение чего-то знакомого.

— Давай его выманим, — сказал Арло. — Хочу *поглядеть* на это создание.

Он вообразил в уме огромную, жирную заблудившуюся камнетеску: идеальная добыча для крупного хищника. Внезапно камнетеска стала почти осязаемой. К его усилиям приложился и ксест!

Скрывавшийся где-то некто огромный ее заметил. Чудовище-телепат из туннеля восприняло образ и почувствовало голод. Арло уловил, как началось громоздкое передвижение.

Оно испугало Арло. Существо было слишком крупным, слишком грозным. Однако оно служило Хтону оружием, и Арло должен был его понять, узнать его слабости, чтобы силы Жизни смогли его уничтожить. А чтобы отвлечь внимание Хтона, он хотел устроить действительно нечто жуткое. И продолжал ждать, воображая вместе с ксестом жирную камнетеску, настолько растерявшуюся, жирную и настоящую, что у него самого потекли слюнки.

Стены задрожали. И вдруг Арло понял: это огромный лабиринтный дракон, с карликовой разновидностью которого он повстречался, когда нес на себе Досаду. Сеть его туннелей... насколько велик ее охват?

Он увидел узор из нитей внутри шара и сообразил, что эту картину вложил ему в голову ксест. Телепатия у ксеста оказалась сильнее, чем у миньонетки: он мог создавать непосредственные информационные изображения. А эта картина сообщала, что *лабиринтдраконохватывает всю планету*.

Какое чудовище? Его необходимо было убить, поскольку оно могло истребить целую армию миньонеток. Будучи телепатом, оно способно было выследить в пещерах любое разумное существо — дай ему только волю! А Хтон ни разу и не намекнул Арло о нем: оружие про запас.

А почему, собственно, Арло должен удивляться? Хтон мог заставить единственную в своем роде хвему расти, скрещиваться и мутировать в пещерах. Увеличение размера чудовища и без того жуткой породы вполне в силах неорганического разума.

Конечно, эта тварь не могла пролезть через большую часть туннелей, но все же представляла собой слишком опасную угрозу, чтобы ей пренебрегать.

Убьет ли дракона молот? Сумеет ли Арло с достаточной силой ударить в жизненно важную точку? Наверняка у чудовища где-то был мозг, и если его раздробить...

Камнетеска-добыча заколебалась. Ксест устал. Его телепатия была сильнее, но не могла действовать долго. Арло, напротив, мог телепатировать неограниченное время.

У него в голове возникла новая картина: искусно сработанный пояс или ремень, излучающий мощь.

Пояс силы Тора! Ксест говорил, что у Арло он есть, но его не было. Что он имел в виду?

Но когда ксест выдал новые быстротечные образы, Арло понял. Яд гусеницы! Не отравы, а

возобновитель, оживляющий вновь включенные сегменты для того, чтобы они не становились обузой целому. Это вещество воздействовало на организм, особым образом его укрепляя, чтобы сделать из него неутомимого ходока. Но сейчас оно делало его сильнее в другом отношении — увеличивало душевную выносливость. Он и впрямь обладал поясом силы — последним из даров Тора.

Теперь стены тряслись настолько неистово, что Арло с трудом стоял на ногах. Он прислонился к узкому выступу, образованному пересечением главного туннеля с его ответвлением, поднял молот и ждал. Дракон вряд ли сможет затормозить вовремя: надо попасть с первого удара.

Здесь наверняка водилось много животных, если такая туша могла себя прокормить. Однако вход был загражден. Как животные проникли сюда? Вероятно, проникать было *и не надо*: Хтон лишь недавно закрыл этот участок — в последние дней двадцать — и поймал достаточный запас мелких животных. По крайней мере, до Рагнарека.

Знал ли дракон, что, когда война между Смертью и Жизнью закончится, он сам будет погублен?

«Дурак!» — подначил его Арло.

Дракон показался теперь в поле зрения — вдали бесконечного туннеля. Его огромные глаза сверкали, испуская свет вдобавок к свечению плесени. Словно могучий экспресс из ДЗЛ, он на всех парах неся на них, двигаясь настолько быстро, что воздух перед ним сжимался, и у Арло заложило уши.

«Экспресс из ДЗЛ, — мельком подумал он. — „На поезд любой я сяду — Неважно, куда он идет“». Давным-давно умершая поэтесса не села бы на *этот* поезд!» Арло оставался в прежнем положении. Его взгляд встретился, с жуткими глазами дракона. Арло собрал запас всех своих сил — физических и душевных, зная, что у него всего одна возможность. Он стоял незыблемо, словно его ноги проломили камень, чтобы внедриться в сердцевину планеты. Если бы ему удалось нанести искусный удар...

Образ-наживка пропал. Несущееся чудовище запнулось, неспособное сориентироваться на добычу. Лучи из глаз шарили по сторонам, пытаясь поймать то, что потерял разум. Через минуту этот рыскающий свет заливает Арло и ксеста, выставит их напоказ и обречет, не дав возможности сопротивляться. Только следуя по курсу, нацеленный на что-то другое, дракон мог стать уязвимым для неожиданного удара Арло. Будучи настоюще, он явится во всеоружии.

Ксест, испугавшись, стер картинку с камнетеской.

Арло отпрянул назад, скрылся из виду, в то время как порыв ветра от разочарованного дракона вытолкнул воздух в пробитое им отверстие. Разъяренный трусливым поступком своего соратника, Арло со всей силой замахнулся на ксеста молотом.

Удар ему удался. Ксеста разнесло вдребезги, словно от взрыва. Восемь ног разлетелись во все стороны, а тело сдулось, как проколотый воздушный шарик.

Когда дракон исчез в туннеле, Арло засосало вслед за ним. Он инстинктивно вытянул руки и схватился за торчащий на поверхности камень. Воздух завывал в проломе стены позади него, разнося обрывки ксеста, словно опавшие листья.

Теперь возникли угрызения совести.

— Прости! — крикнул Арло вслед ветру. Но было, конечно, слишком поздно.

Обломок ксеста ударил ему в спину и упал на землю. Арло поднял его, и — о чудо! — тот уже преобразовывался в миниатюрного ксеста. Он поднес его к лицу, и в мозгу у Арло возник маленький телепатический образ.

Это было зрелище тысячи ксестов, которые кишели в пещерах и разыскивали тайны Хтона. Невозможно было их остановить, поскольку они были слишком малы, слишком чужды опыту неорганического разума. Некоторые даже прицепились к дракону, и он вез их вокруг планеты. Но с этим образом смешивалось нарастающее беспокойство. Долг!

— Не тревожься, — сказал Арло ксесту. — Делай свое дело, береги Хтона. Если за тобой есть какой-нибудь жизненный долг, ответственность я беру на себя. Так и запишем. — Неудовлетворенный, он умолк. У него была собственная вина, которую надо было как-то искупить. — Когда мы победим, я дам

тебе хвею. Если она будет жить, я буду знать, что ты простил мне преступление против тебя — против тысячи ксестов. Долг — мой.

Образно выразив благодарность, маленький ксест двинулся дальше.

Пока Арло проделывал путь обратно к камнетескам и повозке, ветер ослаб. Боль ждала, как и было приказано.

— Ты опять оживил мифологию, — сказала она.

— Что? — Арло с удивлением посмотрел на нее.

— Разве ты не знаешь, как Тор и великан Хюмир ловили рыбу? — спросила она. Увидев, что не знает, она продолжила: — Тор насадил на крючок бычью голову, и на эту наживку попался сам великий змей Мидгарда. Но пока Тор его вытаскивал, глядя чудовищу в глаза, Хюмир в страхе перерезал лесу и позволил змею скрыться. В ярости Тор сокрушил великана ударом молота, но дело было сделано.

Змей Мидгарда — существо настолько огромное, что его кольца окружают под океаном весь мир! Арло и впрямь оживил миф, хотя этой легенды он не читал. Мировой змей опознал теперь своего врага и будет бдителен.

В Рагнарек, знал Арло, Тор станет добычей этого чудовища. Если бы убить дракона при первой же встрече...

— Так что берегись его! — воскликнула Боль. — Кажется, наш отвлекающий маневр удался на славу. Жизнь победит!

— Не разыгрывая заново скандинавский миф, — сказал Арло.

— Довольно мы его копировали! Теперь можем отклониться и истребить Хтона.

— Надеюсь, да, — сказал Арло и подумал о Досаде. Жизнь, возможно, и победит, но выживет ли Арло, чтобы вновь обнять Досаду?

Они поехали обратно, камнетески горели желанием покинуть эти глубины.

Вдруг Арло почувствовал острую боль в ноге. Он нагнулся — в его перчатке оказалась саламандра. Его укусила самая ядовитая из пещерных тварей!

— Арло! — воскликнула миньонетка. И увидела саламандру. Для ее души ужас был подобен дыханию новой любви. — Нет?

— Должно быть, ее всосал сюда ветер, — сказал Арло, ошеломленный знанием о своей кончине.

Боль схватила его и вытащила нож.

— Придется резать, чтобы высосать яд...

Но было слишком поздно. Арло без сознания упал в ее объятия.

Мифологию не удалось переиграть заново. По крайней мере, не в этом эпизоде.

Часть шестая

Жизнь

§ 460

В пассажирской каюте СС-корабля сидели два человека. Они смотрели на моделированную панораму звезд.

— Не выпить ли нам в честь моего дня рождения вина? — спросил старик, показывая бутылку. — Сегодня мне исполняется сто восемь лет.

— Обязательно, Вениамин, если позволяет твоё здоровье.

— К черту здоровье. Утренний Туман? Какой толк в жизни без удовольствий?

— В таком случае устроим пирушку, — предложил миньон. — Пригласим моего брата и миньонеток и отпразднуем *по-настоящему*.

— И нашего кормчего ксеста тоже, — добавил Вениамин. — В самом деле, минуло уже тридцать четыре года с тех пор, как мы выиграли Рагнарек, и ксесты заслуживают всяческих похвал.

Утренний Туман вышел, а Вениамин налил изысканного старого вина. Через минуту миньон вернулся, и с ним ксест, Невзгода, Досада и Арло.

Ксест носил изысканную зелено-голубую светящуюся хвею — символ многолетней дружбы с Арло.

Две миньонетки были похожи на изумительно прекрасных сестер-близнецов в самом расцвете юности, однако одной было шестьдесят земных лет, а другой лет на сто больше. Возраст мужчин, напротив, бросался в глаза. Утреннему Туману было пятьдесят восемь, Арло — пятьдесят; оба вступили в период увядания.

— Как восхитительно, — сказал Вениамин, подавая бокалы, — оказаться по такому случаю в одной компании с тремя детьми моего племянника! Жаль нет самого Атона.

— Это жестоко, — просигналил ксест.

— Прошу прощения, — сказал Вениамин. — В мои годы многое забываешь. Тебе, Утренний Туман, пришлось бы по-миньонскому обычаю убить своего отца, окажись он здесь, чтобы твоя жена-мать Невзгода не ушла к нему. И тебе, Арло, тоже пришлось бы убить его, чтобы к нему не ушла твоя сестра Досада. А вы, миньонетки, должны были бы убить друг друга, чтобы завладеть им. А ведь все это время Атон продолжает любить свою законную жену Кокену, которая не покидает пещеры, хотя сейчас существует технология, ослабляющая действие озноба. Такое разделение — единственное решение: элементам нашей обширной семьи, как кислороду и фтору, нельзя давать соединяться. — Вениамин вздохнул. — Простите, если я кажусь бесчувственным. Я никогда не испытывал особого уважения к миньонским законам чести, хотя дорожу всеми вами без разбора, словно вы — мои дети. Так давайте будем счастливы вместе, поскольку долговечность нашего семейного воссоединения, а также... — Он умолк. — Где Афар?

— Я здесь, — сказал с порога юноша. Он был высокий и сильный, со сверлящим взглядом и чертами жестокости в лице.

— Как ты сильно напоминаешь своего дедушку! — воскликнул Вениамин. — У моего племянника Атона... у него в молодости был такой же взгляд.

— Безумный взгляд, — сказал Утренний Туман без всякой враждебности.

— Да, мой сын прелестен, — согласилась Досада.

Губы у Арло искривились.

— Прелестен! — проговорил он с тяжелой иронией.

— Подозреваю, мой отец обогнал с годами свое чувство юмора, — сказал Афар. — Однако это излечимо.

Досада улыбнулась Афару.

— Как мило! — сказала она.

У Арло заиграли желваки, но он ничего не сказал.

— Вот это мне в Миньоне и не нравится, — заметил Вениамин. — К чему все эти кровосмешения, Эдипы и Электры, непреклонно преследующие друг друга, убийства отцов сыновьями из поколения в поколение? Стоит вам заключить брак за пределами своей фамильной линии, что позволяет сейчас снятие планетного предписания, и все отпадет как ненужное!

— Таков миньонский порядок, — сказала Невзгода. — У нас не будет другого.

— Хотя вам прекрасно известно, что он — плод одной коммерческой затеи по продаже наложниц и жажды сколотить незаконное состояние на обслуживании богатых и нещепетильных властелинов?

— Замысел провалился. Мы продолжаем жить.

— Однако твой муж убил своего единственного сына, — напомнил Невзгоде Вениамин.

— Чтобы я мог обладать ей и дальше, — с гордостью произнес Утренний Туман. — Пылкий юноша рос слишком самоуверенным и начал наступление раньше времени. Не я это затеял, поскольку так не положено. Я просто...

— Просто обхитрил его с преждевременной утратой сил? — предположил Вениамин.

— Я был умнее его, — косвенно согласился Утренний Туман. — Я унаследовал ум у моих предков-людей.

Вениамин вздохнул:

— Этот сомнительный комплимент был бы неверен по отношению к моему брату Аврелию, а Династия Пятых заслужила почет не только из-за этого. Но мне хотелось бы, чтобы ум Пятых нашел себе более мирное применение.

— В свое время я подарю Невзгоде другого сына. Вероятно, он унаследует у Пятых больше ума и правильнее рассчитает свои поступки.

— Видите ли, — живо произнесла Досада, — вскоре мой сын убьет моего мужа... или будет убит им. В любом случае, мне достанется прекрасный мужчина.

— Хтон! — выругался Арло. — Почему я не женился на нормальной женщине? — Он взглянул на Афара, который деланно пожал плечами. Арло, несмотря на свои годы, сохранил небывалую силу и не был из числа тех, кого даже молодой миньон втянул бы в драку. — Или, по крайней мере, на более сговорчивой миньонетке, вроде Боли. В конце концов она стала нормальной.

— Вероятно, она и погибла потому, что ты сделал ее нормальной, — с одновременно довольной и жестокой улыбкой предположила Невзгода. — Миньонетка в таком состоянии напоминает охотничью собаку без клыков.

— Очень жаль, что у тебя после Рагнарека не сохранилось божественных сил, — сказала Досада. — Ты мог бы лишиться клыков меня. Тогда бы я умерла от возвышенной печали.

— К черту твой сарказм! — воскликнул Арло. Его ярость вызвала у Досады ослепительную улыбку. — Я думал, с убийством покончено, раз мы победили неорганический разум.

— Не совсем так, — просигналил ксест. — По всей галактике виды Жизни воюют друг с другом. Люди воюют с лфэ из-за какого-то сфабрикованного дела о краже планет. ЕеоО — с ксестами из-за цен на тафисов, которые, оказывается, происходят с одной из планет ЕеоО. Расточаются богатства целых звездных систем. После уничтожения разума Хтона всех, похоже, перестали интересовать неорганические ценности. Даже мой род пренебрегает тафисами.

— Прискорбно, — вежливо согласился Вениамин.

— Настоящий бардак, — сказал Арло. Он опустошил бокал, огляделся — и перехватил обмен взглядами между Досадой и Афаром. Его ладонь сжалась в кулак. Он больше не носил перчаток силы, да и молота у него не было. Тор умер в Рагнареке. Жаль, что Арло выжил!

— Некто также скорбит по этому поводу, — просигналил ксест. — Гораздо лучше было бы добиться какого-нибудь компромисса с пещерным существом. Когда некто и мириады его долговых братьев сражались в пещерах, мы думали, что являем собой Добро, побеждающее Зло. Похоже, что мы отчасти ошибались.

— Похоже, — согласился Арло. — В Хтоне было много ценного. Неорганический разум был моим другом — до Рагнарека. Я не могу сказать, что он — воплощение зла. — Он отвернулся от ксеста, испытывая вину за геноцид. Хтон не был живым, и все же его убили, и в этом состояло галактическое преступление.

Арло поднял глаза — и увидел Досаду в объятиях Афара.

Ярость, копившаяся в нем в течение двадцати лет, вырвалась наружу. Арло ухватил своими большими, покрытыми рубцами ладонями небольшой вспомогательный компьютер, поднял его, сорвав с креплений, и с безумной силой швырнул в пару.

Миньонетка, предупрежденная телепатией, отпрянула. Мужчина же оказался менее проворен. Тяжелый ящик обрушился на него.

— Брат! — закричал Утренний Туман. — Что ты наделал?

Арло посмотрел внимательнее — и увидел, что двое вовсе не обнимались, а просто беседовали. Причем мужчиной был не его сын Афар, а двоюродный дедушка Вениамин. Как он мог так ошибиться? Ведь в них не было ничего общего!

Утренний Туман опустился на колени рядом со стариком.

— Он мертв. В таком состоянии его могло убить любое потрясение, а удар был неслабый. Брат, зачем ты погубил нашего патриарха?

— Брат, я думал, это мой сын, — с огорчением произнес Арло.

— С *Невзгодой*? — спросил Утренний Туман, вынимая нож.

Ко всему прочему, Арло перепутал и миньонетку! Одержимый уродливым наследством Миньона, он увидел то, чего так боялся, и ускорил ссору, к которой питал отвращение.

— Брат, в замешательстве я обидел тебя. Приношу свои извинения. Моя ссора — не с тобой или твоей миньонеткой, но с моим собственным...

Тут Афар пересек комнату.

— И все-таки мой отец обогнал свое время! — сказал Афар. — По его собственному признанию он хотел убить именно меня. Он нарушил миньонский закон, и я могу убить его, пренебрегая равенством оружия. — Он сделал движение рукой и достал взрывомет.

— Это нужно прекратить! — отчаянно просигналил ксест. Его многочисленные ноги двигались запутанным образом, что он как бы бегал между ними. — Непонимание...

Афар выстрелил. Он целился в Арло, но теперь против него оказался ксест. Его объяло пламенем и тут же уничтожило — никаких долгов. То, что не испарилось, спеклось.

Взрыв краем задел Арло, опалив ему волосы и на мгновение ослепив, но ограниченная телепатия подсказала ему, где стоит Афар.

— Опять начали войну, — мрачно сказал Арло.

Он отпихнул ногой липкое тело ксеста в сторону сына, но Утренний Туман, неверно истолковав его намерение, набросился на него.

Обе миньонетки наблюдали за кровавой борьбой с одинаковыми улыбками чистейшего восхищения.

Часть седьмая

Фтор

§ 426

Арло проснулся в холодном поту от отвращения и ужаса. *Видение власти Жизни было таким же мрачным, как и власти Хтона.* Каждая победа означала жуткую смерть самых близких ему людей в том микрокосме, который отражал бойню макрокосма.

Было ли это видение послано Хтоном? Арло сомневался: отдельные части выглядели слишком правдоподобно. Его грядущая жизнь с Досадой была бы именно такой, и под конец ему пришлось бы по-миньонски убить своего единственного сына или быть убитым им. Это проистекало из любви к ней, и оба они об этом знали. Арло не мог избежать своей судьбы, бросив Атона и Кокену и навсегда покинув пещеры: рок коренился в его любви к миньонетке.

— Слава Богу, ты жив, — сказала Боль. — Кажется, я повредила тебе ногу, зато удалила большую часть отравы. Ты — крепкий, и яд гусеницы, вероятно, каким-то образом противодействовал яду саламандры, — но дело было совсем плохо.

— Ты — прекрасна, — сказал Арло, целуя ее.

— Прекрасны и твои сны, — ответила она. — Хотела бы я знать их полностью...

«Она стала нормальной и потому погибла». Эта мысль мелькнула у него в голове, когда он ее целовал — и поцелуй не причинил ей боли.

— Суть такова: мы не можем позволить себе Рагнарек. Ваша победа так же дурна, как и победа Хтона. *Неважно, кто побеждает, торжествует Зло.* Необходим компромисс.

— Для него уже поздно, — сказала она. — Войска вступили в бой по всей планете.

— Войну необходимо прекратить. Она *будет* прекращена.

Боль улыбнулась, высоко оценивая его гневную решимость.

— Как?

— Моя мать Кокена находится в своей жаркой пещере под страхом смерти. Ей не выдержать соперничества с миньонеткой.

— Как ни одной нормальной женщине, — согласилась Боль с легкой гордостью. — Но при чем тут?..

— На мгновение я подумал: а что, если бы они сразились между собой? Тогда одна из них убила бы другую, и проблема... не была бы решена! Кокена не сражалась, хотя и умеет это делать. Вместо этого она... пошла на компромисс. И обрела больше, чем могла бы потерять.

— Компромисс трудно дается миньонетке.

— Хтон хотел использовать меня — как и ты, — сказал Арло. — У меня есть ценные качества, проистекающие из Жизни и Смерти. Теперь нужно воспользоваться ими — от этого зависит судьба нашей галактики.

— По-моему, тебе лучше отдохнуть. Тебя ослабили яд саламандры и потеря крови, которую мне пришлось выдавить.

Арло глянул на свою ногу, саднящую, с онемевшими пальцами. Миньонетка обмотала ее тряпкой, оторванной от своей военной формы.

В сущности, она сделала все очень быстро и умело. Досада такой способной не была. Между отдельными миньонетками *существовали* различия, и Боль во многих отношениях была ценнее.

Они повернули за угол — и обнаружили перед собой химеру. Оба мгновенно ее узнали, хотя никогда

прежде не видели. Птицеобразная и злобная, она парила прямо перед ними.

Испуганные камнетески остановились.

— Ого, — произнесла Боль. — *Эту* не обхитрить. Но, может, мне удастся отвлечь ее, а ты схватишь ее своими перчатками...

— Бесполезно, — сказал Арло. — Посмотри назад.

— Нет нужды. Я все чувствую. Еще одна химера.

— И еще несколько в примыкающих туннелях. Мы — в ловушке.

Боль мельком глянула на коробку с ксестским запасом тафисов.

— Как по-твоему...

— До сих пор не разморозились, — сказал Арло. — А если бы и разморозились, то сожрали бы первыми нас. Так что никакого смысла.

Боль повернулась к нему.

— Думаю, в любом случае я любила бы тебя. Как всякая миньонетка. — Она вынула нож. — Если мы встанем спиной к спине, мы сможем убить одну или две, прежде чем они нас прикончат. Первую я уберу граватаной; у меня есть запасная для тебя, если ты забыл ту, что я когда-то тебе дала. Старайся защищать глаза: химеры в первую очередь набрасываются на них.

— Ты — да, я — нет, — сказал он, вспомнив замечания Атона о лакомствах, которые предпочитают химеры. Это не успокаивало.

Арло знал, что все бесполезно. Химера не только питалась глазными яблоками и половыми железами — она поражала жертву со скоростью звука. Ножи, граватаны и даже взрывометы были против этой стаи бесполезны.

Однако у него было некое предназначение. Он сосредоточился, расширился — и где-то внутри его головы и тела прогрехотал беззвучный взрыв. Самые разные, невообразимо мощные элементы были сведены вместе, как в ядерном устройстве, и когда они слились, произошло качественное изменение.

— Что случилось? — вскрикнула Воль, встревоженная и всполошенная чувственным вихрем, сопровождающим эту метаморфозу.

— Высокое давление превращает уголь в алмаз, — сказал Арло.

Химеры бросились в наступление. Они пулями полетели в цель со всех сторон. Арло уловил их в своем мозгу прежде, чем увидел, как они движутся. Смерть...

«Смерть!»

Химеры рухнули на пол пещеры.

— Они мертвы, они все мертвы, — с удивлением проговорила Боль. — Я это чувствую. Миг невероятного блаженства... что-то их уничтожило!

Арло расслабился.

— Я дважды становился добычей яда, но выжил. Не потому, что мне везло, а потому, что я обладаю особыми возможностями. Отчасти я человек, отчасти миньон, отчасти Хтон. Жизнь открыла мне свои тайны, но и Смерть тоже. У каждой я взял ее силу, а вместе они суть... фтор.

— Я отвезу тебя назад в твою пещеру, — сказала Боль, словно он нес околесицу. — Твои чувства так перекручены, что я не могу их истолковать. Тебе нужно отдохнуть, прийти в себя — нам лучше убраться отсюда, пока то, что убило этих птиц, не нацелилось на нас.

Арло сосредоточился. Вновь в своем разуме и плоти он сплавил воедино различные элементы своей природы, своей генетики, своих знаний и чувств. Образно говоря, кислород жизни и фтор смерти слились. Он сознательно повторил то, что невольно произошло минуту тому назад.

Части совпали под воздействием необходимости, которую он видел, — необходимости прекратить

Рагнарек, чтобы объединить сущности Жизни и Смерти, чтобы предотвратить ужасы-близнецы победы одной из сторон. Он стоял у развилки великой буквы Y, которая намного превосходила размах Мирового Древа Иггдрасиля. Здесь расходились два будущих, и сейчас он понял послание, содержащееся в мифологическом Рагнареке. Неважно, какая сторона победила, восторжествовало Зло — ибо сама битва не внушала доверия.

Им нельзя было дать разойтись: одно, по определению, не могло существовать без другого. Их нужно соединить, свести вместе, превратить в прямую линию, в единственное успешное будущее.

Возникло осознание, как у Хтона. Арло воспринимал пещеры посредством органов чувств находившихся там существ, но животными не ограничивался. Он получал сведения от миньонеток, ксестов, лфэ и ЕеоО: от всей жизни с обеих сторон.

Сначала от самых близких: движущиеся туннели, видимые четырьмя глазами двух крупных козлов-камнетесок, запахи стен и свечения, которым они питались, ощущение камня и льда у них под ногами — неприятно холодное. Воздушные сквозняки, воспринимаемые усиками крохотных ледовых комариков, встревоженных санями. Вкус камня и воды, сообщаемый светящейся плесенью. Неуверенность и озабоченность миньонетки Боли: ей приходилось оберегать человека, который стал объединяющим фокусом усилий Жизни. Распространялась ли эта ответственность на его нелегкое личное положение? Должна ли она перехватить любовь Арло у его сестры, ослабив тем самым унаследованный им раздор с отцом? Или она объясняла все задним числом, уступая ошеломляющему искушению, — этот комплекс, и сильный молодой мужчина?

— Сын, который будет у тебя от меня, немедленно восстановит миньонский треугольник, — сказал ей Арло. — Если я действительно хочу быть свободным, я должен жениться на нормальной девушке — как сделал мой отец.

Боль в смущении уставилась на него:

— Ты можешь читать мои мысли... буквально?

— Разве удивительно, что из полутелепатии, обычной для галактики, наконец-то возникла настоящая телепатия? — спросил Арло. — Сейчас я покажу тебе кое-что еще.

Он сосредоточился на ней. Боль завизжала, схватившись за голову: пронзительный панический вопль, исходящий из самой сердцевины ее существа.

— Ты... выпотрошил меня! — с трудом произнесла она, вцепившись в сиденье саней.

— Нет, — Арло привлек ее к себе и вновь поцеловал. На этот раз он смаковал ее роскошное тело, бесподобную красоту, заслуживающую уважения личность. Он любил ее без горечи.

Она растаяла — женщина каждой своей клеточкой. Ее волосы сияли живым пламенем. Вдруг она вздрогнула и отпрянула.

— Что это? — спросила она.

Арло молча смотрел на нее.

— Это неизменная любовь, — сказала она, недоверчиво покачивая головой. — Нет переворачивания!

— Теперь ты нормальна, — согласился Арло. — Телепатическое переворачивание чувств можно было исправить много поколений тому назад. Если бы разработчики планеты Миньон вели свои исследования более основательно. Сейчас миньонетке пора влиться в главный поток.

Она пришла в ужас.

— Весь наш образ жизни...

— Изменится. Но более того... — сказал Арло. Он вновь сосредоточился. Боль поднесла руку ко рту и укусила себя за палец. — Я могу управлять твоим телом, — сказал Арло ее устами. — А мог бы убить тебя, как сделал это с химерами.

Он отпустил ее, и она без сил откинулась на кресло.

— Это хтоническая мощь, после миксы...

— Я обхожусь без миксы, — сказал Арло. — Мой способ более действенен, ибо он естествен, целостен.

— Кто ты? — спросила Боль, заподозрив какую-то уловку со стороны пещерного существа. Если Арло оказался в его руках...

— Я не враг, — заверил Арло, улыбаясь. — Врага *нет* — не считая этой дурацкой борьбы. Я — Фтор, соединение могущества Жизни и Смерти. — Он умолк, распространяя свое осознание по всей планете, и обнаружил, что область его влияния стала намного больше, чем во время выманивания дракона, а мощь — сильнее его изначальной мощи *вместе* с мощью ксеста. — Когда все это кончится, я женюсь на тебе, и твои дети будут нормальными и телепатами. А теперь я должен прекратить Рагнарек.

— Эта сила нова для тебя, — предупредила она. — Если перестараться, то очень скоро...

— Выбора не остается. Ведь это Рагнарек. — Когда все это кончится, он, победив или проиграв, утратит свое небывалое могущество. Второе видение оповестило его об этом. Но на личном уровне он уже сделал то, что было суждено: Боль стала нормальной женщиной. Мог ли он изменять судьбу настолько, чтобы предотвратить ее гибель? Если нет, можно ли избавить от мучений Досаду?..

Неуверенностью страдали не только миньонетки.

— Нам лучше укрыться в каком-нибудь безопасном месте, — живо сказала Боль. — Я буду стоять на страже, пока ты... расширишься. Даже если Хтон об этом еще не знает, он быстро догадается, и твоя жизнь окажется в большей опасности, чем когда-либо прежде.

— Ты полагаешь, что я противник Хтона?

Нож Боли взлетел — и остановился, удержанный его разумом.

— Я на стороне здравомыслия, — сказал Арло, отпуская ее. — Я не намерен разрушать Хтона. Хтон не есть зло — это просто другой путь. Мы должны найти компромисс ради взаимного выживания. У каждой стороны есть что-то необходимое другой. У жизни — подвижность, технология, способность размножаться... умение изменять физический облик галактики и приспосабливаться к тому, что нельзя изменить. У Хтона есть... соразмерность.

Боль с сомнением покачала головой.

— Будучи необузданной. Жизнь уничтожит себя и галактику, — продолжил Арло. — Как оттаявшие тафисы, пожирающие свое будущее ради немедленного утоления голода. Тафисы погибают после того, как насытятся, ибо им ничего больше не остается. Нужна некая сдерживающая сила. Хтон и является этой силой. Вместе, в согласии, двое создадут райское царство — для обоих.

— Мне этого не понять, — сказала Боль. — Но я считаю с твоим мнением. — Она убрала нож и взяла поводья. — Занимайся своими делами. А я найду какое-нибудь уютное местечко. — Пришедшая ей с запозданием мысль выдала ее личную озабоченность: — Мои дети будут *нормальными*? — Кажется, она не совсем была этим довольна.

Арло уступил ей материальные хлопоты. «*Повинуйтесь ей*», — передал он в тупые мозги камнетесок и укоренил там короткие команды касательно движения поводьев, чтобы они знали, что к чему.

Арло уже распространил свое осознание на пещеры. Теперь усилил его. Он ощущал камень и мириады его трещин и разломов, обводные каналы и металлические жилы, слабые хтонические токи, бегущие по ним, и огромную сеть — то целое, что было самим Хтоном.

Когда его восприятие расширилось, он усвоил электрическую схему, представлявшую собой пещерное существо, и узнал, где сокрыты тайны Хтона. ЕеоО слились вблизи генератора антивзрывной волны, готовые разъединиться в виде молодых особей и атаковать выделяемыми ими едкими кислотами важнейшие контуры. Но сюда уже двигалось огромное существо-присоска — противодействие Хтона угрозе. Оно поглотит и переварит всю лужу ЕеоО до того, как она завершит цикл воспроизведения, — если присоска доберется туда вовремя.

Лфэ вновь собралось и двигалось к большой газовой расщелине. Вскоре оно начнет ее поджигать.

Хтон об этом еще не знал и не предпринял никаких встречных шагов. Многочисленные ксесты кишели в огромном нижнем туннеле, отвлекая Хтона своей деятельностью. Арло напомнил себе: не забыть подарить хвею своему другу-осколку!

Дальше — миньонетки покинули отгороженную область и под руководством лфэ скрупулезно очищали пещеры от управляемой Хтоном жизни. Обрызгивая стены уничтожающей плесень кислотой, они делали эти участки затемненными для восприятия Хтона. Для собственных нужд у них имелись небьющиеся электролампы.

Атон, Досада и Кокена объединились в подобие нормальной человеческой семьи и завалили вход в свою теплую пещеру. Снаружи бродило исполинское волкообразное существо и отыскивало ход внутрь — то самое чудовище, которое чуть не убило Досаду и меньше часа тому назад поджидало в засаде Арло. Арло вспомнил: Волк Фенрир — смертельный враг Одина. Этот волк убьет Одина в Рагнарек.

Хтон по-прежнему неотступно следовал тексту.

На поверхности планеты, известной как прелестная Идиллия, возникло другое противоборство. Старый доктор Бедокур выбрался из глубин, разыскивая старика Вениамина Пятого, и Вениамин вышел с ним на поединок. Согласно первому видению будущего оба были смертельными врагами. С мифологической точки зрения это Локи и светлый бог Хеймдаль — обладатель великого Рога Рагнарека. Оба они умрут.

Битва шла по всей планете. Если Арло не остановит ее сейчас, произойдет необратимое насилие. Но сможет ли он остановить целую планету?

Арло расширился, используя свои новые возможности. Он осознал, что черпает из того же источника, что и §-привод, — из силы, связующей вселенную. Проблема заключалась в том, чтобы превратить ее в приемлемую энергию, контролировать, направлять куда следует и фокусировать, когда нужно. §-энергия, в сущности, бесконечна, но Арло был слишком крохотным отверстием для ее истекания.

Теперь он подумал о Хтоне. Он искал своего пещерного друга. «Хтон! Хтон!» «Я здесь, друг». Вот так — совершенная связь.

«Мы — в Рагнареке, которого никто не переживет. Битва должна прекратиться».

«Жизнь должна быть искоренена, — ответил Хтон. — Она заразила галактику. Лишь очистившись от нее, мы сможем связаться с нашими мыслящими собратьями повселенной».

Это означало, что и в других галактиках обитают неорганические разумы.

«Жизнь тоже разумна, — возразил Арло. — Один разум не вправе уничтожать другой. Разум в любом виде священен».

«Нет. Только неорганический разум».

Почему же Арло решил, что Хтон подчинится логике Жизни?

«Если мы продолжим битву, ты будешь уничтожен. Мы должны найти компромисс».

«Никакого компромисса с Жизнью». — словно горячий ветер, прорвалось крайнее отвращение Хтона к Жизни-слизи.

«Это неразумно!» — возмутился Арло.

«Неразумно, — согласился Хтон. — Абсолютно».

— Арло! — крикнула Боль. — Ползет Змей Мидгарда.

Арло изменил фокус своего внимания. Она права: сверхчудовище прогрызало себе путь в камне, пробивало новый проход — прямо в убежище Арло. Его стремление было очевидно: Арло видел внутренним глазом, что змей распознал в нем враждебного рыбака, дразнившего его видением пищи и напавшего мириадами надоедливых ксестиков.

В сущности, он знал об Арло уже давно. Когда-то змей был безобидным, хотя и громадным созданием, шнырявшим по своему лабиринту и питавшимся забредавшими туда животными. Затем на его

мозг оказал воздействие доктор Бедокур: он вселил в змея неизбывную ненависть к людям, особенно с миньонской кровью. Змей был лишен рассудка, но обладал сильной телепатией: он мог отличить человека от миньона. Сумасшедший Бедокур сделал его злобным и так же поступил с пещерным волком. Воистину дети Локи!

Арло сосредоточился на нем, но чудовищный змей сопротивлялся. Его мозг был как бы изолирован, так что чисто символического подавления оказалось недостаточно. Арло остановил его, но при этом потерял управление остальной битвой. Его маленький человеческий мозг не справлялся с энергией, необходимой для всех сразу.

Вениамин Пятый сжимал в руке косу, а доктор Бедокур — скальпель. Оружие Вениамина было намного внушительнее, но в данных обстоятельствах выглядело довольно неуклюже. Этой косой Вениамин очищал от сорняков будущие грядки хвей, подготавливаемые для сева. Бедокур же был предельно быстр и точен в обращении со своим маленьким инструментом, а при желании мог его и бросить. Но он знал, что если бросок не удастся или не поразит жизненно важную точку, от косы будет не защититься.

Двое мужчин были заклятыми врагами. Бедокур сопровождал племянника Вениамина Атона в преисподнюю и убил сына Атона Аса. Вениамин же «затрубил в Рог», призвав в подземный мир армию миньонеток. Сейчас они сведут счеты как и положено — лично. Ненависть требовала удовлетворения.

Они осторожно кружили друг возле друга, ожидая, когда соперник раскроется. Со всех сторон их обступали прекрасные цветы этого райского уголка — Идиллии: Вениамин бессознательно перешагивал через них, чтобы не повредить, зато Бедокур намеренно втапывал их в грязь. Их поединком двигал не спортивный азарт, а острейшая ненависть.

Волк разрывал лапой камни, завалившие вход в пещеру Кокены. Крепкие, как металл, когти зверя цепляли камни и отшвыривали их в туннель. Наконец появилось отверстие. Волк протиснул в него свою толстую морду, но дальше голова не пролезала.

Атон стоял справа от отверстия, подняв обоюдоострый топор, слева стояла Досада со сталактитовым дротиком в руке. Он займется пастью, она — глазами, а Кокена оставалась приманкой в углу пещеры. Перед самым ударом Атон и Досада переглянулись, чтобы согласовать нападение, и застыли вдруг в долгом тоскующем взгляде — в присутствии Кокены, которой оба устыдились.

«Было бы хорошо, — бесстрастно подумал Арло, — если бы Досада погибла. Как бы горько это ни было, это решило бы проблему, которую поставила мне ее жизнь. Лучше оплакивать ее, чем из-за нее погибнуть».

Лфэ достигло почти самого дна газовой расщелины. Оно подняло отросток, сосредоточилось и создало электрическое напряжение между расходящимися усиками. Проскочила сильная искра. Скопление газа вспыхнуло, озаряя пропасть, ослепительно освещая пустоту и отвесные скалы вверху и снизу. Но газ был слишком холодным и разреженным: через мгновение пламя погасло.

Лфэ вновь подняло отросток. Если в первый раз зажигание не сработало, сработает во второй. Или в третий. Каждая вспышка будет нагревать воздух до тех пор, пока огонь не поддержит себя сам. И тогда — ад!

Лужа ЕеоО колыхалась и изгибалась, готовая преобразиться в новые особи. Но присоска уже добралась до нее. Она опустила хоботок в лужу и принялась пить.

Арло вновь сосредоточился на отдельных участках битвы. Он останавливал на месте людей, чудовищ и ванов, чтобы Рагнарек не миновал точку, после которой дороги назад не было. А освобожденный дракон тем временем приближался. Зубами, когтями и всей своей тушей он крошил тонкие каменные перегородки, разделявшие туннели лабиринта. От его движения тряслась все прилегающие пещеры, вокруг падали и разбивались сталактиты. Его дыхание горело жаром, взметая пыль и песок в вихреобразное облако. Змей Мидгарда!

Арло не знал, как поступить. Дракон был слишком огромным и сильным, чтобы управлять им частью своего разума, но если сосредоточить на нем все внимание, повсеместно возобновится Рагнарек. Он должен остановить одновременно и битву, и чудовище — или потерпеть поражение.

Можно убить несколько созданий поменьше — лфэ, присоску, но это лишь усугубило бы отвратительную вражду, породившую битву. Мир ценой убийства вообще не был миром! Арло мог разве что подавлять сражающихся, не причиняя им вреда, пока не был бы достигнут взаимный компромисс.

На какую-то минуту он отпустил дракона и остановил битву.

«Хтон! — крикнул он в уме. — Прекрати наступление! Мы должны провести переговоры, найти компромисс! Ради нашей прежней дружбы...» Но Хтон не ответил — и это был красноречивый ответ. Пещерное существо не будет заключать сделку, ни даже слушать. Его решимость неумолима, дружба Арло с ним — призрачна. А жуткое грохотание змея приближалось.

В приступе ярости Арло оставил без внимания все прочие пещеры и направил опустошительный удар на свою личную Немезиду — дракона. Тот остановился, мгновенно оглушенный, а Вениамин тем временем замахнулся на доктора Бедокура, лфэ высекло еще одну искру, чудовищная присоска набрала полный рот из лужи ЕеоО, Атон и Досада нанесли двойной удар по морде волка. Арло сознавал все это, ибо осознание требовало лишь малой части его мощи.

Бедокур отступил назад, и лезвие косы прошло мимо, не причинив ему вреда. Тогда он сделал выпад, выставив вперед скальпель. Газовая расщелина вновь загорелась, гораздо ярче, чем сначала, языки пламени поднялись почти до потолка. ЕеоО в тоске задрожало всей своей лужей, устремляясь в пищеварительный тракт присоски. А Волк Фенрир от раздражения так громко завыл, что трое людей в пещере, закрыв уши руками, упали на пол.

Арло быстро переключил управление и приостановил решающие столкновения, хотя в пещерах продолжали рыскать крохотные ксесты, а миньонетки вспугнули угрюмую гусеницу.

Зато теперь ожил Змей Мидгарда. Арло не мог использовать против него свой мозг, иначе возобновился бы Рагнарек. Придется сразиться с ним физически.

— Что ты делаешь? — закричала Боль, видя, что он держит свой Молот.

— Я должен убить чудовище, — ответил Арло.

— Ты должен быть защищен! — сказала она. — С ним сражусь я!

Арло еще раз поцеловал ее, в то время как его мозг видел всех миньонеток разом, словно ее многократное отражение. Однако она отличалась от всех, поскольку участвовала в сражении рядом с ним и одна была нормальной. Она стояла его любви.

— Я справлюсь сам. Возьми камнетесок с санями и выбирайся на поверхность. Скажи силам Жизни, что Рагнарек должен прекратиться, даже если я погибну.

Она колебалась:

— Но ты еще не подарил мне детей!

Она хотела его, а не детей. А он хотел ее. Но времени уже не было.

— Вызовется любой мужчина, — сказал он. — Ты — прелестна во всех отношениях. — После чего он оттолкнул ее своим разумом, и ей пришлось уйти. Она вскочила в сани, подобрала поводья, хлестнула камнетесок.

В этот момент стена рухнула. В пещеру влетели камни и, обрушившись на камнетесок, убили их. Боль скинуло с саней. Пещеру заполнил удушливый пар: вонючее дыхание Змея Мидгарда.

Глаз чудовища обнаружил Боль, когда она еще падала. Высунулся жирный и клейкий язык. Он накрыл женщину, прилипнув к борющемуся телу. Словно жужжащую муху, втянул ее в шестиметровую пасть. Зубы сомкнулись и начали грызть. Арло уловил ее недолгую агонию.

Его будущее исчезло вместе с Болью. Судьба не допустила даже небольшого изменения.

Арло сжал обеими руками Молот и опустил его чудовищу на нос, теперь достигаемый, поскольку морда змея с сомкнутыми челюстями была довольно маленькой. Боек Молота глубоко внедрился в кожу, выдолбив в ней отверстие. От нанесенного оскорбления чудовище оглушительно зашипело, но развело челюсти лишь настолько, чтобы перемолоть тело Боли и проглотить его.

Нос не годился: слишком мягок. Надо ударить по черепу! Но как до него дотянуться, если в пещере одна лишь морда?

Змей проглотил миньонетку. Его челюсти вновь широко распахнулись, и пасть заполнила всю пещеру. С зубов капала кровь. Чудовище пыталось схватить Арло, но места для маневра не хватило, и оно промахнулось. В раздражении оно ударило головой о потолок, выбив его и утроив объем пещеры.

Теперь змей вполне мог его укусить! Челюсти раскрылись так широко, что верхние зубы поднялись вертикальной стеной. Стена надвигалась на Арло.

Арло отступил как можно дальше назад — и обо что-то споткнулся. Это была коробка ксеста. Она опрокинулась, наружу выпал замерзший комок тафисов. Не совсем замерзший — прожорливые твари начинали двигаться.

Арло поднял коробку, когда ужасные челюсти уже закрывались. Он швырнул комок тафисов — прямо змею в глотку. Когда пасть судорожно сомкнулась, сработав на крохотную добычу, Арло увидел, как жар внутренностей топит остатки льда.

— Пусть это будет тебе наградой за убийство Боли! — прокричал он. Глаза его были в слезах, и не только из-за жгучих паров. «Боль!» Арло кинулся к пролому в стене. Острая боль пронзила его ногу в том месте, где миньонетка извлекала яд саламандры. Арло споткнулся.

Чудовище, пытаясь догнать его, наклонилось вперед и, врезавшись головой в выход из пещеры, развалило остатки стены и обрушило потолок. Мозг сориентировался на убегающую добычу. Змей рыгнул, и несколько извивающихся тафисов вылетело вместе с газами. После чего он последовал за Арло.

Сколько времени потребуется тафисам, чтобы прогрызть пищеварительный канал змея и приняться за него самого? Арло не мог этого сказать, поскольку чудовище было невероятно огромным, а он не мог остановиться и понаблюдать за происходящим.

Арло находился недалеко от опутывающего мир туннеля дракона. Скрипя зубами от боли в ноге, он побежал туда. Он проскочил через отверстие, которое проделало чудовище, притормозил у края перепада в рост человека и прыгнул на дно. Теперь путь был свободен, но нечего было и надеяться ускользнуть от жуткой твари в ее собственной норе. При условии, что змей оставался в добром здравии...

Но Арло знал пещеры вследствие своей полной осведомленности. И знал, что чудовище будет задерживаться, вынужденное то ли с трудом разворачиваться, то ли пробивать себе дорогу сквозь камень, чтобы вернуться на привычную тропу. Это давало Арло преимущество.

«Разве так сражается Тор?» — возник насмешливый вопрос Хтона.

Арло не ответил. Проявление неорганическим существом своих чувств лишь выдавало его неуверенность. Арло продолжал удерживать Рагнарек во временном бездействии, а Хтон, очевидно, был не в силах возобновить главное сражение до тех пор, пока Арло жив. Если бы он смог победить дракона... и, вероятно, *смог бы*, доведи он его вовремя до газовой расщелины. Если газ попадет в этот туннель и загорится — он будет гореть недолго, но этого вполне достаточно, чтобы покончить с чудовищем.

По планетным меркам расстояние было коротким, но оно оказалось длинным для пешего перехода, особенно с раненой ногой. Попав в собственный туннель, змей уже переориентировался. Времени не оставалось.

Какое-то животное, испуганное шумом, по ошибке вбежало в лабиринт. Арло эту породу не знал, но у животного было шесть дог, и с виду оно казалось резвым. Арло остановил его разумом и вскочил к нему на спину. Теперь у Арло был скакун!

Догадка оправдалась: существо было быстроногим. Когда они неслись по туннелю, у Арло в ушах свистел ветер. Вскоре они добрались до места, где туннель проходил прямо под газовой расщелиной. Арло спешил и прогнал скакуна прочь, чтобы по-возможности отвлечь змея. «Я — миньон», — вложил он в мозг животного, увеличивая вероятность того, что оно станет приманкой. Затем принялся бить Молотом по камню.

Дракон приближался невероятно быстро. Почему тафисы до сих пор не замедлили его движение?

Или их переварил желудочный сок? Арло не подумал об этом раньше, и догадка не обнадеживала. Может случиться так, что он встретится лицом к лицу с исполненным сил чудовищем.

Едва Арло проделал в стене дыру и забрался на гору обломков, как змей пронесся мимо. Внезапное уплотнение и разрежение воздуха сбило Арло с ног. Приманка сработала, но долго дурачить чудовище он не сможет.

Арло вскрыл один из газовых отводов расщелины и забрался в узкий туннель, а газ потек через проделанную дыру в главный туннель. Этому помог отсос воздуха после промчавшегося дракона.

Вскоре давление воздуха вновь возросло. Дракон возвращался, причем головой вперед. Очевидно, где-то поблизости у него была петля для разворота. Газ со свистом устремился назад в разлом, но в туннеле его оставалось немало, и чудовище закашлялось. Отлично — дракон не мог дышать газом? Сам Арло тоже задыхался, но привлек свою особую физическую силу и держался с ее помощью. Он нашел место соединения туннеля с дном газовой расщелины.

Над Арло открылось ущелье — невидимое для его глаз, пронизаемое для разума. К счастью, огня там не было. Дракон долбил под ним камень, используя свои когти-копры для того, чтобы углубиться в него и цеплять большие куски. Его пасть не была камнерезом, а в основном пережевывала добычу. Он постепенно утрачивал активность из-за беспокоящей боли в животе.

Восприятие Арло вошло в тело чудовища. Тафисы съели желудок змея и теперь трудились над остальными внутренностями. Но змей был настолько живуч, что даже распотрошенный мог жить невероятно долго. При благоприятных обстоятельствах он отрастил бы себе новые пищеварительные органы! Дракон по-прежнему был голоден — и уже видел перед собой добычу.

Арло взял Молот наизготовку, готовя удар поточнее. Змей мог прожить без огромного желудка, но умер бы без своего маленького мозга. А если удар не удастся, тогда поможет огонь. Нужно было только чем-нибудь высечь искру.

Кусок расщелины под Арло рухнул, падая в распахнутую пасть чудовища. Отыскав новый выход, туда же с воем понесся газ. Арло отчаянно цеплялся, но опора исчезла, и поток газа понес его прямо в пасть.

Но змей, восприятие которого было поколеблено тафисами, не сообразил, что добыча оказалась у него в пасти. Он выплюнул обломки или, скорее, продул их буреподобной отрыжкой — и Арло вылетел вместе с камнями. Он с силой ударился о стену пещеры почувствовав, как хрустнули кости. Арло невольно вздохнул — и обнаружил, что дышит смесью газа с воздухом и пылью, вполне пригодной для дыхания.

В этот момент кто-то его укусил. Он хлопнул по бедру перчаткой и обнаружил тафиса. Арло хотел раздавить его, но передумал и кинул обратно назад в пасть дракона. Помогала любая мелочь!

Он встал, сжимая одной перчаткой Молот, а другой ухватившись за ус в палец толщиной, растущий на губе чудовища. Арло карабкался по морде дракона до тех пор, пока не добрался до самого верха, — и тогда он ударил, направляемый своим всеохватывающим знанием анатомии этой твари. Прямо в точку, сюда...

Удар раздробил толстый костяной покров, передав жестокое потрясение крошечному мозгу. Этот орган был чрезвычайно чувствительным. Змей Мидгарда неистово дернулся и умер.

Успех! Арло спрыгнул с падающей вниз головы и побежал к выходу из ущелья. Но когда чудовище рухнуло, оно выдохнуло облако внутренних паров и желудочных газов, обжегших Арло кожу, ослепивших его и удушивших. Яд из отверстий над зубами смешался с парами и превратил облако в смертоносное. Арло, пошатываясь, сделал еще несколько шагов и упал.

«Вот так погиб Тор в ядовитом облаке, испущенном подышающим Змеем Мидгарда, — подумал он, чувствуя, как его тело умирает и разум ускользает от него. — Точное подобие, которое Хтон вряд ли сочинил...» Но Хтон хотел, чтобы именно в это он и поверил!

Пока Арло верил, он был обречен, как были обречены дело Жизни и любой здравый компромисс. Ему нужно было искать свою собственную судьбу, а не повторять чью-то старую...

Тут Арло ощутил многочисленные укусы тафисов. Те кишки вокруг него, изрыгнутые последней

судорогой змея. У Арло не хватало сил, чтобы отдирать их, к тому же они уже жадно вгрызлись внутрь. Какой аппетит! Должно быть, они размножаются, не отрываясь от еды, если пожирают так прожорливо!

Судьба? Слишком поздно! Когда разум ускользнул от Арло, скальпель Бедокура вошел в тело Вениамина. Вениамин схватил Бедокура за уши, крутанул его и толкнул на лезвие упавшей косы. Кровь хлестала из обоих врагов, сжимавших друг друга в предсмертном объятии.

Волк Фенрир повертел головой, ориентируясь на добычу по звуку. Его челюсти лязгали по столонам — и наконец, поймали Атона. Одно усилие, и Атон был проглочен под вопли двух женщин.

Присоска втянула в себя остатки лужи ЕеоО, оставив лишь студенистую пленку.

Лфэ высекло еще одну искру, и на этот раз расщелина наконец занялась. Пламя взлетало к верхним поперечным туннелям, засасывая холодный воздух, и опускалось вниз к донному вихрю, где газ утекал в туннель дракона.

Арло почувствовал жар, который испепелял его тело и заодно убивал тафисов, — и вдруг все понял. Он поддался на приманку! Он должен был нанести удар не по дракону, а по электрической схеме сверхозноба! Тогда убийственный срок был бы оттянут и это позволило бы ему добиться компромисса между Жизнью и Смертью, спасающего обоих.

Последними остатками своего мозга, накаляющегося в хрупком костяном убежище, Арло бросил сгусток §-энергии в то тончайшее устройство, что оставалось последним оружием Хтона. Арло не мог разрушить его физически, но мог изменить сопротивление и направление тока, превратить во что-то другое, обезвредить...

Хтон с ним боролся. Но Хтон тоже ослаб. Пламя в пропасти оплывало прилегающие контуры, закоротив некоторые из них, разорвав другие, нарушив организованный процесс и обратные связи, которые и были разумом Хтона. Два угасающих мозга — органический и неорганический — сражались за генератор сверхозноба, воздействуя на него то с одной, то с другой стороны, а в это время нарастающий ад рассылал свой жар по камню и туннелям, нарушая соединение хрупких диодов и резисторов.

Арло отчаянно старался разрушить устройство, прежде чем его собственный мозг окончательно исчезнет. Так же отчаянно Хтон пытался запустить его, хотя наводящая волна озноба еще не подошла. В результате устройство изменилось. Оно присоединило к себе в результате короткого замыкания всю резервную мощь Хтона, смешало особые сильнодействующие вещества, соединило кислород и фтор самым неожиданным образом, который не ограничивался органическими материалами, а включал в себя все сущее, и подключилось к § без сдерживающего предохранителя мозга Арло, производя в результате -

Фтор.

Эпилог

Фтор

Уничтожение

Рагнарек

Первое будущее: победа за Хтоном, Очищающим галактику от заражения.

Второе будущее: победа за Жизнью, Неизбежно уничтожающей свой собственный разум, неограниченно: тафисы.

Третье будущее: компромисс

Провалился.

Четвертое будущее: Фтор,

Известный иначе как рождение квазара Галактики мощнейший взрыв
Сродни неистовству Творенья.

Жизнь и Смерть: все исчезло

Рагнарек

Уничтожение

Фтор.

Мы во внешней вселенной наблюдаем Мы отмечаем итог победы Или
взаимного поражения.

Новый яркий квазар сияет

Пример

Предупреждение

Указывает путь к великому надежному Компромиссу.

Мы записываем историю болезни

И для вечности ее здесь представляем:

Пример

Наука.

Мы соглашаемся с тем, что должно быть.

Мы: неорганические разумы вселенной.

Мы завершаем войну с Жизнью.

Мы отвергаем — Фтор.